

Основы русской социологии

Этико-
социологическое
направление
в русской
социологии

Представители
других направлений
русской
социологии

Русские
юристы-социологи

Отношение
историков
к социологии

Появление
экономического
материализма

Социологическая
литература
начала XX века

Марксистская
социология

Н.И. Кареев Основы русской социологии



Н.И. Кареев Основы русской социологии



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНА
ЛИМБАХА

Институт
социологии
Российской
Академии
наук

Санкт-
Петербургский
филиал



Санкт-Петербург
Издательство
Ивана Лимбаха
1996

Н.И.Кареев

**Основы
русской
социологии**

Предисловие

Историко-социологические взгляды Н. И. Кареева

Кареев Николай Иванович (1850—1931) был одним из выдающихся представителей русской интеллигентской элиты конца XIX—начала XX вв. Ему принадлежит множество работ по проблемам образования, культуры, историографии, философии истории и социологии.

Его сочинения «Основные вопросы философии» (1887), «Введение в изучение социологии» (1897), «Теория исторического знания» (1913), «Историология» (1915), «Общие основы социологии» (1919), широко читаемые и обсуждаемые в свое время, не потеряли научной ценности до сих пор.

Данное издание, являющееся плодом многолетних размышлений автора и его усилий по укреплению академических позиций в социологии, подготовлено к публикации и прокомментировано ведущим специалистом в области истории русской социологии профессором И. А. Голосенко и предназначено в первую очередь для тех, кто интересуется историей общественной мысли и культуры.

© И. А. Голосенко, подготовка текста, вступительная статья, примечания, 1996

© Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин, художественное оформление, макет, 1996

© Издательство Ивана Лимбаха, 1996

ISBN 5-89059-006-5

Николай Иванович Кареев (1850—1931) в истории отечественного обществоведения занимает особое место. Это был многоплановый исследователь, внесший ценный вклад в историческую науку, философию истории, социологию, гуманитарную методологию и культурологию. Он часто предлагал новые для своего времени как постановку, так и решение ряда научных проблем. Упомянем только некоторые из них: Кареев был первым, кто стал заниматься у нас конструктивно-типологическим анализом, также значительно раньше неокантианцев он стал выяснять особенности обобщения в исторической сфере и других сферах бытия (предваряя знаменитый спор о «нотетических» и «идиографических» методах).

Его научная карьера была ровной: в 1868 г. он успешно закончил гимназию, в которой учился вместе и был дружен с известным в будущем философом Вл. Соловьевым и социологом-экономистом А. Исаевым (имена всех трех были первыми в списке успевающих, висевшем на стене актового зала), в 1873 г. закончил с отличием историко-филологический факультет Московского университета, с 1879 г. стал профессором Варшавского, а с 1886 г. — Петербургского университета, с 1910 г. — член-корреспондент Российской академии наук, с 1929 г. — почетный академик АН СССР. За эти годы он написал массу статей, рецензий и книг, которые выходили в сборниках и избранных собраниях сочинений. Нельзя ему было жаловаться на отсутствие внимания к его работам при

жизни. Они встречали оживленный отклик (как одобрительный, так и негативный), заставляющий Кареева уточнять позицию, углублять аргументы. Он принимал участие в большинстве научных дискуссий вокруг многих сочинений на злобу дня, и не только собственных.

В начале нашего века один за другим уходят из жизни ранние представители субъективной школы — П. Лавров (1900), Н. Михайловский (1903), А. Оболенский (1906), С. Южаков (1910). Но социологические проблемы и методы исследования, предложенные ими, не перестают привлекать внимание второй волны социологов-субъективистов (Н. Рейнгардт, Е. Колосов, А. Гизетти, В. Чернов, В. Лункевич и др.), общепризнанным лидером которых остается Н. И. Кареев, бывший одним из зачинателей российской социологии и ее пропагандистом многие десятилетия. В целом позитивистские социологические взгляды Кареева были типичным интеллектуальным продуктом XIX в., ядро этих взглядов он стремился сохранить и закрепить в новой стремительно усложняющейся ситуации в социологии первой трети XX в. Именно это обстоятельство, как ни парадоксально, обеспечило ему авторитет среди молодых социологов и определило за ним ряд отличий от когорты его старших соратников. Различные исследователи отмечают в этой связи три особенности его творчества. Во-первых, настойчивую систематизацию им наследия субъективной школы (впрочем, ему было предпочтительнее другое название — «этико-социологическая школа») путем выделения как ее несомненных достоинств, так и уже очевидных ошибок и просчетов¹. Во-вторых, упомянутая защита субъективизма требовала от него более чем пятидесятилетней критической войны на нескольких фронтах — против неославянофильства, марксизма, неокантианства, религиозной метафизики, бихевиоризма и т. п. И, в-третьих, предыдущие особенности вызвали еще одну попытку

воссоздать глобальную картину генезиса русской социологии в виде национальной ветви мировой социологии². При этом он был не просто участником и механическим регистратором процесса возникновения социологии у нас в стране и за рубежом, но и вдумчивым историографом этого процесса, склонным к философско-социологической рефлексии. Поэтому его книги, статьи, учебные программы по истории социологии представляли собой не простое повествование о событиях, простое воспроизведение прошлого, а являлись исследованием, анализом идей, принципов и направлений в такой постоянно меняющейся, сложной и многообразной сфере, какой было социологическое знание и смежные с ним знания. Причем с учетом собственного обширного опыта в получении, аккумуляции, проверке этого знания.

Как человек разносторонних умственных интересов, Н. И. Кареев много и плодотворно интересовался философией истории и социологией, как профессиональный историк он написал немало чисто историографических работ, которые принесли ему мировую известность, и, наконец, он был чрезвычайно отзывчив к тревожным вопросам текущего дня России, хотя сознательно не стремился их нарочито политизировать. Комментаторы и критики его работ дружно отмечали, что в «неподвижной русской жизни вообще и в академической сфере в частности Кареев представляет собой явление достаточно отрадное».

Но при этом многие из них — Е. Соловьев, А. Воынский, Н. Михайловский, — будучи великолепными стилистами, подчеркивали один недостаток его писаний — литературную неуклюжесть и малообоснованную «трату энергии на отстаивание никем не оспариваемых положений». Так, в рецензии на одну из многочисленных книг Кареева литературный критик А. Воынский отмечал: «При тяжелом и тягучем слоге с надоедливым перезвоном архаических местоимений

посреди новейших научно-прогрессивных терминов, при полном неумении показывать свои мысли ясно, твердо, без помощи громоздких и туманных книжных сопоставлений, при явном отсутствии литературного темперамента и агитационного пыла, рассуждения г. Кареева могут внести в современное брожение идей только расхолаживающую струю педантичного резонерства¹. Читая тексты Кареева, изложенные действительно с «многословной обстоятельностью» (оценка Н. Михайловского), невольно ощущаешь себя человеком, передвигающим словесные глыбы. Читатель данной книги почувствует это. Но мало ли авторов книг по социологии и философии истории, писавших скучно и тяжелым слогом? Кареева от них отличает то, что, передвигая эти глыбы, вы обнаруживаете то в одном, то в другом месте родничок свежих идей. Особенно в сфере методологии социальных наук и истории социологии. В отличие от других историков той поры, относившихся к философии истории и социологии равнодушно или подозрительно, он требовал их союза и много сил потратил на его укрепление. Это обстоятельство сказалось на его интересе к истории социологии самым решительным образом. Несколько моментов следует отметить в этой связи.

Кареев вспоминал, что он «пристально следил за движением русской социологической мысли с появления самых первых работ»². В конце 1860-х гг. в России как-то сразу, неожиданно выходит целая обойма социологических книг и статей П. Лаврова, Н. Михайловского, Е. Де-Роберти, Б. Чичерина, Н. Данилевского, А. Стронина, А. Шапова, А. Градовского, С. Южакова с оригинальными заявками. А в 1873 г. появляются первые публикации самого Н. Кареева, который до конца 1920-х гг. продолжал регистрировать процесс развития социологии в нашей стране и за рубежом. А ведь этот процесс включал в себя множество творческих индивидуальностей, сильно разнящихся друг

от друга, текстов, которые нужно было как-то систематизировать, описать, не теряя из виду их интеллектуальную неповторимость. Исследование столь пестрого материала требует чего-то объединяющего — принципа, концепции. У Кареева сложился своеобразный концептуальный подход, положивший начало «русской традиции историко-критического обозрения социологических учений», имевшей в своих рядах крупнейших отечественных социологов — М. Ковалевского, В. Хвостова, К. Тахтарева, П. Сорокина, Н. Тимашева³. В творческом наследии Кареева нет специальной методологической работы, где излагалась бы упомянутая концепция, но она была имплицитно представлена в книге «Введение в изучение социологии» (1897), а затем в течение многих лет уточнялась в статьях и рецензиях на труды социологов разных стран, публиковавшихся Кареевым вплоть до конца 1920-х гг.

Попытаемся реконструировать главные методологические особенности его концепции истории социологии, ибо это поможет современному читателю более правильно сориентироваться в его теперь уже публикуемой рукописи «Основы русской социологии» и почувствовать реальность проблематики исторического знания, как ее понимал сам Н. И. Кареев. Он писал историю социологии «по горячим следам», по мере развития этой молодой науки на рубеже двух веков, сознательно придавая своим исследованиям форму самоаттестации, самосознания науки. Он считал, что в этом качестве история социологии должна помочь теоретику этой науки. Но как и в чем именно она должна помочь? Несколько возможностей обнаруживается в его замысле.

1. Как большинство позитивистов того времени, Кареев считал родоначальником научной социологии О. Конта, наследие которого якобы все последующие направления социологии односторонне и дифференцированно использовали⁴. Отсюда вытекала важная ис-

ториографическая задача — классификация и оценка направлений и школ на основе того, как они решали сформулированные Контом проблемы — предмета и методов социологии, общества и личности, среды, прогресса, культуры. Он предложил несколько типологических дихотомий, до сих пор применяемых исследователями: марксистская и немарксистская социология, в последней — позитивизм и антипозитивизм, в позитивизме — натуралистическая (органицизм, социальный дарвинизм, бихевиоризм и т. п.) и психологическая тенденции. Сам Кареев был убежденным сторонником социологического «психологизма» в той форме, в какой его трактовала субъективная школа, с позиций которой он критически оценивал все другие направления и их будущее. Он приходил к выводу, что каждая из соперничающих школ в социологии не могла возникнуть, если бы не имела некоторого оправдания в фактах и не заключала в себе относительно верную мысль, истинность которой порой зачеркивалась только ее догматизацией и абсолютизацией. Обдумывая ситуацию, он делал два предположения: во-первых, «будущее социологии как науки зависит от синтеза в одну общую теорию тех частных истин, которые были уже добыты» и впредь будут добываться отдельными социологическими школами и направлениями, и, во-вторых, желанный синтез должен совершаться все-таки на почве «психологизма»⁷. Вот одно из красноречивых признаний его на сей счет, сделанное в 1912 г. и положенное в основу всего его обзора русской социологии 1929 г.: будущее принадлежит только той социологии, «которая усвоит установки психологизма, противоположные направления обречены на вымирание»⁸. Итак, важнейшая цель историка социологии — унификация побед и промахов науки, достижение этой цели обеспечивает методическую помощь теоретику социологии. Своим подходом Кареев отвергал широко бытовавшие у представителей ака-

мической исторической науки той поры представления о необходимости соблюдения временной дистанции для того, чтобы события стали предметом исторического изучения. Вслед за ним вся «русская традиция» историографии социологии всегда настаивала на подобной связи прошлого с настоящим, расширяя временные границы исторического исследования путем органического подключения старого материала к современному состоянию знания. Так, Н. С. Тимашев каждый раздел своей известной, неоднократно переиздаваемой работы «Социологическая теория» будет заключать «ретроспективной оценкой» с точки зрения сохранения преемственности, а П. Сорокин будет считать, что историк социологии всегда имеет дело с особой идейной системой «социология вчера, сегодня и завтра», которой присущи особые законы функционирования и развития, особое видение всего материала⁹.

Приемы Кареева горячо поддержала молодая волна в субъективной школе — В. Лункевич, Е. Колосов, А. Гизетти, С. Гальперин. Первые двое попытались осмыслить роль Михайловского в становлении субъективной школы, а Гальперин выпустил два содержательных обзора мировой социологии начала XX в., оценивая ее с позиции субъективной школы. Кстати, он первым у нас обратил внимание специалистов на ряд новых имен в западной социологии, в частности на В. Парето и других¹⁰. Что же касается А. Гизетти, то он применил этот прием к истории русской социологии в целом, подготовив и прочитав по этой теме в 1919 г. курс лекций в Социологическом институте. Среди заинтересованных слушателей был и мэтр, сам Н. Кареев.

2. После классификационного вопроса о внутренних подразделениях социологии второй важнейший историографический вопрос — междисциплинарные связи социологии и других гуманитарных наук. В конце XIX — начале XX в. этот вопрос был крайне акту-

альным, методологические распри и прения не затихали долгое время, пока не было выяснено следующее важное обстоятельство: здесь нет единой формулы, соотношение различных научных дисциплин носит исторический характер и будет постоянно изменяться как по мере зрелости каждой из них, по мере роста их дифференциации, так и взаимного оплодотворения, интеграции. Кареев определил указанное соотношение и соответствующие задачи историка социологии следующим образом: социология — это не социальная философия, не довесок к биологии или психологии, а особая самостоятельная наука, которая находится в тесном союзе с историей, социальной психологией, политической экономией, этнографией, антропологией и другими науками о человеке, при теоретико-методологическом приоритете ее в этом союзе. Историк социологии обязан на конкретном материале проиллюстрировать становление этого союза и все его исторические метаморфозы. Эту же задачу позднее постоянно пытались по-своему разрешить в своих обзорах Ковалевский, Сорокин, Тимашев.

3. История возникновения социологической науки во всем мире, считал Кареев, учит, что от журналистского любительства и отдельных теоретических усилий надо переходить к социологии коллективных, институционализированных усилий. Сам он принимал активное участие во всех шагах подобного рода — был участником и инициатором создания социологических секций, кафедр, обществ в нашей стране, преподавал в «Русской школе общественных наук» в Париже. Кареев, так же как и другой представитель субъективной школы — С. Южаков, был первым составителем учебной программы по социологии, первой обширной библиографии мировой социологии¹¹. И так как социология в университетах царской России практически не читалась, то подлинно университетской и вузовской дисциплиной стала именно история социологии, брав-

шая на себя задачу несколько замаскированной пропаганды социологии, ее академической легализации. Вот почему подавляющая часть монографий «русской традиции» — книги самого Кареева, а также Ковалевского, Тахтарева и позднее, уже по инерции, в силу традиции, Сорокина и Тимашева были одновременно общепризнанными учебниками социологии.

4. Хотя Кареева, как историка и методолога, волновало прежде всего чисто логическое развитие социологической науки (т. е. своеобразный универсально-общий научный подход), он вместе с тем обращал самое пристальное внимание и на конкретно-реальные, в первую очередь, национальные условия становления науки. Отсюда национальный пласт его историографии, постоянное внимание к русской социологии, осмысление ее места в более широком идейном пространстве. Составляя в конце XIX в. указатель литературы мировой социологии (кстати, один из первых в истории этой науки), Кареев в список из 880 наименований включил 260 русских работ¹². Он откликнулся рецензиями и статьями на сочинения ведущих русских социологов всех направлений (Н. Данилевского, Б. Кистяковского, С. Франка, К. Тахтарева, М. Ковалевского, П. Сорокина и многих других), постоянно ввязываясь в дискуссии по поводу собственных и чужих исследований, следил за иностранными авторами, которые пытались писать о русской социологии. Итогом этого многолетнего интереса явилась его последняя работа «Основы русской социологии». Труд этот был задуман давно и готовился весьма долго. С первых лет своего профессорства разные стороны эволюции русской социологии вносились им в преподавание. Много десятилетий он был плодотворным ее работником, постоянно накапливавшим материал для обширного обзора. К написанию он приступил в 1919 г. по мере завершения другой книги — «Общие основы социологии», предполагая проделать ее быстро, так как он

очень хорошо ориентировался в фактическом материале. Однако после революции и гражданской войны ситуация в социологической науке страны стала очень серьезно меняться. Часть талантливых и влиятельных обществоведов ушла из жизни (А. Лаппо-Данилевский, Б. Кистяковский, В. Хвостов, В. Берви-Флеровский, А. Исаев, П. Кропоткин, И. Луцицкий и др.), другая эмигрировала (П. Новгородцев, П. Сорокин, А. Петражицкий, Е. Спекторский, Н. Тимашев, Ф. Степун, Н. Алексеев и др.). После Первой мировой войны и революции в России теоретико-методологический и идеологический престиж старого эволюционного позитивизма оказался подорванным, возникли и стали популярными, особенно у научной молодежи, неопозитивизм (прежде всего бихевиоризм). Эта смена ориентиров не всегда протекала безболезненно. Обычно Кареев работал быстро. Но сказывался возраст, кроме того, сильно мешали научной работе обстоятельства революционного времени и бурный поток марксистской социологической литературы в 1920-е гг. (учебники, обзоры, библиографии), который, по его словам, было трудно обобщать и систематизировать из-за его противоречивости. Интересно, что, когда он закончил рукопись, наметился перерыв в этом потоке, многие довольно интересные первые тома и выпуски по социологии конца 1920-х гг. дальше уже не имели продолжений. Не была опубликована и рукопись самого Кареева, только в наши дни появились в печати вначале фрагменты из нее, потом главы — первая, пятая и седьмая¹³.

К сожалению, публикации трех упомянутых глав носили характер абсолютного воспроизведения текста рукописи без критико-библиографической обработки его. Поэтому были механически повторены кое-какие ошибки и некорректности в аппарате. Кроме того, не были оговорены некоторые фактически неверные суждения Н. Кареева, которые не страшны сложившемуся

специалисту, но могут дезориентировать новичка. И тем не менее факт уже разрозненной публикации рукописи было делом полезным для историографии русской социологии.

Попытаемся оценить в целом этот последний труд Кареева. Совпадает ли содержание работы с основными положениями его ранней и общей концепции истории социологии? Прежде всего, перед нами первый отечественный обзор широкого панорамного рода, до него в русской печати конца XIX — первой трети XX в. преобладали либо «портретный жанр», очерки об отдельных теоретиках, либо критическое или догматическое изложение отдельных направлений. Впрочем, специалисты были знакомы с обзорами русской социологии, которые появлялись раньше на французском (О. Лурье, 1903) и английском языках (Ю. Геккер, 1915). Кстати, именно Кареев представил последнюю книгу русскому читателю¹⁴. В 1927 г. Сорокин, находясь уже в США, опубликовал энергично написанный очерк о русской социологии начала XX в.¹⁵ В рукописи Кареева нет ссылок на эту статью Сорокина. Но Кареев был оппонентом на докторском диспуте Сорокина в 1922 г., в ходе которого он убедительно упрекал бихевиоризм в равнодушии к истории вообще и истории социологии в частности. Так что весьма вероятно обратное движение идей — сам Сорокин заинтересовался историей социологической мысли под влиянием Кареева, к мнению которого всегда относился с должным почтением.

Ввиду того, что Кареев был лично знаком с огромным количеством русских социологов, от «пионеров» — П. Лаврова, Н. Михайловского, М. Ковалевского, Е. Де-Роберти, до последней поросли — К. Тахтарева, П. Сорокина и многих других, то все это придает его труду интересный для истории мысли характер «живого наблюдения». Учет личностного момента в историографическом исследовании идей крайне важен. Вот по-

чему изучение биографических сведений о социологах, ознакомление с их личными архивами и перепиской — интересная задача, научное решение которой придает более адекватную и достоверно-конкретную форму анализу, помогает историку мысли преодолеть мало-плодотворное противопоставление «специфика — абстрактность». Этот завет П. Лаврова обязательно учитывал и Кареев. В рукописи масса интересных деталей подобного рода. Да и общую линию развития русской социологии он передает достаточно достоверно, выдерживая временные рамки появления и функционирования главных направлений, фиксируя новые повороты в эволюции мысли, борьбу и кризис ряда школ. Однако рукопись, к сожалению, носит отрывочный характер, кое-что в ней относительно полно аргументировано, но многое дано конспективно, бегло. Попадаются досадные фактические ошибки, особенно в аппарате, впрочем, вероятно, извинительные для черновика. (Об этом см. технический комментарий в конце предисловия.)

Смысловое ядро работы — поиск связей и зависимостей когнитивной сферы: установление филиации и оппозиции идей, обнаружение причин параллельных открытий, заимствований и приоритетов, поиск итога в борьбе разных мнений. Кареев сознательно стремится ограничить свои исследовательские усилия выяснением следующих «культурных координат»: идейные предпосылки социологии в России (вклад Н. Чернышевского), появление новых теоретических вопросов и проблем в культурной жизни страны после реформы 1861 г., западное идейное влияние на осмысление этих проблем (О. Конт, Г. Спенсер, Ч. Дарвин, К. Маркс), взаимоотношения возникающей социологии с традиционными разделами академической науки тех лет — историей, политической экономией, правоведением и др. Проблемы социальной зависимости социологичес-

ких идей им упоминаются бегло и трактуются в значительной степени релятивистски, как и все авторы, принадлежавшие «русской традиции» историографии социологии, он стоит на интерналистских позициях. В этом отношении для историка науки весьма показателен спор, который позднее вел последний представитель этой традиции П. Сорокин со сторонниками экстернализма в историографии и методологии науки Р. Мертоном, Б. Бербером и др.¹⁶

В свете сказанного схематическая генеалогия социологической мысли в России, по Карееву, охватывает следующие, далеко не простые науковедческие вопросы: периодизацию и классификацию направлений, описание становления объяснительной части теории и прогноз будущего состояния страны. В решении этих вопросов обнаруживается как повторение его ранних концептуальных принципов, так и некоторые новации. Рассмотрим это несколько подробнее.

Старый классификационный критерий — «направления и проблемы» — он теперь применяет только к магистральным, на его взгляд, линиям русской социологии: субъективной школе и историческому, или экономическому, материализму. И соответственно решает проблему периодизации: первый период, с конца 60-х гг. до середины 90-х гг. XIX в., характеризуется им как возникновение и господство субъективной школы, успешно борющейся с социологическим натурализмом, органицизмом, социо-дарвинизмом и т. п.; второй период знаменуется возникновением марксистской социологии, его он делит на два подпериода: до 1917 г. — сосуществование и борьба марксистской и немарксистской социологии, систематизация наследия субъективной школы, первые осмысленные призывы к теоретико-методологической интеграции, — и с 1917 г., когда политическая победа большевизма привела к неизбежному лидерству марксистской социологии.

Несмотря на порой царапающую жесткость при наложении этой временной сетки на живую ткань социологической науки и деятельности, Карееву удалось сделать ряд интересных обобщений. В частности, таков его вывод о неизбежной интеграции «экономизма» и «психологизма» в ближайшем будущем¹⁷.

Взгляды всех других русских социологов, не принадлежащих к упомянутым школам, Кареев несколько неожиданно классифицирует по профессиональному признаку — историки, юристы, экономисты. В этом подходе были известные резоны, так как он прояснял отчасти суть междисциплинарных контактов, издержки профессионализации социологии в России, отстававшей в этом отношении от многих западных стран¹⁸. Но нельзя не отметить некоторые явные просчеты и узость этого подхода. Так, в один разряд у него попадали абсолютно непохожие в теоретическом отношении социологи, скажем, «юристы»: В. Хвостов, Г. Шершеневич, С. Гальперин, М. Ковалевский и др. Кроме того, ряд профессий вообще им не использовался, а между тем социологией в России, особенно в начале XX в., занимались естествоиспытатели, врачи, статистики, учителя, инженеры, журналисты, военнослужащие, священники и т. п.

Не выясняя, как говорится, досадные мелочи, которых в рукописи все-таки немало, остановимся на ее центральном уязвимом месте.

Дело в том, что подлинной основой концепции истории социологии является общая социологическая теория того общества и той культуры, в рамках которых живет и действует сам ученый. Именно она определяет принципы выбора историографических фактов (отбор имен, направлений, проблем), объясняет их связи, корреляцию и эволюцию, показывает, что было главным и второстепенным в этом процессе. А позитивистская теория субъективной школы не подтверждалась мно-

гими фактами. Она подвергалась серьезной и обоснованной критике марксистами (В. Плеханов), антипозитивистами (Б. Кистяковский, Н. Бердяев, С. Франк) и даже некоторыми позитивистами (В. Гольцев, П. Миллюков, А. Слонимский). Критика выяснила многие просчеты психологического редукционизма. Основные компоненты общей социологии Кареева сложились еще в 1880-е гг. прошлого века («Основные вопросы философии истории», 1883; «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», 1889), без существенных модификаций прошли 1890—1900-е гг. («Введение в изучение социологии», 1897, 3-е изд. — 1912) — вплоть до 1919 г. («Общие основы социологии»). В суперорганической, или социальной, сфере он выделял ряд явлений, составляющих предметы различных социальных наук. Прежде всего, «социальные взаимодействия» или «практические отношения», куда включал внешнее поведение индивидов и постоянные системы взаимодействий в виде «социальных организаций» (как естественного, так и преднамеренного, целевого, искусственного характера) — разделения труда, классовой структуры, власти, нормативной регламентации, хозяйства, систем воспитания и образования и т. п. Конкретные виды «социальных взаимодействий» — экономические, властно-правовые, политические, воспитательные и т. п. — составляют предмет многочисленных частных социальных наук. Социология же изучает их корреляцию и взаимосвязи. Более глубокий уровень суперорганического составляют, по Карееву, «взаимодействия психические», которые чаще всего и вызывают к жизни «социальные взаимодействия» и лежат в основе их функционирования. Это могут быть, допустим, подражание, привычки, авторитет, вера, обычай, сознательные цели, чувства эгоизма и альтруизма и т. п. Если продукты «психических взаимодействий» структурируются и воспроизводятся, то

они составляют системы «духовной культуры». Кареев классифицировал «психические взаимодействия» на межиндивидуальные, составляющие предмет индивидуальной психологии, индивидуально-групповые и межгрупповые, составляющие предмет социальной психологии и культурологии (кстати, он одним из первых стал применять этот термин, определяя взгляды П. Лаврова как социологически ориентированную культурологию). Обе ветви психологии — самые надежные союзники общей социологии, так как имеют дело с явлениями, составляющими специфику суперорганического, общей теорией которого и является социология. Вот почему, писал Кареев, «новейшие социологические трактаты в значительной мере являются и трактатами психологическими»¹⁹. Личность по своей социо-культурной сущности феномен двойственный, с одной стороны, она есть массовый продукт всех перечисленных выше форм взаимодействия, а с другой — их творческое преобразование²⁰. Отсюда популярный в социологии на рубеже двух веков термин «прогресс» он трактовал как историческое расширение возможностей для творчества личности, взятой индивидуально и коллективно.

Кареев постоянно и настойчиво защищал примат психологизма в социологии: для того чтобы объяснить существование общего языка, общих религиозных верований, обычаев, элементов народной культуры (фольклора), мы логически не нуждаемся в предположении о том, что члены того или иного народа связаны между собой «практическими отношениями» и «социальными организациями», для нас достаточно одного соображения, что эти психические единицы способны оказывать влияние друг на друга, т. е. быть «в духовном общении, психическом взаимодействии»²¹. Но если в суперорганическом «все есть в итоге психическое взаимодействие» (слова самого Кареева), то на каком основании он различает политические сис-

темы от экономических, а те от семейно-бытовых, культурных, образовательных и т. п. Теоретические разводки и определения систем этих отношений у него откровенно номиналистичны, тривиальны и потому малоубедительны, как и его нападки на социологический реализм²². И хотя на словах он признавал единство «общества и личности», но всегда оговаривал за последней с онтологической, логической и методологической точек зрения значение «исходного пункта» для психологически ориентированной социологии. Но не сливается ли такая социология с психологией? Впрочем, сам Кареев (наиболее недогматичный и самокритичный среди всех субъективистов) признавал, что этой ориентации «весьма далеко еще от того, чтобы рассчитывать на полное торжество в науке»²³. В тексте Кареева нет ответа на важнейший вопрос: почему после реформы 1861 г. в России возникла необходимость формирования научно-социологической картины общества? Констатация этой необходимости имеет место, а объяснения — нет. Текст демонстрирует только описание процесса, отодвигая объяснение (т. е. обнаружение связей социологических идей с настроениями, идеологией разных сословий, классов и других многообразных социальных групп и слоев русского общества, их сотрудничеством и борьбой) в сторону, а в итоге оставляет вопрос открытым. Это типичная и принципиальная ошибка сторонников интернализма. В итоге еще одна неизбежная ошибка — расширительное толкование «научности» позитивизма как некоего универсального светила, под лучами которого самые разные направления могут вырастать, развиваться и плодоносить одновременно за счет постоянного изменения, наполнения позитивизма новым содержанием. Это оборачивается неполнотой, аналитической негибкостью, неоправданным сужением исследуемых объектов, противопоставлением социальных и культурных координат науки. В итоге в предмете истории социо-

логии как научной дисциплины появляются разрывы, невольные искажения общих интеллектуальных процессов, их логики, хотя именно эту исследовательскую цель интерналисты считают главной. Так, вторая глава, в которой разбираются социологические концепции органицистов А. Стронина, П. Лилиенфельда, неопозитивиста Е. Де-Роберти, анархиста П. Кропоткина и др., названа Кареевым незамысловато — «Представители других направлений русской социологии». Объединение столь разнотильных концепций в одной главе носит механистический характер, по принципу «субъективная школа и другие» или «наряду с субъективной школой».

Встречаются в тексте Кареева и просто спорные обобщения, от которых, вероятно, не застрахован никакой исследователь, стоящий на любых методологических позициях. Например, он подчеркивал «слабое влияние социологии на политическую экономию». Вероятно, над профессиональным историком довлел его повседневный опыт живого общения с некоторыми русскими экономистами. Между тем даже приводимые им факты творчества А. Исаева, П. Струве, М. Туган-Барановского, С. Солнцева, П. Маслова опровергают этот вывод. И список русских экономистов, которым именно внесение социологической точки зрения помогало делать серьезные теоретические разработки, можно продолжить: попытки Р. Орженецкого связать трактовку социального (и экономического) явления с ценностями, Н. Первушина создать оригинальную теорию алкоголизации населения в связи с общей теорией потребностей и многие другие²⁴. Нечто подобное можно сказать и об историках. Скептическая оценка их как лиц, тотально враждебных социологии, неполна. Были разные ориентации. Там, где русские историки принимали социологию, они достигали выдающихся успехов²⁵.

Книга Н. И. Кареева, как любые исторические работы, даже сделанные профессионалом высокого класса, несет на себе печать времени. Теперь это хорошо видно. Поэтому ее надо воспринимать с учетом социокультурных условий 1920-х гг., тогда будут видны как пронизательность, интеллектуальная честность Кареева, так и его ошибки, заданная временем относительность суждений, оценок и прогнозов. И все же главным для нас остается то, что как историк отечественной социологии Н. И. Кареев выдержал испытание на прочность научной традиции. Последующие три десятилетия после его смерти социологическая наука в нашей стране находилась в придушенном состоянии. В 1960-е гг. оттепель коснулась и ее. Возник и нарастал интерес к истории социологии, в том числе и русской. С тех пор стали появляться ссылки на рукописный текст «Основ русской социологии», в 1970—1990-е гг. они стали регулярными. Нынешняя публикация рукописи достойно венчает этот процесс и окончательно вводит работу Кареева в научный обиход. Чем она будет полезна читателю-профессионалу или просто интересующемуся судьбами интеллектуальной истории России? Для студентов социологических и других гуманитарных факультетов это добротное учебно-справочное пособие, написанное участником и наблюдателем самого процесса становления социологии в сложный исторический период. Для специалистов это один из вариантов моделирования процесса истории отечественной социологии. Полезный и ценный уже хотя бы потому, что был создан, не говоря уже о многочисленных его положительных качествах. Любые дальнейшие, более углубленные занятия историей социологической науки в нашей стране обязаны учитывать эту модель как достойную предшественницу. Лучшее и адекватнее они могут стать только при критическом ее усвоении.

Технический комментарий: Рукопись печатается с соблюдением авторской орфографии и пунктуации. Лишь из-за боязни дезориентировать читателя были внесены поправки в аппарат, где встречались неточности. Все эти дополнения — выходные данные некоторых публикаций, правильное и полное название книг и статей, даты рождения и смерти социологов и т. п. — даются как в тексте, так и в примечаниях в квадратных скобках. Подстрочные примечания принадлежат составителю, комментарии Кареева приводятся после текста каждой главы. Книга дополняется также отсутствующим в рукописи именным указателем. Рукопись существует в двух вариантах — московском (Российская государственная библиотека) и петербургском (Архив Российской академии наук). Последний более подготовлен к печати, в нем меньше пропусков, и поэтому именно он положен в основу данного издания.

Проф. И. Голосенко

¹ Лиоренцевич И. Г. Основные этапы развития субъективной школы в русской социологии // Социол. исслед. — 1975. — № 2. — С. 171; Timasheff N. Sociological Theory. — New York: Random House, 1965. — P. 122—123.

² Голосенко И. А. Основоположник русской традиции историко-критического анализа социологических учений // Социол. исслед. — 1985. — № 3. — С. 175—179.

³ Сев. вестн. — 1895. — № 10. — С. 63.

⁴ Кареев Н. Введение в изучение социологии. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. — С. XIV.

⁵ См.: Ковалевский М. Современные социологи. — СПб.: А. Ф. Пантелеев, 1905; Он же. Социология. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. — Т. 1.; Хвостов В. М. Социология. — М.: Моск. науч. ин-т, 1917. — Т. 1.; Тахтарев К. М. Социология. — Пг.: «Кооперация», 1918; Timasheff N. Op. cit.; Sorokin P. A. Contemporary Sociological Theories. — New York: Harper Row, 1928; Idem. Sociological Theories of today. — New York: Harper Row, 1963.

⁶ Кареев Н. Огюст Конт как основатель социологии // Памяти В. Г. Белинского. — СПб.: Лит. тов. А. И. Мамонтова, 1903. — С. 329—339. Ср.: Голосенко И. А. Исторические судьбы идей О. Конта: Трансформация позитивизма в русской социологии // Социол. исслед. — 1982. — № 4. — С. 146—160.

⁷ Кареев Н. Введение в изучение социологии. — С. 118—119.

⁸ Кареев Н. О значении психологии для общественных наук // Вестн. психологии, криминальной антропологии и педагогики. — 1912. — Т. 9. — С. 83—84.

⁹ См. Sorokin P. Sociology of Yesterday, today and tomorrow // American Sociological Rev. — 1965. — Vol. 30. — № 6. — P. 833—843.

¹⁰ Гальперин С. И. Обзор социологической литературы за 1910 г. — Екатеринбург: Тип. А. М. Ротенберга, 1902; Он же. Современная социология: Обзор социологической литературы за 1902 г. — Екатеринбург: Тип. А. М. Ротенберга, 1903.

¹¹ См.: Кареев Н. И. Программа социологии. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895; Он же. Введение в изучение социологии. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897; Южаков С. Дневник журналиста: (Как изучать социологию) // Рус. богатство. — 1895. — № 11. — С. 33—105.

¹² Кареев Н. Введение в изучение социологии. — С. 393—418.

¹³ Кареев Н. И. Основы русской социологии / Введ. и подгот. текста И. А. Голосенко // Социол. исслед. — 1985. — № 3. — С. 176—186; Кареев Н. И. Марксистская социология / Публ. и коммент. В. П. Золотарева // Мир России. — 1992. — № 1. — С. 115—158; Кареев Н. И. Отношение историков к социологии / Публ. В. П. Золотарева // Рубеж. — 1992. — № 3. — С. 3—12; Кареев Н. И. Введение. Перед возникновением социологии в России / Публ. и вступ. В. В. Сапова // Социол. исслед. — 1995. — № 8. — С. 129—136.

¹⁴ Кареев Н. И. Американская книга о «русской» социологии // Рус. зап. — 1916. — № 6. — С. 295—303.

¹⁵ Сорокин П. Русская социология в XX веке // Рубеж. — 1992. — № 4. — С. 9—18. Прелюдией к ней стала другая его статья: Состояние русской социологии 1918 — 1922 гг. // Новая рус. кн. — Берлин, 1922. — № 10. — С. 20—26.

¹⁶ См. Allen Ph. (ed). Pitirim A. Sorokin in Review. — New York: Durham, N. C., 1963. P. 355—356, 482—484.

¹⁷ Кареев не является автором упомянутой идеи интеграции, о ее необходимости писали в России многие социологи — П. Нико-

лаев, В. Чернов и др. Позднее Н. Тимашев и П. Сорокин будут в своих историографических работах называть интеграцию одной из важнейших закономерностей развития мировой социологии вообще.

- ¹⁸ См.: *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX—XX вв. — М.: Онега, 1995. — Гл. 1.
- ¹⁹ *Кареев Н.* Введение в изучение социологии. — С. 244.
- ²⁰ Там же. — С. 296.
- ²¹ Там же. — С. 113.
- ²² Там же. — С. 114—115. Ср.: *Кареев Н. И.* Общие основы социологии. — Пг.: «Наука и школа», 1919. — С. 13.
- ²³ *Кареев Н.* Введение в изучение социологии. — С. XIV.
- ²⁴ См. соответствующую литературу. *Голосенко И. А.* Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX века: (Библиогр. указ.). — М.: «Онега», 1995.
- ²⁵ См. большой материал по этой теме: *Бутенко В.* Наука новой истории в России // *Анналы: Журн. всеобщей истории.* — 1992. — № 2. — С. 130—152.

Введение. Перед возникновением социологии в России

- I.** Первое знакомство с Огюстом Контом в России
- II.** Начало его изучения
- III.** Русская позитивистская журналистика и новые социологические проблемы
- IV.** Начало этико-социологического направления
- V.** Периоды истории русской социологии

● СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАРОДИЛАСЬ в России в начале последней трети прошлого столетия, на памяти автора настоящей книги, который сам принимал в ней участие чуть ли не с первых лет ее существования.

Только в конце шестидесятих годов прошлого века стала у нас распространяться идея о необходимости новой науки, которая должна изучать общественные явления с целью открытия естественных законов этих

явлений, по образцу наук, изучающих природу, и вошло в употребление и новое имя этой науки — «социология», данное ей ее инициатором Огюстом Контом, основоположником позитивной философии. Хотя его «Курс положительной философии» вышел в свет еще в тридцатых—сороковых годах века (1830—1842), сколько-нибудь внимательное отношение к нему в самой Франции началось тоже только в шестидесятых годах, когда Литтре издал свою книгу «Огюст Конт и положительная философия» (1863) и вскоре после этого вместе с Вырубовым основал свой журнал «Philosophie positive» (1867)*, издав вслед за тем отдельно две первые главы «Курса». В эти же годы вышло в свет и второе издание этого главного труда Конта. Таким образом, в самой Франции, где контовская идея была, можно сказать, совсем забыта в течение целой четверти века после выхода в свет последнего тома «Курса», еще не существовало социологической литературы в годы, когда она стала возникать у нас. Более внимательно отнеслись к Конту и его идее социологии в Англии, где он оказал влияние на Милля, на Льюиса¹, на Бокля и на Спенсера, но не нужно забывать того, что последний, заимствовав у Конта идею и имя социологии, начал вплотную осуществлять эту идею только во второй половине семидесятых годов, когда вышли его книжка «Об изучении социологии» (1876) и первый том «Оснований социологии» (1877). Если принять в расчет, что в Германии Контом несколько больше заинтересовались много позже, а в Северной Америке, где Уорд положил начало социологической литературе, — только в восьмидесятых годах, то можно будет сказать, что русская литера-

* «Позитивная философия» — фр. Первый в мире философский журнал.

тура была одной из первых, где мысль о социологии пустила прочные корни.

● До шестидесятых годов прошлого века знакомство с позитивизмом Конта и его социологией было у нас весьма незначительным и весьма поверхностным. В кружке Белинского философия Конта была известна по статьям о ней в «Revue des deux mondes»*, и вне этого кружка только Валериан Майков, брат Аполлона, поэта, и Леонида, ученого и литературоведа, еще молодым умерший писатель (1823—1847), в своей оставшейся неоконченной работе «Общественные науки в России» (помещенной в «Финском вестнике» за 1845 г.) обнаружил знакомство с «Курсом положительной философии» в подлиннике и отразил на себе влияние его основных идей. Если бы не ранняя смерть талантливого обществоведа, он впоследствии мог бы сделаться значительным социологом в России. Он рекомендовал озаглавить морально-политические науки «философией общества» в противовес тому, что он называл «антропологическим» направлением, заботящимся только о благосостоянии отдельной личности, имея в виду политическую экономию Адама Смита с ее индивидуалистическим устремлением, которой он основательно занимался раньше. Вообще английское направление обществоведения экономического уклона его не удовлетворяло, как не удовлетворяло и немецкое, представлявшее собой другую крайность в сторону отрешенности от жизни, отвлеченности, погруженности мысли в самосозерцание. «Бездушному анализу» англичан и «бесповоротному анализу» немцев он противопоставлял «органический характер» французской мысли, совершенно в духе Конта придавал «филосо-

* «Журнал двух миров» — фр.

фии общества» значение доминирующей в областях мысли и жизни науки. Со своей умственно-общественной точки зрения он критиковал немецкую метафизику и английскую экономическую науку, внося в свою «философию общества» элементы позитивизма и социализма, и в своем отрицательном отношении к национализму в период господства формулы «православие, самодержавие и народность» заходил так далеко, что даже Белинский нашел его позицию чересчур «всечеловеческой». К сожалению, на почве литературной критики между Белинским и Майковым произошли трения, прекратившиеся только перед самой смертью второго, даже сделавшегося сотрудником «Современника». Появление названной выше работы Майкова в захудалом «Финском вестнике» привело к тому, что на нее не обратили в обществе внимания, а затем вскоре он и совсем был забыт на несколько десятилетий. Да и вспомнили-то его прежде всего как литературного критика, выступавшего как соперник Белинского и как эстетический теоретик².

III. ● Распространению у нас идей Конта мешали и запретность его труда, и то, что в самой Франции Конт был основательно позабыт, и то, что сам он после «Курса положительной философии» написал совсем ненаучную «Систему положительной политики», которая бросила подозрительную тень на весь позитивизм. Запрет «Курса» был так определен, что даже в более близкое к нам время было трудно его достать. Даже на Западе, как мы видели, его вспомнили только в середине шестидесятых годов прошлого века, к какому времени только и относится второе издание «Курса». Вот почему нет ничего странного в том, что основатель социологии как науки с совершенно новыми предметом, задачей и методом оставал-

ся чужд и Чернышевскому, который, как никто в его время, был всем направлением своей мысли, своими умственными и общественными интересами, своими познаниями в области философии, политической экономии и истории подготовлен к тому, чтобы сделаться у нас начинателем новой науки. Как материалист по своим философским воззрениям, Чернышевский мог быть особенно предрасположен к тому, чтобы усвоить идею об общей теории общества без всякой мистической, метафизической и романтической примеси. Из всех общественных наук он ближе всего был знаком с политической экономией, которая гораздо более, чем всякие политические и юридические науки, была свободна от метафизики и в то же время особенно помогала понимать реальные общественные отношения, освещавшиеся, в его глазах, вдобавок, с усвоенной им социалистической точки зрения. У Чернышевского были и большие исторические знания, почерпнутые им не только из книг, но и из наблюдения над текущей политической жизнью, которые он излагал в своих журнальных статьях и обзорах. Сочинения Чернышевского включают в себе громадный материал суждения о том, что и как он думал по тому или другому из тех вопросов, которые вскоре после его насильственного изъятия из жизни начали ставиться и решаться в русской литературе, но весь этот материал рассеян, разбросан по разным местам, отдельные составные его части возникали по разным случайным поводам, и все это никогда им самим не сводилось в систему, в некоторое целое, которое могло бы рассматриваться им самим как научное единство. Конечно, современный исследователь может систематизировать весь этот обширный материал и изобразить, какова была социология Чернышевского, если бы он сам задался бы таким заданием, да это и происходит до известной степени на самом деле³, но от этого может получиться не подлинная социология Чернышевского,

а, так сказать, ее реставрация, как можно было бы, например, рассматривать историологию Фукидида или Тита Ливия. Вот почему автор настоящей книги воздержался от бывшей сначала для него очень заманчивой задачи воспроизвести социологию Чернышевского, которая, конечно, не могла бы не быть в достаточной мере результатом работы автора, а не исследуемого писателя. Как, положим, можно было бы говорить о понимании самим Чернышевским вопроса о существовании социологии, ее предмете, задаче, методе, об отношении ее и к разным другим общественным наукам, между прочим, к истории, а также к философии, к психологии, к этике, о внутреннем расчленении ее, об исторических ее предшественниках, когда у данного мыслителя не было в уме и самой-то идеи о такой науке. Чернышевского можно назвать самым крупным социологом в России до возникновения в ней социологии, но с оговоркой, что он был социологом, сам того не зная⁴. Вот соображения, на основании которых Чернышевский остается без рассмотрения в этой книге, вопреки тому, что Геккер, американский автор о русской социологии, отводит ему место в своем обзоре⁵.

Более посчастливилось Конту у Писарева, который, конечно, неизмеримо меньше мог бы сделаться социологом, судя по характеру его ума и таланта и по предпосылкам его литературной деятельности. Писарева, как известно, увлекала идея, положенная в основу контовской классификации наук, и он построил на ней образцовую программу гимназического и университетского образования, начиная ее математикой и кончая историей, да, именно историей, когда у самого автора классификации завершением научного знания являлась социология. Характерно и то, что в самом заголовке статьи, которой Писарев знакомил русских читателей с последними томами «Курса положитель-

ной философии», стояло «Исторические идеи Огюста Конта».

«Россия, — писал Писарев, — до сих пор не имеет о Конте никакого понятия», но, давая сам о нем понятие своей большой статьей, в общем обозрении содержания «Курса положительной философии» не называл социологию ее настоящим именем, употребив выражение «общественная физика», которое употреблял и далее, говоря о догматической и об исторической частях этой общественной физики (т. е. социальной статике и динамике Конта). Мало того, он нашел нужным в статье о Конте «не сказать ни одного слова ни о положительном методе вообще, ни о классификации наук и разделении их на абстрактные и конкретные, ни о взгляде Конта на психологию и на политическую экономию и так далее», потому что, объяснял он, «какой интерес могут иметь для наших читателей философские рассуждения о методе и о классификации наук, о которых эти читатели имеют самые смутные понятия». Это писалось всего за два-три года перед тем, как, уже после смерти Писарева, у нас возгорелся журнальный спор об объективном и субъективном методах. Писарев ограничился изложением, комплектированием и, местами, критикой пятого и шестого томов «Курса» как историко-философского труда, да и то не доведши это изложение до конца, остановившись перед XVIII в.⁶ Таким образом, Писарев не остановил сам внимания и не обратил внимания читателей на то, что было наиболее существенным в замысле Конта и на что, наоборот, с особым сочувствием указали Литтре и Милль, которых он даже за это упрекнул, прибавив, что сам он, знакомя русских читателей с Контом, «считает полезным поступить как раз наоборот». Писарев полагал даже, что благодаря этому Россия может «узнать и оценить Конта гораздо точнее, чем Западная Европа»⁷.

Не писаревская статья о Конте, прочитанная пишущим эти строки в гимназические еще годы, возбудила в нем интерес к социологии, а чтение, уже во времена студенчества, статей Лаврова и Лесевича, относящихся к переходу от шестидесятых к семидесятым годам. Из них первый и сделался у нас основоположником социологии, тогда как второй занимался исключительно философской стороной позитивизма в своем «Опыте критического исследования основ начал позитивной философии» (1877).

Таким образом, позитивизм и социология вошли в русский умственный обиход только в исходе шестидесятых годов XIX в., и о них у нас стали появляться отдельные работы⁸, из которых лишь три-четыре были посвящены специально социологии Конта. Это, во-первых, две книги польского писателя Северина Смоликовского, изданные в Варшаве и оставшиеся неизвестными в русской журналистике. («Учение О. Конта об обществе», 1881 г., и «Изложение основных начал позитивной философии и социологии Конта», 1886 г.). Второй работой является статья В. И. Герье, далеко не бывшего позитивистом, но относившегося объективно к своему предмету. Статья эта называется «О. Конт и его значение в исторической науке» [// *Вопр. философии и психологии*. — 1898. — Кн. 42—45]. Наконец, А. С. Лаппо-Данилевский написал очень ученую и основательную работу, детально рассматривающую происхождение отдельных социологических идей Конта. Автор этой работы («Основные принципы социологической доктрины О. Конта»), появившейся в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), в начале своей научной деятельности стоял на почве англо-французского позитивизма, перешедши потом на сторону немецкой философии в ее неокантианском направлении, в котором вырабатывалась совсем иная, чем у Конта, классификация наук, замена противопо-

ложения социологии и истории противоположением генерализирующего и индивидуализирующего типов историй⁹. Этот этюд имеет большое значение для истории вообще генезиса социологии как отвлеченной науки об обществе.

Все предыдущее должно служить оправданием того, что историческое изложение русской социологии начинается не с более раннего времени, как вторая половина шестидесятых годов. Нужно далее отметить, что русская социологическая литература возникла в недрах передовой журналистики и только в следующем десятилетии у социологии явились сторонники среди университетских ученых, тоже создавших свои органы для пропаганды новой общественной науки.

Главными органами периодической печати позитивистского направления были сначала «Отечественные записки», «Дело» и «Знание», позднее к ним присоединились «Критическое обозрение» и «Юридический вестник». В первом из этих журналов, перешедших в 1868 г. под редакцию Н. А. Некрасова, Г. З. Елисеева и М. Е. Салтыкова, старых деятелей «Современника», закрытого в 1866 г., помещались статьи Лаврова (большая часть анонимно) и Михайловского, скоро выдвинувшегося в этом журнале на одно из первых мест. Лавров участвовал также в «Деле», продолжавшем с 1866 г. традиции «Русского слова», и в научном журнале «Знание», основанном в 1870 г. Гольдсмитом и Коропчевским. «Критическое обозрение», недолго просуществовавшее, было предпринято в 1879 г. молодым московским профессором М. М. Ковалевским и В. Ф. Миллером, из которых первый сам занимался социологией, а «Юридический вестник» примкнул к новому направлению с тех пор, как стал выходить в 1878 г. под редакцией тоже одного из представителей московской молодой профессуры С. А. Муромцева, равным образом ставшего сторонником позитивистской социологии.

Хотя между прекращением «Современника» (1866) и переходом «Отечественных записок» в руки его прежних редакторов (1868) прошло каких-нибудь полтора года, но новый журнал не мог быть непосредственным продолжением старого, особенно если принять в расчет, что такая умственная сила, какой в последнем был Чернышевский, сошла со сцены еще за шесть лет до начала «Отечественных записок» под редакцией его прежних соратников. Не касаясь разных злоб дня, нужно иметь в виду, что в этот перерыв к нам стали приходить новые умственные влияния, еще не оказывавшие своего действия на Чернышевского. Прежде всего, это было влияние идей Конта о социологии, легшей в основу совершенно нового течения у нас научно-общественной мысли. По отношению к Чернышевскому все это позитивистическое движение было новым, как и позднее русская марксистская социология, целиком возникшая на Западе, не была непосредственным продолжением учения Чернышевского, тем более, что наш великий экономист и с Марксом не был знаком. Вообще Чернышевского еще не занимали мысли, которые уже сильно занимали наших социологов-позитивистов. К числу этих мыслей, кроме общего замысла Конта, относилось уже раньше «Социологии» Спенсера сформулированное им учение об обществе как организме, требовавшем определенного к себе отношения, по своей связи с серьезнейшими вопросами общественной жизни. Еще большее влияние на зародившуюся социологию оказал дарвинизм. Хотя «Происхождение видов» Дарвина вышло в свет еще в 1859 [г.], когда Чернышевский был еще на свободе, но, как известно, эта книга не произвела на него такого впечатления, как на других современников, и в конце жизни он даже высказался о дарвинизме как о чисто буржуазной выдумке, в целях оправдания эксплуатации рабочих. Если вскоре, особенно после вы-

хода в свет «Происхождения человека» (1871) Дарвина, и стали применять его теорию к человеческому обществу в нежелательном смысле, то это было уже во время ссылки Чернышевского, и задачи критики социалистических выводов из биологической теории, какие стали делаться на Западе, стали одной из задач зародившейся у нас социологической литературы. Вот эти три имени — Конт, Спенсер и Дарвин — и указывают на те теоретические вопросы, которых не было при Чернышевском и которые предъявили себя первым нашим социологам-позитивистам.

IV. К вопросам о создании новой науки о человеческом обществе, о понимании природы этого общества, о зависимости общественных явлений от животной стороны человеческого бытия не медлил присоединиться вопрос об отношении естественного процесса общественного развития, совершающегося по законам, которые должна была открыть новая наука, к нашим человеческим идеалам. Этот вопрос в сколько-нибудь острой форме не представлялся Чернышевскому, философия которого, как известно, вызвала протест со стороны Лаврова, сделавшегося основоположником русской социологии.

Вот в чем здесь было дело. Кроме «Курса положительной философии», Конт основал еще более позднюю «Систему положительной политики» (1851—1854), создававшую целую новую религию. В то время как одни из последователей Конта ее приняли, другие, остававшиеся верными научному духу «Курса», ее отвергли как aberrацию ума ее творца. Как ни смотреть на взаимные отношения «Курса» и «Системы» (или «положительной философии» и «положительной политики»), сам Конт между ними полагал ту разницу, что первое его учение, которое он считал сначала «окончательным», было добыто приложением «объек-

тивного метода», который он сам потом признал недостаточным, и вот, издавая свою религиозно-политическую систему, он прибег к другому способу мышления, дав ему название «субъективного метода», что было не чем иным, как творчеством моральных и социальных идеалов. Льюис, Милль, Литтре и присоединившийся к последнему наш соотечественник Г. Вырубов, чтобы издавать упомянутый философский журнал, отвергли «Систему положительной политики» и с нею «субъективный метод», которым Конт ее строил. Объявило войну этому методу и Социологическое общество, основанное в Париже при деятельном участии Литтре и Вырубова. Наши первые сторонники социологической проблемы признали это односторонним, объявив, что социология не может быть исключительно объективной по образцу естественных наук. Отсюда, как увидим, первое социологическое направление в России получило название «субъективной социологии». Впрочем, это название было ей дано извне.

В • Первыми русскими писателями по социологии были П. А. Лавров, Н. К. Михайловский и С. Н. Южаков. Первому из них было уже сорок пять лет, когда он впервые заговорил в печати о позитивизме и о социологии, и он уже давно был известен как ученый и философ, двое других только что начинали свою литературную деятельность, Михайловский — двадцати четырех лет, когда напечатал свою первую статью, создавшую ему литературное имя, Южаков — двадцати трех лет, когда написал свою первую социологическую работу. У одного, значит, было уже некоторое прошлое, в котором сложились известные умственные интересы, известные убеждения, второй и третий являлись новичками. Начав действовать в одни и те же годы (1868—1872), они принялись за разрешение, в сущности, одной и той же проблемы, причем

работа их получила критический характер по отношению и к Конту, и к Спенсеру, и к дарвинизму в социологии, и по отношению друг к другу, — между ними возникали и споры, — но это не помешало их выступлениям получить характер некоторой однородности, что дало одному из них, именно Южакову, возражавшему против выражения «субъективный метод», обозначить все это направление как этико-социологическое. В дальнейшем и мы будем пользоваться этим термином. Деятельность их охватывает собой три последние десятилетия XIX в., в самом конце которого зародилось у нас и другое направление социологии, идущее от Карла Маркса, основные социологические идеи которого не оказали никакого влияния на Лаврова, Михайловского и Южакова, бывших, однако, все трое социалистами.

Наши первые социологи не пошли за Контом, отвергавшим психологию в своем ряде абстрактных наук, в котором социология обосновывалась непосредственно на биологии. В данном случае, впрочем, и на Западе уже раньше психология была реабилитирована и заняла свое естественное место между биологией и социологией, что содействовало развитию психологизма в общественной науке. Независимо от западных влияний и даже их предваряя, русские писатели ставили и вопросы социальной психологии, коллективной, иначе говоря, психологии, изучающей психическое взаимодействие между людьми, соединенными в обществе. Мысли, настроения, стремления людей всегда играли большую роль в социологических соображениях пионеров нашей социологии, откуда и большое внимание, с каким они относились и к отдельной человеческой личности как носительнице всех психических переживаний, мыслей и чувств, желаний и стремлений. С этим психологизмом как изучением мира субъективных переживаний тесно была связана и этическая ори-

ентация первого направления русской социологии, то, что ненаучно было названо субъективным методом. В середине последнего десятилетия прошлого века этой психологической и этической ориентации была у нас противопоставлена другая, выдвинувшая на первый план не субъективные переживания людей, а объективные условия их существования, т. е. психология была противопоставлена экономике, «идеализму» — материализм. Если бы, можно думать, Чернышевский не был насильственно изъят из жизни и продолжал работать в принятом им направлении, если бы у него были и продолжатели в том же направлении, исключительно экономическое обоснование социологии, уже начинавшееся у Чернышевского, дожило бы до появления у нас марксизма, и последний явился бы только подмогой для направления, уже вполне сложившегося в самой России. Как бы то ни было, однако, в середине последнего десятилетия прошлого века, через два с половиной десятка лет после возникновения русской социологии, экономический материализм явился у нас как новое слово, хотя основная его идея была высказана чуть ли не за полвека перед тем. С этого момента, с середины девяностых годов XIX столетия, русская социология вступила во второй период своего существования, хотя в начале этого периода, и очень притом долго, продолжали параллельно существовать оба направления — и то, которое пошло от Конта, и то, родоначальником которого был Маркс.

¹ См.: Льюис Дж., Милль Д. Огюст Конт и положительная философия. — М.: Тип. К. Т. Солдатенкова, 1867; 2-е изд. — 1897.

² О Майкове в нашей литературе обстоятельно впервые заговорил А. М. Скобичевский («Отечественные записки» за 1872 г.), потом по поводу издания «Критических опытов» Майкова в 1891—1892 гг. К. К. Арсеньев («Вестник Европы», 1892), М. А. Протопопов («Русская мысль», 1891) и др. В нашем столетии см. ст.

Г. В. Плеханова в «Современном мире» за 1911 г. [См.: Голозенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX—XX вв. — М.: «Онега», 1995. — Гл. 2].

³ Социологические взгляды свои Чернышевский сам и не формулировал как таковые, и не систематизировал, а отдельные его заявления давали поводы причислять его к противоположным направлениям. В то время, например, как для одних Чернышевский — предшественник экономического материализма, для других он был социолог-психологист. М. А. Антонов в своей книге о нем прямо говорит: «по своим социалистическим взглядам Чернышевский, подобно Михайловскому и Лаврову, принадлежал к психологическому направлению в социологии». Этот психологизм Чернышевский, однако, сочетал с материалистическим пониманием самой психологии [См.: Антонов М. Н. Г. Чернышевский: Социально-философский этюд. — М.: «Сотрудничество», 1910. — Гл. 3].

⁴ См.: Котляревский Н. А. Очерки из общественных настроений шестидесятых годов [// Вестн. Европы. — 1911. — № 12]; В. К. Позитивизм в русской литературе [// Рус. богатство. — 1899. — № 3]; Ильинский В. К вопросу о философских и социологических воззрениях Н. Г. Чернышевского [// Вестн. Ком. акад. — 1927. — № 20]. Несколько замечаний о социологических воззрениях Чернышевского имеется в статье С. Южакова «Социологические взгляды Н. Михайловского» [// На славном посту, (1860—1900). — СПб.: Тип. Н. Н. Клобукова, 1906].

⁵ Hecker J. F. Russian sociology: A contribution to the history of sociological thought and theory. — New York, 1915. [2-е изд. — 1969] См. мою статью о ней: Американская книга о «русской» социологии [// Рус. записки. — 1916. — № 4].

⁶ Писарев продолжил его в статье «Популяризаторы отрицательных доктрин», но уже не по Конту.

⁷ Отмечаю мимоходом новейшую попытку представить мирозерцание Писарева как своего рода предвещание у нас марксистского мирозерцания в книге В. Переверзева «Нигилизм Писарева в социалистическом освещении» («Красная новь», 1926, июнь). Правильнее судит В. Кирпотин («Радикальный разночинец Д. Н. Писарев», 1929), указывающий на то, что Писарев в истории был идеалистом, и даже находящий у него «корни субъективного метода» в социологии.

⁸ Назову книгу и статьи: Ватсон Э. К. Огюст Конт и [позитивная философия: Этюды и очерки по общественным вопросам. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1892; Чичерин Б. Н. Положительная философия и единство науки. Социология // Вопр. философии и

психологии. — 1892. — Кн. 13; *Карпинский М. И.* К вопросу о позитивизме // *Православ. обозрение*. — 1875. — Т. 3. — Окт.; *Полаткина И. П.* Критика философской системы Конта и дополнение этой системы мыслями Гегеля и некоторых новейших философов. — СПб.: А. Ф. Безухов, 1873; Никанор., еп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. — СПб.: Тип. Синода, 1876. — Т. 1—2; *Козлов А. А.* Позитивизм Конта // *Вопр. философии и психологии*. — 1892. — Кн. 15; 1893. — Кн. 16].

- ⁹ Это особенно сказалось в его «Методологии истории» [— СПб.: Студенч. изд. ком. при ист.-филол. ф-те, 1910. — Т. 1; 1913. — Т. 2]. См. мою статью «Историко-теоретические труды А. С. Л.-Д.» («Русский исторический журнал», 1921). О той же книге М. Покровский («Под знаменем марксизма», 1923). Пользуюсь этим местом, чтобы отметить, что работы по методологии и теории вообще не входят в наш обзор, поскольку социология есть наука абстрактная (по Конту), или номотетическая, история же — наука конкретная (по Конту), идиографическая.

Глава первая. Этико-социологическое направление в русской социологии

- I. П. Л. Лавров
- II. Н. К. Михайловский
- III. С. Н. Южаков
- IV. Н. И. Кареев
- V. Л. Е. Оболенский
- VI. В. М. Чернов

● О ПЕТРЕ ЛАВРОВИЧЕ ЛАВРОВЕ¹ [1823—1900] как о социологе можно говорить только с конца шестидесятых годов, когда он поместил в «Современном обозрении» статью «Задачи позитивизма» (1868) и в «Надежде» печатал свои «Исторические письма» (1868—1869), вышедшие в свет потом и отдельной книжкой и сыгравшие известную роль в революционном движении семидесятых годов. До этого времени он был известен как философ («Очерки вопросов практичес-

кой философии», 1860, и «Три беседы о современном значении философии», 1861) и ученый-математик («Очерк истории физико-математики как науки», 1865—1866). Философские и физико-математические занятия Лаврова необходимо учитывать при суждении о нем как о социологе, особенно же то, что его мирозерцание сложилось под влиянием того же Фейербаха, который оказал влияние и на Маркса, и на Чернышевского, т. е. под влиянием философии, наиболее располагавшей к восприятию позитивизма, и что, с другой стороны, хорошее знакомство с точными науками тоже сильно располагало к сочувственному принятию мысли о применении идей метода точных наук к изучению общественной жизни. Будучи профессором Артиллерийской академии, Лавров был еще редактором выходившего в первой половине шестидесятых годов «Энциклопедического словаря», что требовало больших и разносторонних знаний от человека, занимавшего такой пост, и Лавров действительно удовлетворял этому условию, так как обладал громадной и разнообразной эрудицией. Первые четыре науки контовского ряда — математика, механика, физика и химия — были ему хорошо известны как артиллеристу по своему образованию, но он расширил свое образование в сторону и других наук. Его произведения обнаруживали вообще в нем человека, много знавшего в областях биологии и наук гуманитарных; в первой он особенно много занимался вопросами антропологии, из вторых — этнографией и историей, в которых он обладал большой начитанностью.

Начало занятий Лаврова позитивизмом и социологией относится уже к тому времени, когда в его биографии произошел крупный перелом. В 1867 г. он подвергся из-за политической неблагонадежности ссылке в один из северных городов России, откуда имел возможность в 1870 г. бежать за границу, сделавшись, таким образом, политическим эмигрантом на

все последние три десятка лет своей долгой жизни. Его имя перестало появляться в русской легальной печати, заменяясь многочисленными псевдонимами, под которыми и стали печататься в России его статьи и книги (Миртов, Кедров, Угрюмов, Крюков, П-ский и многие другие). Живя за границей, преимущественно в Париже, он примкнул к русскому революционному движению, сделавшись одним из его теоретических вождей, принимая участие в революционной прессе, редактируя ее издания и т. п., в то же время он посылал в русские легальные органы печати свои многочисленные статьи, под которыми иногда даже не ставил никакой подписи. Таким образом, литературная деятельность раздвоилась: с одной стороны, был Лавров-революционер, с другой — вполне легальный русский писатель, являвшийся перед своими читателями, правда, под разными масками, но более или менее легко узнаваемый и по взглядам своим, и по своему литературному стилю. Правда, самое большое и наиболее замечательное произведение Лаврова «Опыт истории мысли Нового времени», начавшее выходить в Женеве в 1894 г. и, к сожалению, оставшееся незаконченным, не получило доступа в Россию, многое, вошедшее в его состав, в свое время появлялось в русской легальной печати, а после смерти автора и весь труд появился в сокращенном виде (А. Доленги. «Важнейшие моменты в истории мысли», 1903). Как-никак, уход в эмиграцию и в революцию не помешал Лаврову печатать в России свои чисто научные работы, хотя необходимость скрывать свое авторство под разными псевдонимами имела много неудобств и для него, и для читателей.

Примкнув к революции, требовавшей практической деятельности, Лавров, в сущности, оставался кабинетным ученым и литератором, теоретиком, мыслителем, каким был по самой своей природе. Его, можно ска-

зять, более других вели по путям революции, чем он сам кого-либо вел. Он сам был несказанно удивлен, когда его «Исторические письма»² сделали в семидесятых годах своего рода евангелием революционно настроенной молодежи и подверглись за это гонению со стороны правительства. Как мыслителя его привлекала к себе проблема цельного и стройного знания, сведение его к внешнему единству, укладка его в систему, что не могло не привести его к сочувствию грандиозному замыслу Конта, к которому он, с другой стороны, не мог не относиться критически, обладая и более глубоким знанием философии, нежели то, какое было у Конта, и будучи знакомым с научными достижениями времени после выхода в свет «Курса положительной философии». Философское мышление самого Лаврова развивалось под влиянием левого крыла гегельянства, но он не сделался материалистом, как Чернышевский, заняв агностическую позицию по отношению к метафизической онтологии. От левого гегельянства он унаследовал преимущественно понятие критической мысли как двигателя исторического процесса и в этом направлении задумал обширный труд по истории мысли от самого ее возникновения в органической природе до наивысших ее достижений в философии и науке. Это в его замысле должна была быть не только философия истории человечества, но истории космоса до появления в нем первых признаков мысли. Над этим трудом Лавров работал в течение последнего тридцатилетия своей жизни, публикуя его проспекты и программы, предварительные к нему этюды, отдельные его главы и начальные части всего целого³.

Различая между социологией как общей теорией общественного бытия и развития, с одной стороны, и философией истории как изложения действительного хода истории человечества, хотя бы и в самом обоб-

щенном и отвлеченном виде, мы должны отнести и этот замысел Лаврова не к социологии, а именно к философии истории, но он, конечно, не мог при этом не ставить и не решать чисто социологических вопросов как в области методологии новой науки, так и со стороны понимания того, что такое общество и какими законами управляются его бытие и развитие. Полного и систематического изложения своих социологических взглядов Лавров не дал, но он столько раз их формулировал, что его система легко восстанавливается.

В основу своего философского мирозерцания Лавров ставил в качестве неоспоримо данного «цельную человеческую личность, или физико-психическую особь», являющуюся одновременно «объединенной частью вещественного мира и сознательным существом». Свою точку зрения, требовавшую одновременного развития в себе знания, творчества и жизненной деятельности, он сам называл «антропологической». На высшей ступени развития личность вырабатывает идеал человеческого достоинства, ставя себе целью его воплощение в жизни и во имя его производя суд над окружающей действительностью, откуда происходят и мотивы общественной деятельности личности. В первых своих работах Лавров выступал не столько объективным и строго научным исследователем, сколько горячим проповедником нравственных и общественных обязанностей каждого развитого человека, каждой «критически мыслящей личности». Задачу свою Лавров понимал в смысле определения, что должна делать личность как сознательная единица и как часть коллективного целого, в чем и заключался основной корень его социологического субъективизма. В знаменитых «Исторических письмах» Лавров явился последователем не того, как вообще совершается история и какова в ней на самом деле роль отдельных личностей,

а того, как должен происходить исторический процесс и что для этого требуется со стороны развитой личности, сознающей свой исторический долг. Но и объективно Лавров принимал, что «реальны в истории лишь личности, что лишь они желают, стремятся, обдумывают, действуют, совершают историю», ибо «исторические события сами собой не происходят», как он формулировал свою мысль и во «Введении в историю мысли» [Знание. — 1874. — № 1—2]. Общество может развиваться лишь действием на него более развитого меньшинства, что, как сам он выражался, «есть, по-видимому, закон природы», но и само меньшинство не все сразу приходит к новым идеям, которые нарождаются в единичных мозгах «критически мыслящих личностей» и являются «семенами прогресса». В этих личностях, критически мыслящих, вся сила исторического прогресса. В данном вопросе «Исторические письма» стояли на точке зрения, напоминающей более рационалистический индивидуализм XVIII в., нежели социальный эволюционизм XIX столетия. Это, впрочем, и понятно было в произведении, ориентированном более в сторону должного (как должна вести себя критически мыслящая личность), чем в сторону сущего (как происходит история), но уже и здесь мы находим, хотя и не вполне еще разработанными, раскрытыми, мысли, сводящиеся к тому, что на исторический процесс следует смотреть как на взаимодействие личности и общественной среды: «история мысли, обусловленной культурой, в связи с культурой, изменяющейся под влиянием мысли, — вот вся история цивилизации» или еще: «мысль реальна лишь в личности, культура реальна в общественных формах, и, следовательно, личность остается со своими силами и своими требованиями лицом к лицу с общественными формами».

«Исторические письма» еще отражали на себе прежнюю гегельянскую позицию Лаврова в левом ее истолковании. Более близкое ознакомление с позитивизмом Конта и эволюционизмом Спенсера и Дарвина вывело мышление Лаврова на новую дорогу. В 1869 г., еще до выхода в свет «Исторических писем» отдельным изданием (1870), в «Отечественных записках» появилась статья только что начинавшего свою писательскую деятельность Михайловского «Что такое прогресс?» В ней были высказаны мысли, очень сходные с теми, которые сам Лавров выразил в одной критической статье, помещенной им в 1867 г. в «Женевском вестнике», где он впервые проявил свой интерес к органистической теории Спенсера, приравнявшего человеческую личность к служебной роли клеточки поглощающего ее общественного организма*. Позиция Лаврова и Михайловского в данном вопросе была одна и та же, но требование Михайловского от прогресса «возможно полного и всестороннего развития между органами (отдельного неделимого) и возможно меньшего разделения труда между людьми» не могло не быть принято Лавровым как утопическое. Свои критические на этот счет замечания он и сделал в статье «Формула прогресса г. Михайловского», напечатанной без подписи автора в тех же «Отечественных записках» в 1870 г. [№ 2], где вторая половина формулы «возможно меньшего разделения труда между людьми» заменялась словами «справедливейшего разделения труда между людьми».

Если Михайловский вообще вплотную занялся теорией Спенсера, оказавшей на его социологическое мышление большое влияние, сделавшейся одним из

* Речь идет о статье: Лавров П. Герберт Спенсер и его «Опыты» // Женевский вестн. — 1867. — № 6. Отметим мимоходом, что идеи Спенсера в эти годы еще и на его родине не были сколько-нибудь широко известны.

главных предметов его критики в этот начальный период его деятельности, то Лавров, тоже бывший противником отождествления общества с организмом, особенно много не занимался его опровержением, гораздо больше занявшись применением к решению социологических вопросов другой биологической теории — дарвинизма. На той высоте научного мышления, на которой стоял Лавров, он не мог, конечно, целиком и без остатка объяснить все общественные явления биологическими факторами дарвинизма, как это делали некоторые скороспелые теоретики, которых критиковали особенно Михайловский и Южаков. Лаврова интересовал другой вопрос, стоявший в связи с его теорией личности, — как из животной особи зоологического мира возникает человеческая индивидуальность, находящая свое завершение в критически мыслящей личности. Это вполне соответствовало прежнему направлению его мыслей, начавши мыслить и социологически, он не мог не поставить и еще один вопрос о генетике и эволюции общества не только у диких, но еще у обезьяньих предков человека и вообще в животном мире. Дарвинизм должен был осветить проблему параллельного развития личности и общества, т. е. превращения простой животной особи в самостоятельную и самобытную единицу, способную противопоставлять себя общественной среде, с одной стороны, и превращения элементарного факта стадного сожития в организацию солидарности, способную достигнуть в будущем справедливейшего отношения к каждой отдельной личности. Обладая большими знаниями в зоологии и в антропологии, в этнографии и в истории, Лавров на эту тему написал не одну весьма солидную работу, из которых каждая может рассматриваться как большой этюд к грандиозной картине человеческой мысли.

Эти работы («До человека», «Цивилизация и дикое племя», «Современные учения о нравственности и ее история», «Научные основы истории цивилизации», «Введение в историю мысли» и др.) печатались в «Отечественных записках» и в «Знании» между 1869 и 1873 гг. В первой из названных работ Лавров подробно рассмотрел животные общежития, между прочим, с точки зрения взаимных отношений между особью и общественным целым вроде пчелиного роя или общественного стада, указывая на большую разницу между беспозвоночными животными и позвоночными, из которых первые более поглощены своим общественным целым, вторые же способны проявлять свои индивидуальные побуждения вопреки требованиям своего общежития, в чем, по Лаврову, заключается «умственное преимущество позвоночных». В статье «До человека» мы имеем целый трактат по «пресоциологии», как впоследствии на Западе стали называть изучение общественной жизни животных, притом более научный, чем соответственный отдел в книге Вундта «Душа человека и животных» (1863), где вопрос был рассмотрен так поверхностно и неверно, что сам автор перестал включать этот отдел в новые издания названного труда. Многими своими мыслями Лавров здесь превосходит выводы известной книги Эспинаса [Социальная жизнь животных. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1882]. Обезьяньи стада он считал стоящими более близко к человеческому обществу, чем пчелиные рои, и от этих обезьяньих стад он вел прямую эволюционную линию через общества первобытных людей, современных диких и варваров к историческим обществам цивилизованных народов. За указанной «пресоциологией» у Лаврова шло то, что позднее стало обозначаться как генетическая социология, опирающаяся на этнографию.

«Позвоночные животные, — заключал свою пресоциологию Лавров, — относятся к общественной жизни как к средству, не отдавая ей себя совсем, как это наблюдается у муравьев и пчел». Но и в людских обществах он находил и явления полного подчинения индивида окружающей общественной среде, поглощения индивидуальности общественностью, господства рутинности, предания, и явления индивидуального самосознания, критики, протеста, стремления воздействовать на среду по-своему. С этой точки зрения он разделял население любого современного государства на немногочисленных деятелей цивилизации с развитым индивидуальным самосознанием и с критическим отношением к данным общественным формам, на участников, уже менее малочисленных, являющихся главной опорой первых в защите ли этих форм или в нападении на них, и на самых уже многочисленных людей, лишь присутствующих при цивилизации, пользующихся данными формами, но остающимися в неподвижной рутинности.

Это разделение Лаврова членов одного и того же общества на три категории не по внешнему их положению в последнем, а по внутреннему их настроению, по отношению к окружающим их культурным формам, конечно, имело больше психологический, нежели социологический характер, касалось не строения общества, а психического состояния составляющих его единиц. Только они были для него реальны как мыслящие, чувствующие, стремящиеся и действующие существа, то или другое испытывающие от культурных форм и так или иначе к ним относящиеся. «Понятие общества, — думал Лавров, — при внимательном рассмотрении его, оказывается лишь удобной формой для изучения единовременных процессов, совершающихся в большем или меньшем числе солидарных между собой личностей, и реальных действий, ими совершаемых,

так что общество, собственно, реально существует лишь в личностях, его составляющих, именно в сознании личностями своей солидарности как между собой, так и с коллективностью». Из этого, однако, не следует выводить, что Лавров отрицал реальность «культурных форм», к которым рядом с духовной культурой он относил и самое строение общества (политические, юридические и экономические порядки); понимая историю как процесс «взаимодействия личностей и культурных форм», он тем самым признавал реальность не только в личностях и через личности, но и во внешних условиях окружающей природной среды. И тем не менее все-таки в центре внимания Лаврова стояли личность и ее развитие, которое он рассматривал не только как факт, подлежащий внешнему, объективному наблюдению, но и как внутреннее переживание, осознаваемое в виде возвышения собственного существа и сопровождаемое своеобразным наслаждением высшего порядка. Эта мысль была развита Лавровым в его статье «Современные учения о нравственности и ее история», где он яснее всего определил свои этические взгляды, бывшие далекими от утилитаризма Милля, принимавшего контовскую идею об альтруизме и в то же время признававшего на высших ступенях развития повелительное чувство долга. Самое наслаждение, получаемое человеком от сознания своего развития, сопровождается, по Лаврову, чувством обязанности и дальнейшего развития. Это духовное развитие он включал в число человеческих потребностей, удовлетворяемых общественной жизнью. Выделение человека из зоологического мира он и понимал именно в смысле развития в нем новых и новых потребностей. Если потребность в пище, обратившаяся в «потребность особо обеспечить себе при помощи общежития и общественных учреждений «материальные средства существования», легла «в основание всей

эволюции экономической жизни человечества», т. е. всей эволюции родовой, семейной, индивидуальной и государственной собственности, борьбы классов в продолжение всей истории и борьбы капитала с трудом в наше время, и если потребность индивидуальной безопасности обусловила эволюцию политической жизни общества, то в человеке, еще до выделения его из зоологического мира, существовала уже общая с другими животными потребность нервного возбуждения, которая, подчеркивал Лавров, только и была способна восторжествовать над ленью тела и мысли, столь характерной для дикаря доисторической и исторической культуры. В этой потребности нервного возбуждения он и видел источник всей духовной культуры с ее эстетическими, религиозными, нравственными, философскими и научными интересами.

Все три вида человеческих потребностей, удовлетворяемых человеком в общественной жизни (и самое эту общественность), Лавров считал одинаково унаследованными из времен зоологического существования и потому готов был признавать мало уступающими одна другой в качестве мотивов человеческих действий, но по степени более частой повторяемости побуждений, обуславливаемых этими тремя потребностями, первой из них он приписывал безусловное преобладание над остальными, откуда и делал тот вывод, что «экономические мотивы, во все эпохи сознанных интересов, должны были безусловно преобладать над политическими», хотя и оговорился при этом в том смысле, что в исключительных случаях передовые личности могут подчинять экономические мотивы политическим, а те и другие — побуждениям идейного свойства. Наконец, Лавров сравнивал эти потребности и со стороны большей или меньшей необходимости эволюции их последовательных фазисов и отдавал решительное предпочтение идейной эволюции, потому что в этой

области он усматривал еще один исторический двигатель, а именно «мотив неизбежных логических последствий». Дело в том, что всякое понятие вызывает, роковым логическим процессом, появление новых понятий, независимо от того, совпадает ли это или не совпадает с экономическими и политическими интересами людей, у которых возникают новые понятия. Этой стороной общественной и исторической жизни особенно, как мы видели, и интересовался Лавров, задававшийся намерением написать историю мысли и в течение многих лет над нею работавший. Сколько бы личность ни зависела в своем мышлении от окружающей ее среды, мышление есть дело личное, и в нем-то особенно проявляется человеческая личность, прежде всего интересовавшая Лаврова. Общий его философский «антропологизм» отразился на его социологии, проблема которой предстала перед ним на пятом десятке лет жизни резко психологическим и этическим характером всего ее устремления.

Свои экскурсии в область социологии Лавров обосновывал и методологически. Такое значение имеют печатавшиеся в «Знании» начала семидесятых годов «Очерки систематического знания» и начатые там же «Научные основы истории цивилизации» (1873) и «Введение в историю мысли»¹ (1874), первый набросок труда, бывшего для Лаврова главным делом его жизни как ученого и мыслителя. Здесь он строил свою классификацию научных знаний, определял положение социологии в их системе, указывал на то, в каком отношении социология должна стоять к истории, чем должна быть последняя, чтобы иметь право называться наукой. Между прочим, он требовал в истории «идеально обобщающего и реально-биографического элементов», а также устанавливал понятие закономерности общественных явлений в полном согласии с общим

духом позитивизма. Все это Лавров повторил потом в своих «Задачах понимания истории», вышедших в свет в России в 1898 г., т.е. за два года до его смерти, под псевдонимом С. Арнольди⁵. У нас был еще подзаголовок — «Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли». Посмертный⁶ труд Лаврова, вышедший в России в 1903 г. под заглавием «Важнейшие моменты в истории мысли» и под псевдонимом А. Доленги, большой том почти в тысячу страниц, представляет собой историко-философский трактат, рассматривающий сначала подготовку мысли человека «длинным рядом процессов — физико-химических, органических, психологических, общественных, создающих и формы тела человека, и формы его сознания, и формы его общественности». Одна пятая часть книги отведена всему доисторическому прошлому (включая космические процессы), все остальное посвящено тому, что принято называть древней историей, так что труд явился незаконченным. Как показывает само его название, это произведение, собственно говоря, не относится к чисто социологической литературе, но главные социологические взгляды Лаврова не могли не найти в нем места с особым интересом как к человеческой индивидуальности в ее отношениях к общественности и культуре, так и к роли сознания и критики мысли в истории культурно-социальных форм, а потому и к значению интеллигенции как двигателя прогресса.

Остановимся несколько подробнее на защите Лавровым еще в начале позитивистического периода его деятельности того «субъективного метода», по которому всю школу новых наших социологов стали называть «субъективной». Свой взгляд на этот предмет он высказал и в «Исторических письмах», и в «Задачах позитивизма», и после того, что выше изложено из мыслей Лаврова, будет понятно, в чем тут было

дело. Именно их автор находил, что объективный метод решительно неприложим к социологическим исследованиям, в которых он должен-де уступить место субъективному критерию, заключающемуся в нравственном идеале исследователя. Аргументы Лаврова касались как исследуемого объекта, так и исследующего субъекта. Естествоиспытателю легко отделять важнейшее от менее важного по принципу повторяемости явлений в неизменной связи, но, так в истории ничто не повторяется, такой критерий важности, как повторяемость явлений, должен быть заменен другим, именно оценкой их нравственного значения. Впоследствии сам Лавров должен был отказаться от этого соображения ввиду того, что без признания повторяемости если не конкретных исторических фактов, то разных общих категорий общественных явлений невозможна была бы абстрактная о них наука, так что первое соображение Лаврова против применения объективного метода было еще остатком прежних, позитивистских воззрений. Было важнее второе соображение, которое сводилось к тому, что исследующий субъект находится в особом положении по отношению к изучаемым им историческим актам. «Все, — аргументировал Лавров, — желающие придать истории то объективное беспристрастие, которое присуще процессам природы, возмутятся тем, что для меня прогресс зависит от личного взгляда исследователя. Все верящие в безусловную непогрешимость своего нравственного мирозерцания хотели бы себя уверить, что не только для них, но и само по себе важнее лишь то в историческом процессе, что имеет ближайшее отношение к основам этого мирозерцания», но пора понять, что «различия важного и неважного, благодетельного и вредного, хорошего и дурного суть различия, существующие лишь для человека, а вовсе чужды природе и вещам самим в себе». В сущности, Лавров здесь го-

ворил то же самое, что спустя четверть века повторили Виндельбанд и Риккерт, указав на то, что науки о культуре отличаются от наук о природе отношением изучаемых предметов к некоторым ценностям. Критиковавший эту часть методологии Лаврова Южаков совершенно правильно определил его «субъективный метод как оценку относительной важности явлений на основании нравственного мирозерцания (идеала) исследователя и построение научной теории при помощи того же критерия».

Лавров включал в область ведения социологии и «нравственный принцип о справедливом общежитии», вследствие чего сводил в научном построении отвлеченную социологию на теорию справедливого общежития, которая для него, «по самой сущности дела, опиралась в значительной мере на субъективные категории этики». Другими словами, в социологии Лаврова общество было не только научным понятием, но и этической проблемой. В само понятие общества он вносил телеологический момент, поскольку в обществе видел «совокупность форм взаимодействия, инстинктивно или сознательно соединенных реальными единицами для удовлетворения своих потребностей». С этой точки зрения он и предъявлял обществу такое, например, требование: «здоровое общежитие и безопасное общежитие невозможны вне рационального экономического общежития» (под которым у него разумелся социализм). Лавров, другими словами, строил социологию одновременно и сверху, исходя из понятия справедливого общежития, и снизу, прослеживая возникновение общественности еще в зоологическом мире, т. е. брал общество не только как оно есть или было до сих пор, но и каким оно должно было бы быть и могло бы стать в будущем. Идеалом Лаврова было «слитие интересов», сочетание личного развития и общественной солидарности, вырастающих, как он пред-

ставлял себе, на одном корню, питаюсь соками одной и той же почвы, окруженных одним и тем же воздухом. Движение общества в сторону такого сочетания личного развития и общественной солидарности Лавров и называл прогрессом. Отсюда понятно и определение, которое он давал социологии, когда видел в ней науку о солидарности сознательных особей, ее формах, фазисах ее развития и условиях, укрепляющих, ослабляющих и изменяющих солидарность и вместе с тем выработку идеальных форм общежития и средств, могущих вести к осуществлению этих форм.

■ ●. Рядом с именем Лаврова как зачинателя русской социологической литературы должно быть поставлено имя его младшего современника Н. К. Михайловского⁷. Николай Константинович Михайловский (1848—1904) был более чем на двадцать лет моложе Лаврова, но вступил в русскую социологическую литературу одновременно с ним, в исходе шестидесятых годов, статьей на тему «Что такое прогресс?» (1869), обратившей на себя внимание Лаврова, который, как было уже сказано, написал о ней очень сочувственную критическую статью. Обе появились в «Отечественных записках», где потом и печатались дальнейшие работы Михайловского и некоторые Лаврова. Молодой автор статьи определил себя в ней сторонником «субъективного метода», хотя и в несколько смягченном его толковании, но, по существу, в том же этическом смысле, как и у Лаврова. В течение полутора десятка лет, до закрытия «Отечественных записок» за политическую неблагонадежность [1844 г.], Михайловский был одним из самых ревностных сотрудников этого журнала, а в конце (с 1877 г.) — и одним из его редакторов. В перерыве между закрытием «Отечественных записок» и вступлением в редакторы «Русского бо-

гатства» (1891 г.), где тоже было напечатано очень много его статей, он пользовался другими органами («Северным вестником», «Русской мыслью»). Таким образом, всю свою жизнь он был исключительно журнальным работником, хотя временно и участвовал в революционном движении семидесятых годов. Деятельность Михайловского была весьма разнообразна, охватывая и литературную критику, и публицистику на злобу дня, и вопросы истории, и, наконец, социологию. Ему не хватало времени для создания чего-либо систематического в этой области вроде лавровского «Опыта истории мысли», а кое-что начатое у него и оставалось неоконченным, но у него было то преимущество перед Лавровым, скрывавшимся под разными псевдонимами или печатавшимся без подписи, что в публике его больше знали как определенную личность с определенным мирозерцанием, а главное, он был гораздо талантливее Лаврова, что содействовало и большей его известности, и большему влиянию⁸.

Исходным пунктом мышления Михайловского было противоречие между истинами естествознания и основными тенденциями обществоведения, между двумя правдами, как он сам позднее охарактеризовал это противоречие, между правдой-истиной и правдой-справедливостью. С одной стороны, это была борьба за существование как фактор, по Дарвину, прогресса в мире растений и животных, с другой — это были призывы к солидарности, без которой человечество не может идти вперед. Разрешение данного противоречия Михайловский стал искать в исследовании индивидуальности (по терминологии обществоведения). Если бы в человеческом мире только продолжался биологический процесс сочетания, по Спенсеру, мелких организмов в крупные, с дифференцированием в последних их органов, т. е. отдельных их частей, то обществен-

ность должна была бы все больше и больше превращать человеческие личности в простые свои орудия или органы, поглощая их в себе, т. е. нарушая их индивидуальность, и вместе с тем все более и более их дифференцируя, иначе говоря, разрушая цельность каждой личности. Это было бы, однако, полной противоположностью того, к чему стремится человеческое сознание в требованиях, во-первых, свободы, которой не может быть при поглощении личности каким-либо высшим целым, во-вторых, равноправности, которой быть не может в обществе, раздробленном на дифференцированные категории. Дарвинисты, по Михайловскому, недостаточно оценили в развитой индивидуальности совершенную неделимость в ней организма и совершенную же его физическую особенность от других организмов, между тем как именно такая индивидуальность и является венцом биологической эволюции. Превращение человеческой личности в служебный орган общественного целого с отправлением одной какой бы то ни было функции есть процесс не прогрессивный, а регрессивный, но тенденция жизни складывать как раз свои единицы во все новые, все высшие единицы и вызывает на человеческой ступени биологического развития явления «борьбы за индивидуальность» — термин, введенный в науку Михайловским и послуживший заголовком для одного из наиболее важных его трудов. В человеческом мире эта борьба за сохранение индивидуальности именно выражается в тех стремлениях к свободе, к личной неприкосновенности, к равноправности, к взаимопомощи, к солидарности, о которых так много говорит современное обществоведение. Эта основная социологическая мысль о нормальных (с точки зрения идеала) отношениях между обществом и личностью и была обоснована и развита Михайловским в статьях «Орган,

неделимое, общество», «Борьба за индивидуальность», «Вольница и подвижники», «Патологическая магия» (представляющих собою переработку первой из названных статей) и в ряде мест «Записок профана» [Поли. собр. соч.: В 10 т. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906].

Михайловский интересовался и явлениями подавленной индивидуальности или частичной ее утраты как последствиями дифференцирования общества на классы и профессии. Так называемое разделение труда, представляющее свои выгоды для общества в его качестве (высшей единицы), специализируя деятельность индивидов, не может их не упрощать образом жизни, ее монотонностью и однородностью впечатлений, и вот эта сторона жизни в дифференцированных обществах была предметом таких работ Михайловского, как «Герои и толпа» («Отечественные записки»), указанная «Патологическая магия» и «Научные письма», в которых при помощи научных данных и выводов изучения гипнотизма, сомнамбулизма и некоторых душевно-патологических явлений Михайловский осветил целый ряд явлений подавления или потери частичной, а иногда и полной потери индивидуальности до превращения сборища в толпу, автоматически подражающую или повинующуюся воле одного лица, более или менее случайного «героя» данной толпы. Общий вывод Михайловского был тот, что общество не может прогрессировать по органическому типу, с одной стороны, интегрирования самостоятельных единиц в одно целое, в котором последние играли бы роль служебных органов, с другой — дифференцирования их деятельности до утраты ими своей цельности. Таким же ненормальным, принижаящим личность явлением Михайловский считал дивергенцию между человеческими группами в его классовом строе.

Спенсеровская формула прогресса как перехода от однородного к разнородному им была отвергнута и замещена другой, имевшей в виду идеал свободы, разноразличности и солидарности. Первая социологическая работа Михайловского «Что такое прогресс?» может быть рассматриваема и как заключительная глава его социологической доктрины, цельного и систематического изложения которой он не дал ни в одной своей работе.

Такая постановка вопроса о личности не могла не прийтись по душе Лаврову, который приветствовал выступление Михайловского особой статьей, где только, как мы видели, внес некоторую поправку в его формулу прогресса. Со своей основной точки зрения, выдвигавшей на первый план всестороннее развитие личности, он выступил одним из самых основательных критиков теории Спенсера, казавшейся многим чуть не последним словом науки, и в этом отношении он сделал гораздо больше Лаврова, который тоже был противником отождествления общества с организмом, как и Лавров, но, пожалуй, и здесь более обстоятельно критиковал разные скороспелые применения теории Дарвина к объяснению общественных явлений и даже чуть не построению на принципах дарвинизма всей социологии. Всецело разделяя биологическое учение Дарвина, Михайловский в своей большой работе «Теория Дарвина и общественная наука» [Отеч. зап. — 1870. — № 1—3] указал, почему на этой биологической основе нельзя строить социологию, науку об обществе, в самом существе которого заключаются тенденции если не убивающие, то ограничивающие гоббсовскую и дарвиновскую борьбу всех против всех. В период времени, когда господствовала мода на сведение явлений общественной жизни к естественно-историческим процессам и даже видели в социологии чуть не специальную только главу биологии, Михайловский

проводил между обеими науками надлежащую грань и создавал чисто гуманитарную социологию. Конечно, он не отрицал действия в человеческом обществе биологических законов, поскольку люди все-таки остаются животными и в качестве таковых не могут не подчиняться общим требованиям животной стороны своего бытия, но он принимал в расчет и альтруистические чувства, и социальные инстинкты, эволюционно выработавшиеся в человеческом обществе, и, наконец, как высший продукт эволюции способность противопоставлять естественному ходу вещей творчество идеалов. В признании этой способности лежало и принципиальное обоснование для внесения в социологию того, что Михайловский вместе с Лавровым называл «субъективным методом», бывшим, в сущности, не чем иным, как оценкой действительности с точки зрения идеала. Самый ход общественного развития представлялся ему, как и Лаврову, не простым саморазвитием в смысле контовской *évolution spontanée** (да и в спенсеровском тоже), а процессом, в котором участвуют сознание и воля людей, ставящих перед собой цели и стремящихся к их осуществлению. В этом отношении Михайловский разделял идеи Лаврова, и оба они предвосхищали воззрение американского социолога Лестера Уорда, который только в следующем десятилетии высказал мысль о двояком характере исторического процесса, как, с одной стороны, «генетического», с другой — «антропологического» [*Dinamik Sociology*. — N.Y., 1883. — 2 vol.]**. То, что тот же американский социолог называл «психическими факторами цивилизации», учитывалось и Лавровым, и Михайловским.

* Спонтанная эволюция — *фр.*

** Динамическая социология — *англ.* Русский перевод опубл.: Уорд Л. Динамическая социология. — М.: К. Т. Солдатенков, 1891. — Т. 1. Книга была запрещена цензурой.

Психологическая ориентация социологии Михайловского выразилась в том важном значении, какое он приписывал фактору подражания в образовании общественных настроений и даже общественного поведения в известной работе «Герои и толпа» (1882), вышедшей в свет много раньше книги Тарда [*Les lois de l'imitation*. — Paris, 1890]*, прославившей своего автора как социолога. Михайловского можно назвать одним из первых работников в области социальной (коллективной, интерментальной) психологии, считать ли ее частью социологии или самостоятельной наукой. Интересно, что и к этой теме он подошел со стороны своего интереса к человеческой личности. По теории Михайловского, ее может калечить, превращая в орган социального организма, не только социальная необходимость разделения труда, доведенного до крайности, но и то, что называется стадным чувством. В данном вопросе он тоже, но по-своему сошелся с Лавровым. Мы видели, что последний противопоставлял личность с ее, говоря коротко, инициативой общественной рутине, традициям массы, вообще культурной среде, окружающей личность. Михайловский ставил вопрос менее отвлеченно, ставя личность не перед этой средой, отвлеченно взятой, а перед конкретной «толпой», так часто психически заражающей отдельных индивидов, в ней очутившихся, и, с другой стороны, делающейся послушным орудием в руках овладевающего ею «героя», хотя бы последний был душевнобольным субъектом. Это свое исследование «героя и толпы», настоящий трактат по социальной психологии, Михайловский связывал со своим учением о роли личности в истории, в котором его позиция была близка к позиции Лаврова.

* Законы подражания — *фр.* Русский перевод опубл.: Тард Г. Законы подражания. — М.: К. Т. Солдатенков, 1892.

Вообще, у обоих первых русских социологов было очень много сходного в основных интересах, направлявших их на близкие по своему содержанию темы³. Новая полоса в мышлении Лаврова, сделавшая его социологом, началась как раз в то время, когда возродился интерес к Конту, начались применения теории Дарвина к пониманию общественных явлений и обратила на себя общее внимание философия Спенсера, и Лавров вступил в этот период уже с долговременной философской подготовкой, а Михайловский был новичком, без особенной большой научной подготовки, но, исходя из одного и того же интереса и уважения к человеческой личности, они оба удивительно сходились в оценке новых теорий и их приложении к обществоведению. С научным интересом к обществу как предмету особой положительной науки у них обоих соединялся этический интерес к человеческой личности, взятой в смысле некоторого идеала доступного для нас совершенства, для осуществления которого необходимы и идеальные общественные условия. Не только научная «истина», но и этическая «справедливость» были лозунгами обоих социологов, руководимых в их отношениях и к контовским последователям, и к Дарвину с его последователями, и к Спенсеру. Поэтому весьма понятно, что Михайловский разделял мысль Лаврова о «субъективном методе» в социологии.

Защищая этот метод в статье «Что такое прогресс?», Михайловский не шел так далеко, как Лавров, заявляя, что вовсе не следует думать, будто объективный метод должен быть совершенно удален из этой области исследований (т. е. из социологии), а только следует признать, что «высший контроль должен принадлежать тут субъективному методу». «Коренная и ничем неизгладимая разница, — продолжал он, — между отношениями человека к человеку и к остальной природе

состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями, тяготеющими к известной цели, тогда как во втором цель эта не существует. Различие это до того важно и существенно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения». «Мы, — писал еще Михайловский, — не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно».

Весьма существенно, что сходство идей двух писателей, выступивших одновременно с работами социологического содержания, дало впоследствии, когда к направлению примкнули и другие, повод говорить о существовании особой социологической «школы» и называть ее «субъективной», поскольку Лавров и Михайловский противопоставляли себя объективным социологам вроде Спенсера или членов Парижского социологического общества или еще у нас Де-Роберти. Однако слово «школа» едва ли здесь применимо при отсутствии у представителей этого направления какого-нибудь общего догмата и при сохранении каждым своих особых идей, находившихся даже в несогласии между собою. Так, столь принципиальный вопрос, как вопрос о методе, применялся Лавровым и Михайловским различно, одним более резко, другим более смягченно, а третий социолог, выступивший одновременно с ними, Южаков, даже подверг острой критике саму идею субъективного метода, что вызвало возражения со стороны обоих. И в самом начале русской социологической литературы мы присутствуем при споре двух социологов по вопросу о понимании прогресса.

По той же причине нельзя видеть в Михайловском ученика, последователя или продолжателя Лаврова. Их доктрины развивались параллельно, одна независимо от другой, и во всех своих взглядах младший

социолог проявлял большую оригинальность. По смерти Михайловского один из компетентных в деле сотрудников «Русского богатства» взял на себя труд показать, насколько были оригинальны те или другие идеи покойного редактора и в каких случаях он превосходил те или другие мысли, только позднее высказывавшиеся на Западе. Вскоре по смерти Михайловского была написана статья, автор которой собрал целый ряд научных мнений покойного писателя, высказанных им раньше тех или других западных авторов или вообще независимо от них, и подобные же замечания мы находим у других, о нем писавших¹⁰. Хотя у Михайловского и было немало сторонников, но в общем многие в наших ученых кругах относились к нему (как, впрочем, и к Лаврову) как к дилетанту, не заслуживающему серьезного внимания.

Правильному пониманию и надлежащей оценке социологического учения Михайловского много вредило то, что он не представил его в единой заключенной системе, как это до известной степени сделал Лавров. В последние годы своей жизни он признавался, что его «часто тянуло успокоиться в области теоретической мысли», потому что у него была «потребность теоретического творчества», в результате удовлетворения которой «являлось философское обобщение или социологическая теорема», и даже однажды заявил, что «мечтал переработать свои издания в одно цельное сочинение», но текущая журнальная работа ему не позволяла сделаться исключительно теоретиком, так как, по собственному его признанию, «иногда среди самого процесса этой теоретической работы привлекала его к себе своей яркой и шумной пестротой, всей своей плотью и кровью житейская практика сегодняшнего дня», и я, говорит он сам, «бросал высоты теории, чтобы через несколько времени опять к ним вернуться

и опять их бросить». Из одних его разборов учений разных европейских социологов (Спенсера, Кидда, Тарда, Дюркгейма и др.), разборов всегда тонких и остроумных, могла бы выйти очень интересная и поучительная книжка. Как и у Лаврова, в социологии Михайловского все отличалось большой ценностью общего направления, формулировал он свои «теоремы» или критиковал чужие мнения, «все, — как он сам однажды выразился о себе, — росло из одного и того же корня, все связывалось жизненно-тесно в одно, быть может, странное и неуклюжее целое». Это целое было устремлено к тому, что сам Михайловский называл двуединой правдой — правдой-истиной и правдой-справедливостью, которые он стремился примирить в высшем синтезе, хотя многим несправедливо это казалось поверхностным эклектизмом.



● Третьим русским социологом, лишь немного позднее выступившим со своими взглядами на решавшиеся тогда проблемы, был Южаков. Ни по широте охвата, ни по учености, ни по размерам произведенной работы он не может идти в сравнение с двумя первыми, но и он заслуживает быть включенным на третьем месте в очерк русской социологии, как это уже было сделано в американской о нем книге.

С. Н. Южаков (1849—1911) был талантливым, высокообразованным публицистом, испытывавшим на себе административную ссылку в Сибирь. Он сотрудничал в «Знании», в «Отечественных записках», в «Русском богатстве», где, как мы знаем, главным образом и помещались социологические статьи первых десятилетий существования у нас новой науки. Примкнув к направлению Лаврова и Михайловского, которое он сам обозначил как специфически русское, он лишь очень короткое время занимался социологией, что не

помешало ему занять в ней свое самостоятельное место. То, что вошло в первый том его «Социологических этюдов» (1899), было напечатано в «Знании» в 1872—1873 гг. и лишь немногим дополнено в этом отдельном томе. Одни статьи теперь были объединены под заглавием «Органический процесс в его отношениях к историческому процессу», другое выделено в «приложение» как особая статья о «субъективном методе в социологии». Это, собственно говоря, и были те работы Южакова, которые создали ему имя. Между их первым появлением в печати и перепечаткой прошло без малого два десятка лет, но Южаков не внес в свое понимание предмета никакого существенного изменения, и когда еще через пять лет он издал под тем же заглавием «Социологических этюдов» второй том, то имел право сказать, что и по идее, и по методу этот том является естественным продолжением первого. В нем Южаков начертал целую свою программу курса социологии, часть которой была выполнена первым томом, часть составила содержание второго тома, часть осталась, к сожалению, только намеченной. Любопытно, что в этой программе, после обзора социологической проблемы, за вопросом об «органическом начале как факторе общественного процесса» поставлены один за другим: «нравственное начало и общественное согласование» и «экономическое согласование и общественная борьба»¹¹, именно в этом порядке, а не наоборот, что очень характерно для исходной точки зрения Южакова, употребившего здесь термин «моральный» не в качестве синонима «этического», а в более широком смысле всего духовного, психического в его отличии от материального, физического. Выше уже было упомянуто, что Южаков полемизировал против «субъективного метода» Лаврова и Михайловского, но эта полемика относилась не к субъективизму в смысле

этического отношения к предмету знаний, а в смысле употребления в данном случае термина «метод». Именно в упомянутой статье он доказывал, что в основе идеи о субъективном методе лежал ряд недоразумений. Признавая законность «оценки относительной важности явлений на основании нравственного мирозерцания (идеала) исследователя», а также «и построения научной теории при помощи того же критерия», Южаков стоял сам за субъективизм, но не думал, чтобы последний в таком понимании противоречил общенаучным приемам исследования и тем самым их исключал. Напротив, такую нравственную оценку он признавал дополнением к этим приемам, необходимым их усложнением при усложнении самого материала, подлежащего исследованию, но «тут никакого особенного метода даже и нет вовсе, а есть просто провозглашение одной весьма важной теоремы социологии, именно что общество основано на личностях и что развитие общества совершается не иначе, как личностями, через личности и в личностях. Если социолог признает эту теорему, то он, исследуя известное общественное явление, всегда будет останавливать свое внимание не только на последствиях его для общественной среды, культуры, но и на влиянии его на созидателей этой среды». Игнорирование социологом этой теоремы было бы ошибкой, но если Лавров и Михайловский ее признают, то ведь в качестве теоремы социологической, а не логической, т. е. такой, которая может влиять на содержание заключения, отнюдь не на приемы исследования, отнюдь не на метод. Стоя за единый научный метод ... [в рук. — пропуск], но если, заключал он, «объективность видеть и в том, чтобы игнорировать значение общественных событий для личностей и значение личностей для общественных событий, чтобы отмахиваться от социологических выводов, вытекающих из этических теорем», то Южа-

ков был «готов выдать такую объективность головой нашим субъективистам». На основании такого отрицательного отношения к субъективному методу как методу Южаков и отвергал название общего у него с Лавровым и Михайловским субъективным, заменив его термином «этико-социологическая школа», сделав это, впрочем, позднее. И Лавров, и Михайловский возражали Южакову, но, как бы все-таки ни были различны их мнения на этот счет, в одном все сошлись, а именно в том, что необходимо внимательное отношение к человеческой личности в смысле психологического объяснения общественных явлений и в смысле оценки этих явлений с этической точки зрения.

Главное, что было сделано Южаковым в статьях, которые печатались в «Знании» начала семидесятых годов, это было критическое рассмотрение применения теории Дарвина к социологии, и притом с такой стороны, с которой к вопросу не подходили ни Лавров, ни Михайловский. Оба они указывали на то, что сама общественность является отрицанием или ограничением борьбы за существование между единицами, входящими в состав общества, а Южаков указывал еще на то, что и с естественным подбором и с подбором половым в общественной жизни конкурируют другие факторы, как общественное положение, богатство, знатность и т. п., что в общественном быту кроме органически наследуемых качеств, полезных для выживания и оставления потомства, существуют органически не передаваемые родителями детям разные виды преимуществ. Печатавшиеся в «Знании» этюды все были объединены общей темой «органического прогресса в его отношениях к историческому прогрессу», причем они представляли собой первый в России систематический трактат социологии, начинающийся словами о задачах социологии, о строении общества и его отправлениях, об общественном развитии и про-

грессе, об определении общества. На страницах, занимающих это общее введение, Южаков говорил о тех же Конте, Спенсере и Дарвине, которые занимали Лаврова и Михайловского, и высказывал многие мысли, сходные с мыслями обоих последних, подчеркивая все, что особенно отличает процесс социологический от биологического процесса, оставаясь, однако, самостоятельным.

Как Лаврова и Михайловского, точно так же и Южакова интересовал вопрос о происхождении и значении нравственности в общественной жизни. В данном вопросе он не скрывал своей зависимости от Лаврова, из известной статьи которого приводил большие цитаты, оспаривая его, однако, в некоторых деталях. Нравственность рассматривалась Южаковым как «явление чисто социальное, как продукт, хотя вместе с тем и условие, социального прогресса», как нечто «антагонистическое борьбе за существование, постоянно и повсюду стремящееся ограничить поле ее деятельности» и имеющее «конечной целью своих стремлений совершенно изгнание борьбы за существование из общества, т. е. между его членами». Но Южаков при этом оговаривается, что достижение этого идеала «зависит не только от торжества более возвышенных нравственных доктрин, борющихся против борьбы за существование, но и от успеха в разрешении задачи уравнивания потребностей жизни и средств удовлетворения». И позднее автор «Социологических этюдов» был с той же точки зрения занят вопросом, как это показывает его статья «Нравственное начало в общественной борьбе» [Сев. вестн. — 1883. — № 9—11], вошедшая во второй том «Этюдов».

Наконец, еще одной особенностью социологии Южакова было то, что он гораздо отчетливее своих предшественников выделил из общего комплекса общественной жизни экономическую ее сторону. Еще

среди печатавшихся в «Знании» этюдов был один, посвященный «борьбе за существование и Мальтусовым прогрессиям», где для будущего Южаков делал оптимистический обзор при иной организации физического труда и ином распределении умственного упражнения между людьми (что было, конечно, и идеалом Лаврова с Михайловским). В состав второго тома «Социологических этюдов» был введен даже целый трактат под названием «Экономическое начало и общественная борьба», где, между прочим, культура рассматривалась как разнородный «арсенал орудий борьбы», каковы власть, богатство, знание, мораль, на высших ступенях общественного развития получающие «собственное самостоятельное значение и свою характеристическую роль в истории». Борьба может быть политической, экономической, религиозной, национальной, но Южаков остановился только на борьбе экономической, орудием которой является богатство, причем разделил эту часть своей работы на параграфы об «Экономических орудиях в борьбе индивидуальной» и об «Экономических орудиях в международной борьбе», т. е. без выделения в особую категорию борьбы классовой.

IV. Американский историк русской «социологии»¹² к трем именам рассмотренных социологов как наиболее характеристичных для русской школы прибавляет еще имя автора настоящего исторического обзора. Еще на студенческой скамье, на которую он сел в первые годы существования русской социологии, он заинтересовался проблемой новой науки, усердно следил за всем, что тогда печатали Лавров, Михайловский и Южаков, знакомясь непосредственно и с Контом, и со Спенсером, и с Дарвиным, который как раз в эти годы выпустил в свет свою книгу «Происхождение человека». Одновременно с ним заинтересовались проб-

лемой социологии еще двое его сверстников, будущие профессора С. А. Муромцев и М. М. Ковалевский, но они вступили на путь социологических занятий вне всякого контакта с нашей журнальной социологией, и о них речь будет идти особо, когда очередь дойдет до русских социологов-юристов.

Наиболее важные работы Лаврова, Михайловского и Южакова, в которых было высказано почти все, характерное для этико-социологического направления, вышли в пятилетие 1869—1873 гг., с чем и совпадало время моего студенчества. Это поколение, родившееся около 1850 г., уже развивалось вне влияния Чернышевского, и властителем его дум в ранние годы жизни был Писарев с его тягой к естествознанию, и в том же направлении действовал на многих в то время еще Бокль, наивно считавшийся последним словом науки. Одновременное появление «Исторических писем» Мартова и статьи Михайловского о прогрессе направило умственный интерес пишущего эти строки в сторону этико-социологических вопросов, которые не могли притом не заинтересовать студента, выбравшего для специального изучения историю.

Первые свои статьи по философии истории я помещал в том же «Знании», в котором появлялись работы Лаврова и Южакова. То были статьи «Наука о человечестве в настоящем и в будущем» [1875. — № 5], «Мифическое мировоззрение и положительная философия» [1876. — № 11] и «Философия истории и теория прогресса» [1876. — № 8]. Свою вступительную лекцию в Варшавском университете, где я занял в 1879 г. кафедру истории, я посвятил «Формуле прогресса в изучении истории» и напечатал ее в «Университетских известиях» [№ 3]. Дальнейшие две статьи появились в «Юридическом вестнике»: «О субъективизме в социологии» [1880. — № 4], «Заметка об обществах животных» [1882. — № 5] и «Об-

щество и организм» [1883. — № 6—7]. Из них здесь нужно сказать только о первой из напечатанных в «Юридическом вестнике» как о рассматривавшей боевой вопрос тогдашней русской социологии. Собственно говоря, это был доклад, читанный в конце 1879 г. в Московском юридическом обществе, среди членов которого уже возникли социологические интересы, и полемика Лаврова, Михайловского и Южакова совсем даже не была затронута в докладе, имевшем целью осветить вопрос более абстрактно и систематично. Само название «субъективного метода», внесшего путаницу в нашу социологическую методологию, было совсем устранено из рассмотрения. Проводилась та мысль, что исследователю общественной жизни нельзя не рекомендовать объективизма, которому противоречит всякий субъективизм, имеющий характер пристрастия и односторонности, но что в общественных науках известный субъективизм неизбежен, поскольку у исследователя есть те или другие моральные и социальные убеждения, поскольку общественные науки не могут ограничиваться изучением только внешней стороны общественных отношений и форм, не проникая во внутренний мир людей, к которому нельзя не относиться оценочно, с тем или другим в нем соглашаясь или не соглашаясь, то или другое оправдывая в нем или не одобряя и т. п. Особенно подчеркивалось при этом, [что] объективно изучаемые социальные формы оказывают влияние на людей, в них живущих, являясь благом или злом в их жизни, положительно или отрицательно ими оцениваясь и т. п. Отсюда неизбежна оценка этих форм со стороны ученого, для которого единственным ее критерием может быть благо человеческих личностей. Наука должна быть объективной в смысле беспристрастия, но не может быть бесстрастной, индифферентной в делах общественных. Есть субъективизм и субъективизм, один произвольный,

незаконный, другой законный, но долженствующий иметь принципиальный критерий и быть поставленным в строгие рамки. Те ученые, которые думают, что они вполне объективны, ошибаются или относительно себя, или относительно того, что их объективизм даст полное, всестороннее знание. Нельзя не отметить, что оппоненты на диспуте по поводу этого доклада, а ими были юристы, признавшие позитивизм (Муромцев, Зверев, Гольцев), признавая вообще нормальность явлений, подведенных в докладе под понятие законного субъективизма, тем не менее высказались за полное изгнание субъективизма из социологии как составляющее основное требование позитивизма. Один (Зверев) даже нашел, что критерий человеческой личности выставлен был писателями-метафизиками.

Эти же самые мысли были подробно развиты в «Основных вопросах философии», которые были, вполне соответственно заглавию книги, произведением историко-философским, а не социологическим в более тесном смысле этого слова. В подзаголовке значилось, что содержанием ее были «Критика историософических идей и опыт научной теории прогресса», и только вот этот последний труд соприкасался с проблемой социологии, которая, конечно, и не могла быть в нем обойдена. Одна из четырех частей, на которые он был разделен, именно третья, была посвящена вопросу о «природе человеческого общества и истории», где решались вопросы о важности для философии истории как психологии, притом не одной индивидуальной, но и коллективной, так и социологии, о том, что такое социология в своем предмете и методе, об отношении социологии не только к психологии, но и к биологии, о действии законов биологии в жизни человеческого общества. Здесь контовские абстрактные и конкретные науки были названы номологическими и феноменологическими, а совокупность явлений, изучаемых кол-

лективной психологией и социологией, получили, по отношению к человеческим особям, название надорганической среды, формы которой составляют культуру общества, распадающуюся на ряд таких категорий, как мирозерцание, мораль, политическая организация, право, экономика. Культура развивается закономерно, но это — законы психологии и социологии, специальных же законов исторических, вне тех и других, не признавалось. С другой стороны, принималось в расчет и действие законов биологических в общественной жизни человека, но решительно отрицалось отождествление общества с организмом и внесение в социологию без всяких оговорок и изменений принципов видовой биологии. На такой общей основе строилось в четвертой части книги понимание исторического процесса как взаимодействия личной деятельности, перерабатывающей культуру, и надорганической среды, которая развивается по своим законам психологического и социологического характера. На третьей, социологической части «Основных вопросов» наиболее сказалось влияние идей Лаврова, Михайловского и Южакова, помимо общей ориентировки всего труда в сторону социально-этического понятия прогресса. В основе понимания исторического процесса в его чисто субъективном понимании, т.е. именно безразличного процесса без всякой социально-этической оценки, а не прогресса, лежало также воззрение Лаврова. Через семь лет к двум томам «Основных вопросов» прибавился третий под заглавием «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» [1890; 2-е изд. — 1914]¹³, в котором уже совершенно объективно, без всяких социально-этических соображений, был подробно разработан вопрос об историческом процессе как о взаимодействии прагматики (индивидуальной, групповой и массовой деятельности

людей) и культуры (материальной, духовной и общественной).

Этот большой (в шестьсот с лишним страниц) том не вызвал такой полемики, которая сопровождала появление двух первых. В разных журналах и газетах осенью 1884 г. появилось более десятка критических статей и рецензий, на некоторые из которых автор отвечал тоже статьями в разных периодических изданиях и целой систематической брошюрой «Моим критикам» (1844 г.). Но и в следующие годы появлялись новые, отчасти по случаю выхода в свет второго издания книги, что вызвало со стороны автора «Новые ответы критикам» (в «Русском богатстве» Оболенского, 1889 и 1890). И после выхода «Основных вопросов» и прекращения этой надолго затянувшейся полемики автор «Основных вопросов» продолжал защищать и развивать свои взгляды в целом ряде журнальных статей, большей частью собранных потом в «Историко-философских и социологических этюдах» [1895; 2-е изд. — 1899]. Некоторые из них обсуждали все тот же вопрос о субъективизме. Таковы не вошедшие в сборник «К вопросу о роли субъективного элемента в социальных науках» и «Социология и социальная этика» (обе в «Юридическом вестнике», 1884), «Чем должна быть теория прогресса» («Русское богатство», 1886) и др.

После «Сущности исторического процесса» автор настоящей книги продолжал разработку социологических вопросов, главным образом в смысле теории истории (историологии, по его терминологии). Это были «Свобода воли с точки зрения теории исторического процесса» («Вопросы философии и психологии», 1890), «Разработка теоретических вопросов исторической науки» («Русская мысль», 1890)¹⁴, «Философия, история и теория прогресса» («Историческое обозрение», 1890), «Идея прогресса в ее историческом развитии»

(«Северный вестник», 1891), «Задачи социологии и теории истории» («Новое слово», 1897), «Успехи современной социологии в их соотношении с историей» («Образование», 1898), «К вопросу о понимании истории» (Там же, 1899), «Основное направление социологии» (Сб. «Введение в изучение социальных наук», 1903), вошедшие в состав упоминавшихся выше «Этюдов», не называя здесь статей об экономическом направлении в истории. Через год после работы об экономическом материализме мною была выпущена в издании Петербургского университета уже названная выше книга «Введение в изучение социологии», задачей которой было подвести систематические итоги под развитием социологической литературы на Западе и у нас в разных направлениях. Долговременное внимание, уделенное вопросу о взаимных отношениях между социологией и историей, и потребности академического преподавания истории с социологическим, если не прямо экономическим уклоном на экономическом отделении Петербургского политехнического института навели меня на мысль о, так сказать, среднем между историей и социологией направлении преподавания истории в виде изучения не единичных обществ (идиографически) и не общества вообще (номологически), а известных исторических типов. Эта мысль была сформулирована в брошюре «Типологическая и всемирно историческая точка зрения в изучении истории», бывшая статьей в «Известиях» Института (1905). Осуществлением этой мысли было пять томов «Типологических курсов по истории государственного быта» (1903—1908). Типологическое направление явилось не чем иным, как применением к историческим временам сравнительного изучения, которому принадлежит такое важное место в генетической социологии, изучающей генезис и ранние ступени эволюции соци-

ального быта человечества, именно быта догосударственного: теперь эта точка зрения была применена к изучению государственной жизни в ее главных исторических типах. Господствующий тон этих книжек был объективный.

В• В общем этико-социологическом направлении писал в нашей журналистике еще Леонид Егорович Оболенский (1845—1906), сверстник Михайловского, переживший его только на два года¹⁵. Из его биографии известно, что привлечение его к ответу в связи с покушением Каракозова на жизнь Александра II и административная ссылка помешали ему окончить курс в высшей школе, в которой, впрочем, и без того он менял свои интересы, начав с естественных наук, лекции по которым слушал в петербургских Медико-хирургической академии и в Университете, и кончив посещением лекций в Московском университете по юридическим наукам и по философии, которой он особенно увлекался. У Оболенского были свои периодические органы, в которых он печатал свои многочисленные статьи: журнал «Свет» (1877—1879), бывшая его продолжением «Мысль» (1880—1882), в свою очередь заменившаяся «Русским богатством» (1883—1891), пока последнее не перешло в руки кружка прежних сотрудников «Отечественных записок». В этих изданиях беллетристика и литературная критика, в которых, между прочим, участвовал сам редактор, занимали сравнительно очень небольшое место, на передний же план выдвигались философия и наука. Во всех отделах печаталось много материала, принадлежавшего самому Оболенскому, нередко под теми или другими псевдонимами. Научно-философское направление «Русского богатства» под его редакторством усиливалось еще тем, что в приложениях к журналу

давались переводы наиболее выдающихся иностранных книг. При разнообразии литературной своей деятельности Оболенский все же считал, что главное в ней место занимала философия, а в ней — проблема этики на психологической основе, эмоциональной и волевой, как эгоистической, так и альтруистической. Позитивизм не удовлетворял Оболенского, искавшего более идеалистического мирозерцания, но проблема социологии как научной теории общества входила в круг его умственных интересов. Лишившись собственного органа, он продолжал работать в других изданиях (между прочим, в народническом «Новом слове»). Оболенский не оставил ни одного большого труда, в котором систематизировал бы свои социологические взгляды, круг же вопросов, в котором вращалась его мысль, может быть определен перечнем заглавий статей его, имеющих большее или меньшее отношение к социологии¹⁶.

VI. К этико-социологическому направлению нужно причислить еще Виктора Михайловича Чернова (1876—1952), участвовавшего с молодых лет в революционном движении в качестве социалиста-революционера, испытавшего за это и тюремное заключение, и ссылку, и эмиграцию, одного из главных редакторов органов партии, бывшего даже членом Временного правительства в 1917 г. Чернов напечатал в разных журналах ряд статей и отдельных изданий по социологическим и экономическим вопросам, между прочим, особенно по марксизму (главный труд «Марксизм и аграрный вопрос», 1906—1908). Главные свои статьи он издал в двух сборниках, изданных им в 1907 и 1908 гг. под заглавием «Философские и социологические этюды». Большая часть их содержания относится к критике марксизма и к полемике с его представителями на рубеже XIX и XX столетий, что заставляет

меня подробнее говорить о Чернове в другом месте, здесь же следует отметить, что другая, меньшая часть «Этюдов» Чернова дает нам право видеть в нем сторонника основных идей этико-социологической школы, с точки зрения которой он и полемизировал с экономическим материализмом. Социологическую доктрину Лаврова и Михайловского он называет «целостной системой, дающей удовлетворение разом и теоретическим, и практическим потребностям ее приверженцев». Второму из названных социологов он посвятил две статьи: «Философские основы учения Н. К. Михайловского» (в первом сборнике) и «Н. К. Михайловский как политический публицист» (во втором сборнике). Правда, в них Михайловский не рассматривается как именно социолог, но его социология так тесно связана с его философией и публицистикой (или политикой), что одобрение двух последних предполагает и одобрение первой. Большая статья первого сборника «Субъективный метод в социологии», может быть, наиболее философская из всех по-русски написанных рассуждений по этому предмету, приводит к тому общему выводу, что русские субъективисты «установили целый ряд положений, которые составляют прочный вклад в теорию» (в частности, Чернов сочувственно цитирует и некоторые мысли пишущего эти строки). Выступив много позднее своих предшественников, Чернов отразил на себе и более поздние влияния, а именно влияния Авенариуса, Маха и Рилля в области философии и влияние Г. Зиммеля и Лестера Уорда в области социологии. Только по некоторому недоразумению американский историк Русской социологии, говорящий и о нем в своей книге, выделяет его из субъективной школы и берет его в одни скобки с Кропоткиным, квалифицируя его социологию как специально «революционную»¹⁷. Возникши в период полемики с экономическим матери-

ализмом, собственная социология Чернова получила до известной степени полемический характер, что и вынуждает автора говорить о нем в другом месте более подробно, чем здесь.

¹ О Лаврове долгое время нельзя было у нас упоминать в печати, и сам он печатал свои статьи в России под разными псевдонимами. Поэтому литература о нем не так обширна, как о Михайловском. Автобиографические статьи «О себе самом» — в «Вестнике Европы» за 1910 г. По поводу семидесятилетия в Женеве в 1873 г. была издана о нем книжка. После его смерти см.: *Русанов Н. С.* П. А. Лавров [// *Былое*. — 1907. — № 2; Он же. Лавров — человек и мыслитель // *Рус. богатство*. — 1910. — № 2; Социалисты Запада и России. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909; *Никитин П. (Ткачев)* Роль мысли в истории // *Дело*. — 1875. — № 9, 12; *Южаков С.* Субъективный метод в социологии // *Знание*. — 1873. — № 10; *Кареев Н.* Теория личности П. А. Лаврова. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907; *Ратнопорт Х.* Социальная философия П. Лаврова. — СПб.: Ф. Павленков, 1906; *Камков Б.* Историко-философские воззрения Лаврова // *Заветы*. — 1913. — № 6, 7; *Гизетти А. А.* Историко-социологические воззрения П. А. Лаврова // *Вопросы обществоведения*. — СПб.: Тип. акц. об-ва «Слово», 1911. — Вып. 3]. В 1922 г. вышел сборник «П. А. Лавров», в котором кроме моей статьи о нем как социологе см. *Софокли П. А.* «Основные проблемы социологии Лаврова» и ряд других статей о разных сторонах его деятельности (*А. Гизетти*, *А. Штейнберга* и др.). *Ладоха Г.* Исторические и социологические воззрения П. Лаврова [// *Русская историческая литература в классическом освещении*. — М.: Госиздат, 1927. — Т. 1]. В сборнике «Вперед» [Пг.: Колос, 1920] имеется ряд статей о философии и о социологии Лаврова *П. Софоклина*, *Г. Шпета*, *А. Гизетти* и *А. Штейнберга*.

² Серьезный разбор их был написан философом *А. А. Козловым* в журнале «Знание» [1871. — № 2]. Этот же профессор философии познакомил русских читателей с социологической теорией Тарда. [См. *Козлов А. А.* Тард и его теория общества // *Филос. трехмесячник*. — 1885. — № 1; 1886. — № 2, 3; 1889. — № 4].

³ Серия работ Лаврова, имеющих отношение к обществоведению, открывается «историческими письмами» Миртова, печатавшимися в «Неделе» в 1868—69 гг. и появившимися отдельно в 1870 г. После бегства за границу статьи Лаврова печатались в «Отечественных записках» и в «Знании». В первых были помещены

статьи «Цивилизация и дикие племена» (1869), «Философский смысл истории» (1870), «До человека» (1870), «Формула прогресса Михайловского» (1870), «Противники истории» (1889). В «Знании» были помещены: «Научные основы истории цивилизации» (1871), «Очерки систематического знания» (1871—73), «Социологи и позитивисты» (1872), «О методе в социологии» (1874), «Опыт истории мысли» (1874). Кроме того, в «Слове» (1881) «Теория и практика прогресса» и в «Деле» (1877) «Единственный русский социолог». В 1894—1898 гг. печатался в Женеве его громадный труд «Опыт истории мысли Нового времени», оставшийся неоконченным, и в теснейшей связи с ним стояли изданные в России в 1898 и 1903 гг. «Задачи понимания истории» (под псевдонимом Арнольди) и «Важнейшие моменты в истории мысли» (под псевдонимом [А.] Доленти). Переизданы были ред[акцией] «Русского богатства» отдельными книгами лишь немногие работы Лаврова. В 1918 г. было предпринято издание сочинений Лаврова под ред[акцией] Витязева, Гизетти и Русанова в пятидесяти выпусках, но едва только было начато и прекратилось.

⁴ Статья была издана и отдельной книгой.

⁵ См. мою статью о ней «Новый историко-философский труд» в 45-й книге «Вопросов философии и психологии» [1898 г.]

⁶ Предисловие к нему было подписано маем 1899 г., всего за несколько месяцев до смерти Лаврова.

⁷ Литература о Михайловском громадна. В 20-м томе «Полного собрания сочинений» (1913) перечень статей, книг, воспоминаний, некрологов, упоминаний и т. п. тем занимает 15—16 страниц большого формата и два столбца с более нежели 600 названиями. Приводим из него главнейшие, касающиеся Михайловского как социолога: *Бердяев Н.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический очерк о Н. К. Михайловском: СПб.: О. Н. Попова, 1901; *Вагнер В.* Из истории дарвинизма в социологии: (Памяти Н. Михайловского) // *Рус. мысль*. — 1909. — № 8; *Гальперин С. И.* Органическая теория строения и развития общества. — Екатеринбург: А. М. Ротенберг, 1990. — Гл. 1; *Иванов-Разумник Н. К.* Михайловский: Центральный пункт его мировоззрения // *Рус. мысль*. — 1904. — № 3; *Кареев Н. И.* Памяти Н. К. Михайловского как социолога // *Рус. богатство*. — 1904. — № 3; *Колосов Е. Е.* Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского: Теория разделения труда как основа научной социологии. — СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912; *Ковалевский М. Н.* К. Михайловский как социолог // *Вестн. Европы*. — 1912. — № 4; *Красносельский А. И.* Мировоззрение гуманиста нашего времени: Основы учения Н. К. Михайловского. — СПб.: Тип. В. М. Вольфа, 1900; *Лавров П.* Формула прогресса Михайловского // *Отечеств. зап.* —

1870. — № 3; Личков Б. А. Субъективизм и субъективный метод // Вопросы обществоведения. — СПб.: Тип. об-ва «Слово», 1908. — Вып. 1; Мокиевский П. В. Михайловский и западная наука // Рус. богатство. — 1904. — № 3; Бельтов Н. (Плеханов Г. В.) К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895; Ранский С. П. Социология Н. К. Михайловского. — СПб.: Тип. М. Н. Стасюлевича, 1901; Слонимский А. Мнимая социология // Вестн. Европы. — 1889. — № 5; Сурский В. Субъективизм школы русских социологов // Св. вестн. — 1908. — № 64, 117, 141, 144]. Популяризация взглядов Михайловского: Тагле Е. Из истории обществоведения в России [// Литературное дело. — СПб.: Тип. Колпинского, 1902; Филиппов М. М. Литературная деятельность г. Михайловского: (Критический этюд) // Рус. богатство. — 1887. — № 2; Чернов В. Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Рус. богатство. — 1901. — № 7—8, 10—12; Южаков С. Социологическая доктрина Н. К. Михайловского // На славном посту. — СПб.: Тип. Н. Н. Клобукова, 1900; 2-е изд. — 1906; Колосов Е. Е. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. — СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912]. В этой литературе господствует сочувственное отношение, но есть и резко отрицательные отзывы, особенно Слонимского и Е. Соловьева. Первому, старавшемуся представить социологию Михайловского как нечто непреложное, Михайловский отвечал в «Русской мысли» за 1879 г. Некоторую систематизацию социологической доктрины Михайловского нельзя не видеть в статье о нем в «Большой Энциклопедии», вышедшей под редакцией Южакова, который и был, вероятно, автором этой статьи.

Ср.: Hecker J. [Op. cit. P. 119—155; Brüllow-Schaskalsky N. Ein Kapitel aus der Geschichte der Russischen Sociologie // Zeitsche. Für Völkerpsych. und Soz. — 1930. — Heft. 2]

⁸ Вот перечень главных работ и статей Михайловского, относящихся к социологии: 1) «Что такое прогресс?» (1869); 2) «Теория Дарвина и общественная наука» (1870, 1871); 3) «Аналогический метод в общественной науке» (1869); 4) «Борьба за индивидуальность» (1875, 1876); 5) «Герои и толпа» (1882); 6) «Научные письма» (1884); 7) «Политическая экономия и общественная наука» (1879). Статьи перечислены в том порядке, в каком они помещены в «Полном собрании сочинений» в издании редакцией «Русского богатства». Но отдельные мнения Михайловского содержатся и в более мелких статьях или разбросаны по разным местам. Масса социологического материала рассеяна в разных местах «Литературных и журнальных заметок», «Записок профана», «Литературы и жизни». В 10-м томе указанного издания есть превосходный указатель того, что говорил Михайловский по отдельным вопросам.

Он разбит на следующие отделы: 1. Теория разделения труда; 2. Органическая теория общества; 3. Теория Дарвина и общественная наука; 4. Борьба за индивидуальность; 6. Типы и степени развития; 7. Субъективный метод в социологии; 9. Теория коллективного подражания; 10. Роль личности в истории. Личность и формы кооперации. Личность и законы истории. (Пропущенные номера относятся не к социологии.)

⁹ См. статью: Брюлова-Шаскальская Н. В. Лавров и Михайловский [// П. А. Лавров: Сб.—Пг.: «Колос», 1922].

¹⁰ [Мокиевский П. В. Н. К. Михайловский и западная наука // Рус. богатство. — 1904. — № 3]

¹¹ Русанов Н. С. С. Н. Южаков, социолог и публицист [// Рус. богатство. — 1911. — № 1]; Hecker J. [Op. cit. P. 156—157].

¹² Hecker J. [Op. cit. P. 173—202].

¹³ Об этой книге были только две настоящие рецензии, обе притом принадлежавшие историкам-специалистам: визинтисту П. В. Безобразову в консервативном «Русском обозрении» [1890. — № 4] и специалисту в области новой истории Н. Н. Любичу в либеральной «Русской мысли» [1891. — № 12]. Возражая первому из них в «Новых ответах критикам» [Рус. богатство. — 1890. — № 9], я отметил попутно слабый интерес наших историков к теоретическим вопросам.

¹⁴ Статья эта была перепечатана в редактировавшемся мною «Историческом обозрении» и создала отзывы в печати [Соловьев В. А. Из философии истории // Вopr. философии и психологии. — 1891. — Кн. 9; Любич Н. Вопрос о сущности исторического процесса // Рус. мысль. — 1891. — № 12]. Обратил на себя, между прочим, упрек историкам за равнодушие к теоретическим вопросам своей науки.

¹⁵ По поводу 25-летия литературной деятельности Оболенского о нем были статьи в 1898 г. во «Всемирной иллюстрации» (№ 1295), «Одесском листке» (№ 291), «Новостях» (№ 300). Списки многочисленных работ его см. в приложении к русскому переводу «Истории новой философии» Ибервега-Гейнца в библиографических перечнях (с. 559) «Вопросов философии и психологии» за 1891 и 1892 гг. и в «Философском ежегоднике» за те же годы.

¹⁶ [Что такое право? // Свет. — 1879. — № 11—12; Организм и «Органическая теория»: К науке об обществе // Там же. — 1879. — № 9; Личность и прогресс: (Социологический этюд) // Мысль. — 1880. — № 2; Общественная бессознательность: (Социологический этюд) // Там же. — 1880. — № 3; Субъективный

и объективный метод в социологии и их относительное значение // Там же. — 1881. — № 3; Что такое прогресс // Рус. богатство. — 1885. — № 1; Наше учение о прогрессе // Там же. — 1885. — № 6; Основная ошибка современного материализма и позитивизма // Там же. — 1889. — № 1—3; Зависимость общественного прогресса от чувствований // Рус. мысль. — 1894. — № 3; Основной вопрос прогресса // Там же. — 1894. — № 8; Человеческое творчество и эволюция // Там же. — 1894. — № 2; Социальные предсказания // Там же. — 1892. — № 3; Новый раскол в нашей интеллигенции // Там же. — 1895. — № 8, 9]. См. еще критические статьи о Де-Роберти [Как «наши» учат Европу // Свет. — 1879. — № 12], ответ на возражения г. Струве [Новый раскол в нашей интеллигенции // Вестн. Европы. — 1896. — № 2].

¹⁷ Hecker J. [Op. cit. P. 249].

Глава вторая. Представители других направлений русской социологии

- I. Книги Д. Г. Глинки,
В. В. Флеровского, А. И. Стронино,
П. Ф. Лилиенфельда
- II. Е. В. Де-Роберти
- III. Н. В. Теплов
- IV. П. А. Кропоткин

I. ОДНОВРЕМЕННО С ПОЯВЛЕНИЕМ ПЕРВЫХ русских социологических работ [с] «субъективной», вернее говоря, с этической ориентацией, вышло еще некоторое количество книг, которые тоже необходимо отметить в нашем обзоре. Известный в шестидесятых годах прошлого века публицист и переводчик, издатель серьезных западных трудов, сам тяготевший к позитивизму и к социализму, П. А. Бибииков в 1870 г. выпустил в свет «Науку о человеческом обществе»

Д. Гайнки, на которую публика набросилась как на научную новинку в новом направлении, оказавшуюся переводом с французского языка четвертого издания книги еще из начала сороковых годов под первоначальным заглавием «*La philosophie du droit ou Explication des rapports sociaux*»*. Автор ее был русский дипломат, занимавший должность посланника в Бразилии и в Португалии, и в своей книге стоял на совершенно устарелой, метафизической точке зрения, но достаточно было заманчивого заглавия, чтобы книга нашла покупателей. Переводчик-издатель и сам обратил на себя внимание своей статьей «Сантиментальная философия», включенной им в свои «Критические этюды», где он высказал совершенное согласие с выводами из теории Дарвина, сделанными в примечании к человеческому обществу г-жой Клеманс Ройе, переводчицей основной книги английского натуралиста на французский язык. Именно Бибикив выражал ту мысль, что «естествознание изгоняет сантиментальную философию с площадей и закоулков науки», что «сердись или не сердись, сантиментальная философия, закон преобладания естественно избранных, сильных, отстранения немощных, слабых, вырождающихся всегда существовал», что «от этого только выигрывает род человеческий» и т. п. Подобные заявления, кстати сказать, были одним из поводов для Михайловского поднять вопрос о правильном отношении социологии к дарвинизму с точки зрения того, что Бибикив называл «сантиментальной философией».

Около того же времени большой популярностью пользовалась «Азбука социальных наук» Флеровского (это был псевдоним В. В. Берви) — автора тоже сильно читавшейся книги «Положение рабочего

* «Философия права, или Объяснение социальных отношений» — фр.

класса в России» (1869), книги, бывшей очень скоро изъятой из обращения заботами Министерства внутренних дел как опасной в политическом отношении.

Тогда же с первыми своими трудами выступил А. И. Стронин (1827—1889), когда-то бывший посланным на Север за политическую неблагонадежность, но кончивший жизнь в должности члена Совета министра путей сообщения. По образованию филолог, в молодости бывший учителем истории в Нежине и Полтаве, в 1869 г. он издал книгу «История и метод», за которой последовала «Политика как наука», обратившая на себя некоторое внимание, но бывшая скорее только наукообразной, нежели действительно научной. За нею через полтора десятка лет Стронин выпустил в свет еще большой труд социологического содержания под заглавием «История общественности». Понятие о его социологической теории может дать хотя бы то, что для своего построения он обратился к принципам механики, на основании которых утверждал, что общество имеет строение пирамидальное, в основе своей круговое, т. е. в общем коническое: вертикальная конечность строения общества, нужная для того, чтобы в своем движении вперед оно было обращено в эту сторону наименьшей своей поверхностью с заостренной вершиной, и в то же время для устойчивости общества необходимо широкое основание. Между тем Стронин заявлял очень большие притязания. В третьем и последнем его труде, вышедшем в свет незадолго до его смерти, он выражал желание стоять в ряду единственных настоящих историков нашего времени, каковыми называл Конта, Бокля, Литтре и Спенсера, подальше от «разных Дройзенов и Лоранов», занимавшихся-де «простым собиранием мате-

риала» и «дающих только одни картинки». Начитанность Стронина, судя по количеству имен авторов, на которых он ссылается, не была особенно значительна, хотя над книгой, по его словам, он работал двенадцать лет, и подбор книг был довольно случайным, причем из русских писателей он сослался только на одного известного путешественника-биолога Миклухо-Маклая¹. Первая книга Стронина дала Михайловскому повод написать большую статью под заглавием «Аналогический метод в общественной науке», причем эта статья имела более широкую задачу, нежели критика взглядов Стронина в тот период существования у нас социологии, когда вопрос о ее методе стоял на очереди, а такие произведения, как «История и метод», компрометировали новую науку.

Вышедшие в 1872 г. «Мысли о социальной науке будущего» П. Ф. Лилиенфельда (1829—1903), скрывшего свою фамилию под инициалами П. А., были, в сущности, только русским изданием одного первого тома более обширного (четырехтомного) немецкого труда и отнюдь поэтому не принадлежат к истории русской социологии, хотя [это] и характеризует наши старые порядки.

Под инициалами П. А. многие стали подразумевать Петра Лаврова, несмотря на метафизический налет на позитивном устремлении автора, и к тому же заключению пришло правительство, которое предписало изъять эту книгу из продажи и из общественных библиотек. Автор был тогда курляндским губернатором и сам должен был приводить в исполнение министерский циркуляр, запрещавший обращение его книги в публичке². С Лавровым у Лилиенфельда было очень мало общего, да и вообще последний стоял очень далеко от русской социологической литературы, со-

вершенно ее игнорируя. В своей книге он соединял органическую теорию общества со многими мыслями метафизического характера.

Несколько позднее начал свою деятельность как социолог Евгений Валентинович Де-Роберти, который потом долго, хотя и с перерывами, работал на арене новой науки.

Вообще, большей частью своих произведений Де-Роберти (1843—1915) принадлежал более французской, нежели русской литературе, так как гораздо чаще издавал свои работы на французском языке и более отражал в них движение французской, а не русской общественной мысли³. Значительную часть своей жизни, как зажиточный рантье, он провел за границей, где и издавал свои книги на французском языке, что сделало его имя больше известным во Франции, чем в России, притом более популярным там, нежели у нас. И оценка его трудов критиками на Западе была много благоприятнее для него по сравнению с оценкой в отечестве, где к нему отношение было более отрицательным (Лавров, Михайловский, Лосевич, Южаков, Оболенский, Ткачев и др.). Кроме того, Де-Роберти и преподавал за границей, в Брюссельском новом университете, и только в последний год жизни профессорствовал в Петербурге в Психоневрологическом институте. Главным предметом его занятий была философия, в которой он примкнул к позитивизму в журнале Литтре и Вырубова (товарища его по Александровскому лицей) «La philosophie positive», у нас же много позже в журнале «Знание». Первым трудом Де-Роберти по социологии была его книга «Социология», вышедшая по-русски в 1880 г. и появившаяся через год по-французски в серии, которая издавалась

под названием «Международная научная библиотека». Последовавшие за «Социологией» его труды были все больше содержания философского, и только на рубеже двух столетий он вернулся к социологии [*«Le psychisme social»*, 1897; *«Sociologie de l'action»*, 1908 и др.]*.

Первый социологический труд Де-Роберти имел исключительно методологическое содержание, как это значилось и в его подзаголовке «Основная задача ее и методологические особенности, разделение и связь с биологией и психологией». Задача ставилась поднять социологию на степень естественной науки об обществе, рассматривая общественность как особое свойство организованной материи, путем применения к общественной науке биологического метода сравнительного и аналитического описания. Общественная наука представлялась Де-Роберти преимущественно описательной, и притом в большей степени, чем биология. Его много занимали вопросы о месте социологии в системе человеческого знания и о внутреннем делении социологии. Эту науку он основывал непосредственно на биологии, отрицательно относясь к внедрению психологии между биологией и социологией, тем более что само название «психология» казалось Де-Роберти сомнительным, как «слишком явно рассчитанное на обозначение особого и независимого разряда явлений», тогда как эти явления, т. е. психические процессы, имеют «смешанную и двустороннюю природу», именно биосоциальную, — мысль, которой Де-Роберти остался верен до конца своей жизни. Между прочим, в своей книге он утверждал еще, что роль естественного основания социологии может быть сохранена только за физиологией мозга, все же исследования, называемые обычно психологическими, должны быть поставлены в прямую зависимость от социологии, ко-

* «Социальный психизм», «Социология действия» — фр.

торая «вместе и заодно с биологией и сделается их истинной научной основой». Биология и социология были при этом объявлены науками абстрактными, психология — наукой конкретной, впрочем, в особом понимании обоих терминов, в смысле наук основных и науки производной. Общее впечатление, и теперь производимое «Социологией» Де-Роберти, — ее крайний формализм. По названию, данному автором книги, читатели могли ожидать, как это и было, что в ней найдутся ответы на то, что такое общество, каково его устройство, как и в каком направлении оно развивается, какое положение в нем занимает человеческий индивидуум и т. д., как к этому приучила читателя передовая журналистика семидесятых годов. Этим, так сказать, нерусским характером труда Де-Роберти и объясняется полный неуспех ее у нас (по крайней мере, на первых порах).

Лавров отнесся к «Социологии» Де-Роберти самым отрицательным образом. Еще ранее он, пристально следивший за тем, что делалось на Западе в области новой тогда науки, очень неодобрительно отнесся к направлению, какое приняла деятельность Парижского социологического общества, состоявшего в тесной связи с журналом Литтре и Вырубова (в статье «Социологи-позитивисты» в «Знании» за 1872 г.), распространил это отношение и на Де-Роберти как на представителя «французской школы позитивистов», не внесшей в наследие Конта ничего такого, что могло бы дальше повести развитие социологической мысли, но зато низведшей позитивизм на уровень голой энциклопедической схемы наук. Главное обвинение французских позитивистов было направлено Лавровым на то, что они работают для читателей, стоящих в стороне от жизни, и сами ставят свои формулы школы на место жгучих вопросов современной жизни и мысли.

В большой статье «Единственный русский социолог»⁴ он упрекнул Де-Роберти за то, что, обещая говорить о капитальнейших и наиболее важных вопросах социологии, он обошел молчанием как весь социальный вопрос, так и всякую жизненную задачу нашего времени. Критик даже перечислил все темы, которые должны были бы войти в книгу о социологии, все такие темы, которые уже разрабатывались в русской литературе, между прочим, и самим же критиком. Ввиду того, что книга вышла в серии «Международной библиотеки» и что ее автор — русский, а читатели совсем не знакомы с научной работой русских, можно было бы, говорит здесь Лавров, ожидать, что автор познакомит иностранную публику с тем, как у нас, хотя бы, например, в энциклопедиях законовещения Неволлина и Редкина, поднималась значительная доля социологических вопросов. На этой характеристике книги Де-Роберти, названного иронически единственным русским социологом, стоило остановиться, чтобы тем самым указать на то, чем отличалась тогда русская социология от французской и почему за Де-Роберти упрочилась репутация более французского, чем русского писателя. Столь же отрицательную оценку автор «Социологии» нашел и у Михайловского, который тоже полемизировал против него.

В 1913 г. Де-Роберти вместе с М.Ковалевским принял участие в редактировании сборников под заглавием «Новые идеи в социологии», которых всего вышло четыре (1913—1914), в первом же из которых, посвященном предмету, задаче, методу и современному состоянию этой науки, помещена была статья Де-Роберти о современном состоянии социологии. В ней он с прискорбием отметил, что ему приходится повторить сказанное им в 1880 г. о состоянии социологии как еще неустановившейся науки, как находящейся в пе-

риоде младенчества, признаком которого является «смещение ее аналитических задач со стремлениями философской мысли, направленными прямо в противоположную сторону». Под этот приговор он подвел и органическую гипотезу, и главные тезисы психологической школы, и экономический материализм. Все они, по его мнению, грешат «преждевременными и ошибочными выводами из достоверных, но крайне неполных посылок» и, например, допускают «логически несостоятельную идею двусторонней, или возвратной, причинности общественных явлений», т. е. признание взаимодействия идей и событий, учреждений и представлений, экономики и права или политики. Основным источником учения об «оборотимой причинности» он усмотрел в «эмпиризме социологических исследований», загнавшем, как он выразился, ум человека в тупик прагматизма, т. е. в теологическую, или «целеисходную, иллюзию», состоящую в полном извращении порядка, в каком неизменно следуют одна за другой познавательная и активная функции нашего духа. Вину этого Де-Роберти складывал на то, что социологи до тех пор основывали науку об обществе на индивидуалистической психологии, хотя говорить так в начале второго десятилетия нашего века, конечно, не приходилось. Одним словом, наш социолог выступил здесь беспощадным критиком всех направлений социологии, но только для того, чтобы им противопоставить свою, основанную на учении «неопозитивной школы», признающей специфический детерминизм социальных фактов. Особенностью своей точки зрения Де-Роберти объявил перемещение психологии из отведенной ей позиции между биологией и социологией, чтобы стать в ряду наук после обеих, так как «социальная эволюция только продолжает эволюцию биологическую, а потому сама психология только черпает свое содер-

жание из биологии и социологии». Эту свою «биосоциальную» теорию, зародыш которой мы видели еще в первом его социологическом труде, он назвал теперь фундаментом всего здания неопозитивной социологии. При этом, однако, ему пришлось оправдываться от обвинения критиками его теории в возвращении к схоластике постольку, поскольку общественности им был приписан признак несводимости, первичности наряду с жизнью, с химической и с физической энергией. Второй выпуск «новых идей» был составлен почти весь прямо из статей биосоциальной теории, но не русских, а иностранных авторов (Колле, Драгическо и др.), из которых один назвал нашего соотечественника «великим теоретиком» биосоциального понимания психики, признавшим в общественности новый вид мировой энергии. Не заходя так далеко и не решая вопрос: «Что прежде, индивид или общество?» — в смысле приоритета этого последнего, можно, однако, признать, что биосоциальная теория высказала немало верных критических замечаний и интересных выводов. Сущность биосоциальной теории Де-Роберти сводится в конце концов к тому, что не биологический процесс породил психику, которая же в свою очередь породила общественность, но что сама психика является двойным результатом органической жизни и общественности. Пригласив к участию в русском сборнике некоторых иностранных социологов, Де-Роберти мог бы расширить их круг включением в него таких авторов, как Изуле [-Лубатьер] [*La Cité moderne*, 1894] и Леви-Брюль [*Les fonction mentales dans les sociétés inférieures*, 1913]*.

* «Современный город»; «Функции мышления в примитивных обществах» — *фр.* Книга «Функции мышления» переведена на русский язык в 1930 г. под названием «Первобытное мышление».

Свой новый французский труд Де-Роберти издал и по-русски под заглавием «Новая постановка основных вопросов социологии», где он, подобно Конту, исключал психологию из ряда абстрактных наук, ставя таким образом социологию в непосредственную зависимость от биологии. Весь материал психологии он разделил на биологическую и социальную части, сделав предметом первой, т. е. психофизики, элементарные психические процессы и предметом второй — все высшие проявления психики. Сущностью надорганических психических явлений Де-Роберти объявил психическое взаимодействие членов общества, которое создает то, что он обозначил как «коллективный опыт», признав его наличность в смутном, правда, только виде — в животных стадах.

Что касается до редактировавшихся Де-Роберти «Новых идей в социологии», то критика не без основания обвиняла ее в односторонности подбора статей, превращавших это издание в «цитадель ортодоксального позитивизма» и не столько освещавших новые горизонты, сколько повторявших старые азбучные истины.

■■■ ● Довольно близко к общему взгляду Де-Роберти подошел, но без малейшего признания зависимости от него, Н. В. Теплов в докладе своем «Классификация социальных наук в связи с типичными формами социальной организации» (1903), читанном в Историческом обществе при Московском университете. Отвечая на вопрос, каким явлениям социальной жизни следует отдавать предпочтение как основному движущему фактору, он указал на ту «биолого-психологическую основу, на которой выросло все здание социальной культуры», хотя и с оговоркой, что при всем

единстве социальных сил их можно подвести под одну из четырех категорий связи между членами общества: этическую, политическую, правовую и экономическую. С точки зрения Теплова, этика, политика, право и политическая экономия представляют собой отдельные части социологии, не исчерпывающие, однако, всей социологии, ибо последняя должна изучать эти категории явлений не только в отдельности, но и «результаты взаимного их сплетения». Данные четыре части социологии он, впрочем, не считал соподчиненными одной общей дисциплине, а располагал их в некотором иерархическом порядке, начиная с этики, как простейшей, и кончая политической экономией, как самой сложной. Задача доклада и заключалась в том, чтобы под разнообразными формами этических, политических, правовых и экономических явлений «вскрыть единую социальную основу» биолого-психологического содержания. К сожалению, дальнейшего развития во многих отношениях оригинальная мысль Теплова не получила. (Другой, несколько ранней его работой была брошюра «Что такое культура и что такое гениальность с точки зрения развития культуры» [— М.: Ист. об-во при Моск. ун-те, 1902]).

IV. Совершенно особо следует в нашем обзоре поставить Петра Алексеевича Кропоткина (1845—1919) как представителя теоретического анархизма. Собственно говоря, анархизм как общественная доктрина является не столько пониманием социальной действительности, которая составляет существо социологии, сколько устремлением к некоторому идеальному состоянию, заключающемуся, так сказать, в атомизации, в распылении общества и к сведению скрепляющих его связей на одно психическое взаимодействие. Сто-

ит прочесть хотя бы, например, книгу Кропоткина [«Анархизм, его философия и идеал»], чтобы видеть, как далека его теория от социализма. Ее автора можно было бы (как и Бакунина) совсем пропустить в нашем обзоре, если бы ему не принадлежала другая книга [«Взаимная помощь как фактор революции»], которая заключает в себе критику социологического дарвинизма, притом как раз в том же направлении, в каком рассматривали этот вопрос Лавров, Михайловский, Южакон и др. Общественность, немыслимая без солидарности, по самому своему существу есть отрицание борьбы за существование, по крайней мере, ее ограничение. Таков именно смысл названного труда Кропоткина, дающего ему право на то, чтобы быть причисленным к социологам. Сам он указал на то, что его на мысль о взаимопомощи в жизни животных навела статья профессора зоологии в Петербургском университете Кеслера [К. Ф.], появившаяся в [1877] г., следовательно, — отметим это, — уже после того, как по данному предмету высказывались указанные выше наши социологи. Мы имеем здесь еще лишнее указание на то, что русские писатели очень рано заняли правильную позицию по отношению к дарвинизму в социологии¹.

¹ О книгах Стронина были статьи: Спасович В. Д. Опыт построения социологии [// Вестн. Европы. — 1873. — № 4; Михайловский Н. К. Аналогический метод в общественной науке // Отечеств. зап. — 1869. — № 7; Кареев Н. И. Чем должна быть теория прогресса // Рус. богатство. — 1886. — № 1—3].

² Это рассказал при мне сам Лилиенфельд некоторым членам одного из международных социологических конгрессов (в Париже, в начале XX в.).

³ Уже целиком принадлежал французской социологической литературе наш соотечественник Я. А. Новиков (1850—1912), книги которого иногда переводились с французского на другие языки,

кроме русского. См. о нем статью *Де-Роберти* в «Вестнике Европы» [1912. — № 6].

[Кареев ошибается — работы Я. Новикова несколько раз переводились на русский язык. См.: *Голосенко И. А.* Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX в. С. 53, 56, 88, 92, 112, 171.]

⁴ В 12-й кн. «Дела» за 1879 г., когда только что вышла в свет книга *Де-Роберти*, помеченная следующим годом. Статья перепечатана в «Собрании сочинений» (1918. [— Вып. 8]).

⁵ [Ю. Геккер] включает Кропоткина вместе с Черновым в группу русских социологов-анархистов и революционеров.

Глава третья. Русские юристы-социологи

I. Общий характер общественных наук в России в момент возникновения социологии

II. Социолого-экономисты

III. В. И. Сергиевич

IV. С. А. Муромцев

V. М. М. Ковалевский

VI. Н. М. Коркунов

VII. Б. Н. Чичерин

VIII. В. М. Хвостов

IX. Е. В. Спекторский

X. С. И. Гальперин

XI. Г. Ф. Шершеневич

XII. Н. А. Гредескул

XIII. Юристы — противники позитивизма в юриспруденции

[П. И. Новгородцев,

Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий]

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЫСЛИ О НЕОБХОДИМОСТИ новой науки, которая изучала бы общество как таковое вообще, исследуя управляющие им естественные законы, не могло пройти бесследно как для наук, уже раньше занимавшихся теоретическим изучением общественных явлений, отвлеченно взятых, так и для истории, занимающейся издавна прошлым отдельных, конкретных обществ или отдельных сторон их жизни, каковы государство, право, народное хозяйство. К абстрактным об-

ественным наукам социология стояла ближе по своим заданиям, поскольку поставила своей задачей исследовать природу общества вообще, как эти теоретические дисциплины изучали государство, право, народное хозяйство тоже вообще, причем политическая экономия прямо искала закономерности в своей области, и разница была, главным образом, в том, что эти дисциплины изучали свои объекты в искусственно-изолированном виде, тогда как социология взялась за их исследование в общем их комплексе и консенсусе («consensus» Конта). Зато по своей конкретной задаче изучения не общества вообще, а отдельных обществ прошлого и настоящего времени история стояла гораздо дальше от социологии, хотя при этом и брала свои объекты нередко в полном их объеме, изображая прошлое того или другого народа в его разных проявлениях — политических и социальных, юридических и экономических, религиозных и художественных, философских и научных, если и их, конечно, не брала тоже изолированно. Таким образом, политика, юриспруденция, политическая экономия, как теоретические дисциплины, ближе стояли к социологии по своим отвлеченным заданиям, историческая наука — ближе по своему объекту.

Общественные науки изучались у нас на юридических факультетах, и из всех преподававшихся там теоретических дисциплин наиболее близкой к социологии по заданиям своим и по методу была политическая экономия. Недаром Конт считал одним из своих предшественников Адама Смита. Действительно, в то время как правоведение развивалось под сильным влиянием идеалистической философии и далеко было от искания законов в научном значении слова, направляя вдобавок свою мысль не на то, что есть или что было, как оно есть или как оно было, политическая экономия с самого же начала стала на позитивную точку зрения, задавшись исканием законов, управляющих явлениями хозяйственной жизни, и для этого изучала самые эти

явления, а не нормы должного, как то делала юриспруденция. Социология ведь и явилась на свет как наука экспликативная, каковой была и политическая экономия, тогда как теоретическое правоведение изучало не фактические отношения между людьми, а устанавливаемые государством и им защищаемые нормы этих отношений. Народное хозяйство является совокупностью фактических отношений, существующих в данном обществе, право — совокупностью норм, регулирующих эти отношения под эгидой государственной власти. Сама общая теория государства разрабатывалась также в сильной зависимости от юридической, нормативной точки зрения, как предмет науки государственного права. Социология не говорила, собственно, ничего нового для экономистов: задачи и методы новой науки и старой политической экономии были в общем одни и те же, и вся разница заключалась в том, что в политической экономии изучалась только одна, искусственно изолированная сторона общественного бытия, между тем как социология задалась всесторонним изучением общественных явлений в их взаимодействии. Отсюда — весьма слабое влияние социологии на политическую экономию, наблюдаемое везде, не исключая и России.

■ К числу немногих наших экономистов (с оговоркой: не марксистов), интересовавшихся чисто социологическими вопросами, принадлежал в первую очередь Андрей Алексеевич Исаев [1851—1924], автор ряда весьма солидных экономических трудов, писавший и статьи социологического содержания, которые вышли в свет в 1906 г. отдельным сборником под заглавием «Вопросы социологии». Он включил в себя пять статей: 1) «Техника и хозяйство в основе культуры»; 2) «Эгоизм, дружелюбие, классовые интересы»; 3) «Борьба общественных групп»; 4) «Личность и среда»; 5) «О сходствах и различиях в развитии на-

родов». В первой статье автор высказался в направлении, сочувственном к экономическому материализму, но находил при этом слишком недостаточным то, что сделано до сих пор по вопросу по установлению связи между экономической жизнью, с одной стороны, и наукой, искусством и религией, с другой. Это, по его выражению, область, «где еще предстоит громадная критическая и созидательная работа и где нужно делать каждый шаг с величайшей осторожностью». До известной степени и сам он старался показать зависимость идеологии от хозяйства на ряде частных примеров, между прочим, заимствованных из русской жизни. Общим выводом из всего этого было то, что «экономические материалисты правы, считая хозяйственную жизнь основанием других сторон культуры». Признавая во втором и третьем этюдах всю силу классовой борьбы, не говоря уже об индивидуальном этюде, Исаев, однако, рядом с первой ставил еще борьбу национальную, а действие второго ограничивал альтруизмом. Кроме того, положение, что «государство есть представитель имущего класса, наиболее совершенная организация для их властвования над большинством», казалось ему важным лишь для стран, где широко развилась политическая свобода, где сфера деятельности государства ограничена. Самое борьбу классов он только преимущественно сводил к экономическим интересам, считая, что «было бы неправильно утверждать, что борьба происходит только на этой почве». Целым рядом исторических примеров, которыми вообще насыщена вся книга, Исаев и здесь старался выдвинуть вперед и иные антагонизмы (политические, религиозные, расовые, национальные). Антинomia личности и среды разрешалась автором «Вопросов социологии» в смысле направления, далекого от крайних решений вопроса, но с большим уклоном в сторону среды, чем личности, что, между прочим, видно на страницах, посвященных возникновению и влиянию марксизма («... добрых 50 лет слагалось уче-

ние, которое нашло в Марксе великого выразителя» и т. п.). Последний этюд в этой книге приходит к тому общему выводу, что однообразного хода истории для всех народов не существует. Цельной системы социологии «Вопросы» в себе не заключали. В общем, методологических проблем автор не поднимал, а теоретические рассуждения заменял охотно историческими иллюстрациями.

Другим экономистом-социологом был у нас Н. И. Грабер, о котором речь будет идти в иной связи. Отчасти сюда можно причислить В. Г. Яроцкого, о котором упоминается в другом месте. Наконец, как увидим впоследствии, занялись много позднее социологическими вопросами и некоторые экономисты-марксисты.

В другом, чем экономисты, положении находились юристы. Для них социология должна была явиться некоторой новизной, приемлемой для одних, неприемлемой для других. Резко отрицательное отношение, в какое стала социология Конта к юриспруденции, не могло не оттолкнуть большинство юристов старой школы от новой науки, а это отношение и было доминирующим у социологов. Известно, что сам Конт отрицал самое понятие права как метафизическое, которому не должно быть места в науке. У нас очень резко высказывался о юриспруденции, взятой в целом, и Лавров. В области общей теории права царил идеалистическая философия, которая противопоставляла дух природе и менее всего была склонна к мысли, что область первого подчинена действию естественных законов, проявляющихся в природе. С этой точки зрения мир человеческих отношений казался сферой, в которой действует свободная воля человека. Притом одна из этих наук ставила и решала свои задачи слишком индивидуалистично, чтобы поэтому видеть в обществе скорее некоторую совокупность отдельных лиц, находящихся между собой в различных отношениях, нежели некоторую структуру, придающую ему единство и цельность. Так, по самому существу дела, обстояло

дело с наукой гражданского права, не говоря уже о практическом характере его изучения, и то же дело обстояло даже и с политической экономией, сводившей народное хозяйство к игре частных интересов и их свободной конкуренции. Как-никак, социология на Западе зарождалась в связи с мыслью о социальном преобразовании в смысле усиления общественного воздействия на хозяйственную жизнь (Сен-Симон, Огюст Конт и социалисты-утописты). Наконец, и специалисты государственной науки понимали самый термин «общество» не во всеобъемлющем смысле чего-то, по отношению к чему само государство должно рассматриваться как только часть понятия «общество» наравне с правом, хозяйством, обычаями, нравами и пр., а в значении населения, живущего под властью государства на его территории: общество — это совокупность подданных, над которыми возвышаются органы государственной власти. (Еще менее научным было долго удерживавшееся, кстати сказать, у историков противопоставление «общества» «народу» в классовом смысле.)

Для теоретиков права и государства, воспитавшихся в традициях немецкой идеалистической философии, позитивизм был чем-то совершенно неприемлемым. Один из наиболее крупных у нас в то время представителей философского (правогегельянского) направления в правоведении Б. Н. Чичерин [1828—1904], один из наиболее видных профессоров Московского университета до 1868 г., автор целого ряда крупных работ, выходивших в свет и после оставления им профессуры¹, отнесся к позитивизму с резко отрицательной критикой в то время, когда позитивизм уже сделал у нас большие успехи («Положительная философия и единство науки», 1892), хотя, как увидим, и сам не избежал некоторого влияния социологии. По общему духу его крайне умозрительного мышления данная им позитивизму оценка недалеко отходила от оценки богословской одесского архиепископа Никанора («Пози-

тивная философия и сверхчувственное бытие», 1873—1888). Даже П. Г. Редкин (1808—1891), старший современник Чичерина, профессорствовавший сначала в Москве (1835—1849), [затем] в Петербурге (1863—1878) и бывший очень доступным новым реалистическим веяниям в философии, ни разу не заикнулся о позитивизме в своем изданном в последние годы жизни сборнике «Из лекций по истории права в связи с историей философии вообще» (1889—1891). Напечатанная им у Брокгауза в Лейпциге в 1864 г. популярная книжка «Курс философии общественной жизни», в которой автор открыто объявлял себя атеистом и материалистом, хорошо может характеризовать наше социалистическое обществоведение, в котором было что-то архаически наивное, на что указывает хотя бы такое разделение книжки на главы: общество, брак и женщина, война, политика.

Приемлемее, чем для юристов-философов, задача и метод социологии были для юристов-историков, изучавших юридические факты, а не юридические принципы и нормы, но они уже относились к социологии так же, как и общие историки.

Так, однако, продолжаться не могло, и среди новых поколений русских юристов, испытавших на себе реалистические веяния шестидесятых годов прошлого века, не могло не явиться людей, более или менее испытавших на себе влияние позитивизма. Если ему до известной степени подчинился Редкин, старый гегельянец, то было бы странно, если бы возникший на Западе и у нас в конце шестидесятых годов интерес к Конту прошел бесследно для обновления науки права. Скорее нужно удивляться, что влияние позитивизма не охватило более широкого круга, чем это было на самом деле, что оно все-таки больше не проявилось в юридической литературе. Если далее сравнить интерес к социологии, дававший сильно себя знать в нашей передовой журналистике, то окажется, что в общем русская университетская наука отстала

от журналистики примерно лет на десять, потому что наиболее видные представители социологического направления в юриспруденции у нас выступили только в исходе семидесятых годов. Нельзя не отметить при этом, что в дальнейшем между университетскими и журнальными социологами не образовалось никакого контакта. Это были, так сказать, два параллельных течения, по крайней мере на первых порах.

III. Первым у нас профессором права, решительно заявившим себя позитивистом, был В. И. Сергиевич, около сорока лет, в последние три десятилетия XIX и в начале XX в., занимавший кафедру истории права, по которому он оставил по себе ряд первоклассных трудов. В 1871 г. он издал свою докторскую диссертацию «Задачи и методы государственных наук» с подзаголовком «Очерки современной политической литературы». Человек, сам учившийся некоторое время в германских университетах, где царила идеалистическая философия, выступил в этой небольшой книге принципиальным ее противником. В ней Сергиевич резко осудил способы исследования немецких государствоведов, начиная с Канта, противопоставив им основные приемы французского и английского положительного направления, поскольку оно проявилось в мышлении Конта, Милля и Льюиса.

Изложению идей Конта, которого он назвал «бессмертным гением», он отвел, однако, очень мало места, что и понятно при отрицательном отношении Конта к чистой методологии, и в этом отношении гораздо большее для него значение имели «Система логики» Милля и «Трактат о методах наблюдения и рассуждения в политике» Льюиса. Любопытно, что, говоря о намерении Конта «разом создать и методу, и самую науку», Сергиевич, первый среди русских юристов поклонник Конта, даже не называет эту науку тем именем, которым окрестил ее сам ее основатель. Чтение этого

отдела книги Сергиевича производит впечатление, что ее автор даже был только поверхностно знаком с «Курсом положительной философии», хотя и считал путь, указанный Контом, «совершенно верным». Во всяком случае, Сергиевич все-таки был первым из русских, заговоривших о положительном обществоведении в смысле изучения закономерности социальных явлений. Сосредоточив свои занятия на истории русского права, впоследствии он вплотную более почти не возвращался к методологическим вопросам, а если и возвращался, в сущности, не высказывал ничего нового. Сама диссертация Сергиевича не оказала никакого влияния на ближайшие поколения петербургской университетской молодежи.

IV. Более сочувственный прием встретила мысль о социологии в Московском университете с середины семидесятых годов, когда в нем началось обновление юридической профессуры. В это время на разных кафедрах юридического факультета появились такие еще тогда молодые ученые, как Чупров, Янжул, Муромцев, Ковалевский, позднее Гамбаров², которые вместе с некоторыми тоже новыми профессорами-гуманитариями (Стороженко, Всеволодом Миллером, Ключевским, Алексеем Веселовским) или математиками и натуралистами (Бугаевым, Тимирязевым) образовали своего рода широкий академический кружок представителей наиболее свежих, реалистических и прогрессивных тенденций западной науки. У этого профессорского круга возник и литературный орган в виде выходившего в течение полутора лет (1879—1880) под названием «Критического обозрения» и под редакцией филолога Всеволода Миллера и юриста Максима Ковалевского. Не все его сотрудники были позитивистами, но почти все стояли более или менее близко к позитивизму. Вот в этой-то университетской среде и проявилось социологическое направление в русской юри-

дической мысли в лице двух профессоров права — Муромцева и Ковалевского. Оба они выступили почти одновременно, но с довольно различными ориентациями. Хотя оба они были историками, первый — римского права, второй — общественного и государственного строя Запада, но в отношении к социологии они заняли разную позицию, первый будучи более теоретиком, другой — исследователем первобытных и ранних форм общественной жизни. Обоим постигла одна и та же судьба — удаление из университета за неблагонадежность с тем только различием, что один скоро забросил науку, тогда как другой широко развил свою научную деятельность, создав себе имя на Западе.

Сергей Андреевич Муромцев (1850—1910), приобретший в начале XX в. мировую известность как председатель Первой русской Государственной думы¹, в своей специальности, римском праве, был учеником знаменитого немецкого юриста Рудольфа Иеринга, по самому духу своему позитивиста, изгонявшего из истории права всякую метафизику, мистику и романтику. Известно, что Иеринг, в противоположность учению немецкой исторической школы права, стоявшей на точке зрения происхождения права из «народного духа», выдвинул вперед идею сознательной «цели в праве», но Муромцев пошел еще дальше и поставил на очередь вопрос о причинах, определяющих право и в нем действующих. Посвятив свою магистерскую диссертацию «О консерватизме в римской юриспруденции» (1875) истории римского права, Муромцев выступил в докторской диссертации теоретиком права. Заглавие ее было «Очерки общей теории гражданского права» (1877), и в ней-то, как и в более поздних «Определении и основном разделении права» (1879) и «Что такое догма права» [1880], проявились позитивистические симптомы Муромцева, все-таки, однако, бывшего более историком, оставившим такие труды, как «Гражданское право древнего мира» (1883) и «Росцепция римского права на Западе» (1885), нежели со-

циологом. Насильственное удаление Муромцева с занимавшейся им кафедры и последовавший затем переход его в адвокатуру положили конец его научной деятельности, на поприще которой он выступал до конца своей жизни и только спорадически, причем в 1889 г. в «Русской мысли» он начал печатать оставшиеся неоконченными «Социологические очерки», относящиеся к области так называемой генетической социологии. Общую философскую точку зрения Муромцева можно назвать гуманистической по его вере в действенную силу человеческой личности, в ее разум и совесть, в идею справедливости как творческого начала в истории самого права. Не отрицая значения экономических процессов общественной жизни, не им, а психическим переживаниям отводил он главное место в своих теоретических построениях, и можно сказать, что в этом отношении, как и в своем гуманистическом настроении, он был близок к современным ему русским социологам-субъективистам.

Как Сергиевича не удовлетворяла общая постановка теоретического государствоведения, так Муромцев не был удовлетворен состоянием науки гражданского права, а необходимую реформу он видел в применении в этой области основных требований позитивной социологии. Он указывал на вред слишком большого обособления своей науки от других общественных наук, признав, что гражданское право должно изучаться в тесной связи с другими сторонами общественной жизни и что этому изучению необходимо руководствоваться идеями и приемами более развитых социальных наук, причем указывал на то, что путь, по которому оно должно идти, намечен объективно-научным отношением к предмету, какое начато Контом, Миллем, Спенсером, Тэйлором, Леббоком и др. Понимая науку исключительно в смысле определения законов, управляющих явлениями, т. е. в смысле науки абстрактной, по терминологии Конта, а тем как бы исключая из области науки то, что последний называл

науками конкретными, Муромцев такой чистой науке противопоставлял прикладное знание как только искусство указывать цели практике и, следуя выводам науки, комбинировать средства, ведущие к достижению этих целей. Он так был увлечен идеей изучения закономерности, что всю задачу общего гражданского правоправедения полагал в изучении законов развития гражданского права, а на описательное гражданское правоправедение, к каковому, конечно, относится и история права, смотрел не как на нечто самодовлеющее, а как на систематическую разработку материала, необходимого для дальнейших действий научного юриста. Общее состояние юриспруденции в то время, когда он писал свою докторскую диссертацию, было таково, что он находил нужным особенно подробно разъяснять, что он понимал под научным законом в применении к правовым фактам: именно с большой настойчивостью он отмежевывал научное понятие закона, объективно действующего в явлениях, от понятия, субъективно приемлемого умом, принципа правды, справедливости. Такие юридические принципы не законы в научном смысле, а, подобно всяким правовым нормам и государственным постановлениям, суть только явления, подчиняющиеся вместе со всем существующим законам в научном смысле, не имеющим ничего общего с моральными и юридическими принципами. Требование Муромцевым изучения гражданского права в теснейшей связи с другими сторонами общественной жизни и в целях открытия закономерности ее явлений приближало его к социологам. Высшую ступень научного знания, открытие законов, он готов был даже принимать за основную задачу науки как таковой, видя в прикладном знании только искусство, а не науку, а в описательном знании, хотя бы и правильно систематизированном, видя только подготовительную ступень к настоящему знанию. В дальнейшем он не удержался на этой позиции, оставив, в сущности, без продолжения свои «Очерки» и посвятив свои силы

историческому изучению права, но не в духе старой исторической школы с ее мистической романтикой, а в направлении позитивном. Остались без продолжения и «Социологические очерки» Муромцева, писавшиеся под влиянием чтения трудов по генетической социологии Спенсера, Мэна, Ковалевского, Зибера и др.⁴

В заключение скажем, что с этико-социологической школой Муромцева роднило стремление примирить позитивизм с творческим социальным идеализмом, примирить историка с идеей естественного права, как он это высказал в своей работе «Образование права по учениям немецкой юриспруденции» (1886).

Можно сказать, что из всех ученых-юристов своего времени Муромцев был первым, который указал на необходимость теоретического изучения права как социального явления, т. е. с социологической точки зрения. На Западе вопрос о таком изучении был поднят позднее, причем там нередко только повторялось то, что было уже высказано Муромцевым, оставшимся за границей малоизвестным. У нас ему не пришлось создать своей школы, и лишь немногие юристы вполне усвоили его основную точку зрения. Из них нужно особенно отметить Ю. С. Гамбарова [1850—1926], преподававшего гражданское право в Одессе, в Москве, в Петербурге (в Политехническом институте). Как и Муромцев, он примыкал к направлению Иеринга, тоже внося в него свои поправки. В статье «Задачи современного правоправедения» (в «Журн[але] Мин[истерства] юст[иции]» за 1907 г.) и в своем «Курсе гражданского права» (1911) он продолжал утверждать, что «право-праведение, как и социология, — по крайней мере в своем теоретическом отделе, — разыскивает законы развития общественной жизни». Гамбаров заходил так далеко, что абсолютно не допускал возможности изолированно изучать право, так как часть зависит от целого, так как «право и жизнь, жизнь и право неотделимы друг от друга и находятся в вечном взаимодействии». От-

сюда вытекало и его утверждение, что изучать право можно только на социологической основе.

Если и сам Муромцев рано прекратил свою научную деятельность, не развив положений, вытекавших из его теории, и не создал вокруг себя школы, на что имел все права, то, с другой стороны, и в ближайшей научной среде он встретил очень враждебный прием со стороны таких видных юристов, как С. В. Пахман и А. Х. Гольмштейн, возражая которым Муромцев должен был еще раз разъяснять различие, существующее между научными законами и правовыми принципами, что он и сделал в своей работе «Что такое догма права», бывшей переведенной на немецкий язык⁵.

В● С большим еще, чем Муромцев, правом среди русских юристов и социологов занимает место его товарищ по московской профессуре М. Ковалевский⁶, который, как и он, только несколько позднее (1877) был лишен кафедры, но только еще более после этого развивший свою научную деятельность. Занимая кафедру государственного права и сравнительной истории права в Москве в 1877—1887 гг. и вернувшись к преподаванию тех же предметов и социологии, но уже в Петербурге, в последние десять лет своей жизни заполнив часть периода своего изгнания преподаванием социологии в Брюсселе, в так называемом Новом университете, в Париже, в основанной им Вольной русской школе и в других местах, Ковалевский постоянно выпускал в свет новые и новые труды большей частью исторического содержания, из которых только о последних и может дальше идти речь. Собственно говоря, в трудах Ковалевского тесно связывались между собой история, для которой он часто работал в архивах, с социологией и в том отношении, что своими работами по первобытному праву⁷ он создавал базу дальнейшего исторического развития, и в том, что самое историю он изучал с социологической точки зрения, если и не

прямо в специальных интересах социологии. Именно задачей своей он ставил выяснение взаимодействия социально-экономического и политического строя в эволюции человеческих обществ, начиная с первобытных времен, которые он изучал в направлении, указанном бывшим ему личным знакомым Мэнном, причем важность экономики им была усвоена из личного общения с Марксом, не сделавшего его, однако, экономическим материалистом, как близко он к нему ни подходил. Действительно, Ковалевский придавал громадное значение социально-экономическим условиям, которые обобщал в понятии «общественного строя» как основы и связывающей скрепы общества, в очень значительной мере определяющем и государственный строй. Это была та же идея социальной структуры, какую он нашел и в социологии Конта, но в отличие от понимания последним «спонтанной эволюции», характеризующего и Спенсера, с которым он также был лично знаком, он признавал возможность видоизменения и пересоздания данного строя посредством преднамеренной правительственной политики или вообще меньшинства, мысли которого оказывают направляющее влияние на общественную эволюцию. Как ни считал он существующие в обществе идеи за порождение его экономического и политического строя, он подчеркивал и, так сказать, независимое от внешних условий возникновение идей в мыслительном процессе. В деле исторического изучения с социологической точки зрения он особенно выдвигал вперед значение сравнительного метода, который так высоко ценился Контом и так успешно применялся этнологами-социологами. Долгое время брошюра Ковалевского «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории и права» (1880) была единственным его теоретическим трактатом в области социологии. В этом направлении и сам он работал в целом ряде вопросов, как это мы видим в его книгах и статьях о первобытном праве, об обычном праве, об общинном земле-

владении и т. п., где он подтверждал, дополнял и исправлял на чисто новом материале наблюдения и выводы своих предшественников, внося и свои оригинальные соображения. Одним из последних было подчеркивание им, что кроме естественной эволюционной последовательности социальных отношений в истории постоянно замечается действие причин случайных и искусственных, как внесение в страну ее завоевателями новых порядков и идей или реформаторская деятельность правительства. Критики Ковалевского, правда, и не без основания, находили обобщения Ковалевского поспешными, доказательства малоубедительными, а иногда и фактические подробности неточными, но это не мешало признанию за его работами большой научной ценности не только у нас, но и за границей, где за его деятельностью следили как по некоторым переводам, так и по вещам, прямо напечатанным на иностранных языках, а не то по делавшимся им докладам или из личного с ним общения. Гораздо менее склонности, а пожалуй, и способности обнаруживать Ковалевский к постановке и к решению чисто теоретических, основных, или коренных, вопросов социологии, которыми он занялся, только уже будучи стариком.

«Социология» Ковалевского, вышедшая в 1910 г., незадолго, значит, до его смерти, состоит из двух частей, из которых первая трактует о социологии вообще и излагает историю социологических систем, вторая представляет собой общий очерк генетической социологии в смысле «учения об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности», т. е. круга вопросов, которыми Ковалевский специально занимался в течение очень многих лет, читая по ним целые курсы. Целью этого издания он считал ознакомление широких кругов читателей, во-первых, с основными задачами социологии в их истории, дополнением к чему может служить его же изданная пятью годами раньше книга

«Современные социологи», а во-вторых, с содержанием отдела науки, подвергавшегося за последнее время особенно тщательной обработке. Ковалевский приходил здесь к тому заключению, что «большинство социологов еще держится того толкования природы и задач социологии, которому следовал Конт», что «в любом из современных курсов социологии ее определение является лишь видоизменением или расширением определения Конта». Для Ковалевского социология является основой и опорой более специальных наук об обществе, поставляющих ей материал для ее умозаключений. В прошлом социологии он особенно выделяет прежде всего Конта с его предшественниками и последователями, потом Спенсера, «Принципами социологии» которого были подготовлены работы Тэйлора, Мак-Леннана, Мэна и к которому примыкают все органицисты, и, наконец, Лестера Уорда как родоначальника психологического направления. Нельзя не отметить в его обзоре прошлого социологии, как и в «Современных социологах», отсутствие упоминания о Марксе, с которым он был лично знаком и влияние которого, несомненно, сказалось на его исторических взглядах, а с другой стороны, нельзя [обойти] молчанием и то обстоятельство, что, называя последователей трех названных социологов, он пропускает указанных в предисловии русских «пионеров в этой области человеческого знания», к которым причисляет «Строева (Стронина) и Лаврова, Лиленфельда, Михайловского, Кареева и Южакова»⁸. По первому пункту можно только сказать, что марксизм развивался вне общения с контовской традицией, что последователи Маркса стали развивать его (и Энгельса) идею об экономическом базисе и политических и экономических надстройках только в самом конце XIX в. и что первоначально сторонники этой теории сами не признавали социологии, как мы это еще увидим. Что касается до фактического игнорирования русских «пионеров», с некоторыми из которых Ковалевский не

только был знаком, но и находился в приятельских отношениях, то это характерная черта не одного из писавших у нас о социологии. Тем более любопытно это обстоятельство у Ковалевского, что он содействовал своими средствами изданию одного из последних трудов Лаврова. Больше внимания он обращал на Де-Роберти, «несравненно более, — как сам он отмечал, — известного на берегах Сены, чем на берегах Невы»³.

Конечно, Ковалевский не разделял предубеждения Конта против психологии и приветствовал возникновение так называемой коллективной, интерментальной психологии, не соглашаясь только с тем, чтобы она могла заменить собою социологию, в которую должна только входить, по его мнению, как ее интегральная часть. В последнем отношении он полемизировал с Тардом, у которого социология покрывалась коллективной психологией. Но к психологическому направлению Лестера Уорда, не упразднявшему социологию, а поставившему рядом с генетическим, по терминологии американского социолога, т. е. есть чисто эволюционным процессом, каким мы его имеем в понимании Конта (*évolution spontanée*) и Спенсера (*self-development*)*, процесс творческий, по терминологии самого Уорда, антропо-телеологический, в котором люди сознательно ставят себе цели и совершают преднамеренные действия для их достижения. Животное только приспособляется к среде, а не изменяет ее, как человек, но именно в сознательной и преднамеренной трансформации среды и заключается творчество. Но эта мысль о таком воздействии людей на общественный строй вполне соответствовала и взгляду самого Ковалевского. Это психологическое направление социологии он готов был считать едва ли не господствовавшим в начале XX в. среди представителей этой науки. Только можно было бы при этом указать Ковалевскому,

* Саморазвитие — *англ.*

что многое, высказанное Уордом, еще раньше уже существовало в русской социологической литературе вплоть до признания особой важности за прогрессом человеческого интеллекта.

Как мы уже видели, Ковалевский теснее всего связывал свою социологию с контовской традицией. Далее, величайшей заслугой Спенсера он считал применение сравнительно-исторического метода к построению генетической социологии, исследующей происхождение и развитие человеческого общества. Органическая теория общества, делавшая Спенсера главой целой школы, казалась Ковалевскому чем-то скорее побочным, от чего, по-видимому, сам Спенсер готов был отказаться в последние годы и от чего скоро может не остаться никаких следов. Мало склонный к абстрактному теоретизированию, Ковалевский был сам по преимуществу социологом-генетиком, вообще полагавшим, что только в данном отделе социологии достигнуты наиболее прочные и непререкаемые результаты. И в области социологической методологии Ковалевский облюбовал для себя вопрос о сравнительном методе. Кроме целого ряда его отдельных трудов, вышедших в свет, им обещана была еще серия монографий, посвященных истории семьи, рода, свободной и несвободной общины и, наконец, государства.

В заключение нужно сказать, что его излюбленной теоретической мыслью было то, что главным, чуть не единственным источником общественных перемен является размножение населения.

Выступление Муромцева и Ковалевского как социологов в конце семидесятых годов — десятью годами позже, все-таки нужно напомнить, начала русской журнальной социологии — отмечает начало нового периода в истории преподавания на наших юридических факультетах. То, что было новым в то время, потом делалось более или менее обычным и, между прочим, стало проникать в преподавание как энциклопедии, так и истории философии права студентам-юристам.

Особенно начала реформироваться первая из этих дисциплин, все более превращаясь в общую теорию права и все более проникаясь социологической идеей тесной связи права с другими сторонами общественной жизни.

VI. В восьмидесятых годах влияние социологии Конта сказалось на Н. М. Коркунове (1853—1904), читавшем в нескольких высших учебных заведениях Петербурга энциклопедию права, государственное право и право международное и приобретшем репутацию выдающегося государствоведа, преимущественно теоретика, издавшего еще и курс истории философии права, который выдержал несколько изданий. Главным трудом, дающим ему право на место в истории русской социологии, является его «Общая теория права» [1883], выдержавшая несколько изданий и бывшая переведенной на некоторые иностранные языки. В своих трудах, касавшихся русского государственного права, Коркунов выступал как идеолог «правового самодержавия», что очень подрывало его репутацию и влияние, но в «Общей теории права», признававшейся самым полным и самым цельным курсом энциклопедии права как предмета факультетского преподавания, он стоял на высоте чисто философского учения о праве и обществе. Общие воззрения Коркунова в этой области сложились, как и у Муромцева, под сильным влиянием Иеринга, во взгляды которого он вносил оригинальные дополнения, но особенно заслуживает внимания то, что он вносил в понимание права и социологическую точку зрения.

Энциклопедия права, которую Коркунов читал в университете, была в истории нашей высшей школы предметом, довольно различно понимавшимся отдельными преподавателями. Коркунов понял ее в смысле общей теории права как чисто научной дисциплины.

Так как для него всякое явление прежде всего определялось средой, где оно совершалось, он отводил в своей теории права обществу как среде, в которой образуется право, и в то же время, рассматривая общественную жизнь как совокупность закономерных, в научном смысле, совершающихся процессов, он тем самым ставил свою задачу на социологическую основу. Как и Муромцеву, ему приходилось подробно останавливаться на разъяснении того, что между законами в юридическом смысле и законами в смысле научном нет ничего общего, кроме названия, и в данном случае Коркунов даже прямо пользовался тем, что в этом отношении было сделано Муромцевым. И в других отношениях он испытывал на себе влияние позитивизма и социологии. В первом смысле он говорил о несостоятельности философии как особого сверхчувственного знания, об относительности права как явления, о независимости юридических норм от человеческого произвола и т. п. Что касается социологии, то Коркунов ввел в свой курс довольно подробное рассмотрение социологических теорий, существовавших во времени выхода в свет его книги. Самим Контом Коркунов занимался мало, но Спенсеру и его органической теории общества отвел очень много места вместе со взглядами Лилиенфельда, Шеффле, Фулье, Гумпловича, критикуя же органическую теорию, он обошел совершенным молчанием взгляды Лаврова и особенно Михайловского, так много сделавшего в этой области. Из русских произведений он говорит только об «Основных вопросах философии истории», сочувственно принявши, хотя и не без оговорки, ту мысль, что общество в постепенном своем развитии должно стать из естественного факта произведением искусства¹⁰. Отвергая органическое воззрение на общество как не объясняющее всех явлений общественности, Коркунов тем не менее считал невозможным не признать его заслуг для обществоведения как давшего толчок

научному объяснению общественных явлений. По его словам, теория остановилась на полдороге. Спенсер не обратил внимания на то, что общество в своем развитии определяется не только настоящим и прошедшим, но и представлением о будущем. Общество можно, пожалуй, назвать организмом, но таким, который имеет свои особенности, сводящиеся к особенной силе образования представлений о будущем, образования идеалов. Говоря такие слова, Коркунов, в сущности, повторял, сам того не ведая, то, что составляет одну из основных идей современной ему русской социологической литературы. В силу такового взгляда на природу общества он предложил заменить органическое воззрение на общество, как он выразился сам, психическим. Чем, по Коркунову, сильнее способность образования идеалов в обществе, тем оно развивается, тем оно прогрессивнее, и добытое в этом отношении в одном обществе может содействовать развитию другого. Поэтому социологическое направление автора «Общей теории права» может быть названо психологическим, опирающимся на изучение психической природы человека, которую он тоже понимал в позитивном, детерминистическом смысле. «Особенность общества, — говорит сам Коркунов, — в психической его природе». Психическая теория личности, читаем мы еще у него, правильно разрешает вопрос о взаимных отношениях общества и личности, который в механической теории общества разрешался в смысле подчинения общества личности как ее инструктивного создания, служащего ее целям, но на нее не влияющего, а в органической теории — в обратном направлении, т. е. в смысле подчинения личности обществу. Вопрос о самобытности, самостоятельности, самоцельности личности трактовался Коркуновым в общих чертах совершенно в духе современной ему русской социологии, хотя и не видно ее непосредственного на него влияния. Обращаясь в своем понимании общества

к психологии, Коркунов мыслил последнюю в ее старой постановке как науку, занимавшуюся только индивидуальными психическими явлениями, потому что мысль о коллективной психологии во время писания им его книги едва только намечалась. При всем своем психологизме он, однако, не сводил всего к одним психическим переживаниям и их внешним волевым проявлениям, отмечая, что «субъективный общественный порядок складывается под влиянием не одних только стремлений отдельных личностей, но и объективных факторов, не зависящих от человеческой воли и постоянно действующих», так что общественное развитие в его представлении являлось равнодействующей сознательных стремлений как активного начала и исторически установившегося общественного строя, признававшегося им за инертное начало. Со своей точки зрения, Коркунов последовательно признавал и за правом психологический характер, полагая, что «основой всего права, в конце концов, является все-таки индивидуальное сознание», что значение и сила права лишь в сознании его отдельными личностями как должного порядка общественных отношений и что потому «право выражает не объективно данное подчинение личности обществу, а субъективное представление самой личности о должном порядке общественных отношений». Принимая во внимание то развитие, какое общее учение об обществе приняло впоследствии, следует отметить, что Коркунов между обществом, взятым в целом, и составляющими его личностями перечисляет какие угодно промежуточные общения: семьи и общины, товарищества и компании, клубы и ученые организации, профессиональные и конфессиональные союзы (церкви) — и лишь мимоходом упоминает о сословиях и классах при разборе взглядов на общество таких писателей, как Лоренц Штейн, Аренс и Роберт Моль, упомянув мельком, что взгляды первого сложились под влиянием социалистов. Идеи Маркса и Эн-

гельса в восьмидесятых годах прошлого столетия еще не входили в научный оборот университетов, и в их учении, когда его касались экономисты, менее всего обращала на себя внимание классовая теория общества. Даже взгляд Гумпловича на классовую природу государства как-то не обратил на себя внимания Коркунова.

VII. Самые слова «социология» и «социологический» все более и более делались с восьмидесятых годов популярными, и очень часто появлялись сборники статей, называвшиеся «Социологическими очерками» или «Этюдами», хотя название это было употребляемо не совсем кстати ввиду их настоящего содержания. В начале последнего десятилетия прошлого века этот термин употреблял в заглавии одного своего сочинения когда-то бывший в Москве профессором Б. Н. Чичерин, с которым у таких социологов, как Муромцев и Ковалевский, существовали самые напряженные отношения.

Название «Социологии» дал одному из последних своих трудов один из виднейших представителей старого, метафизического направления юридических наук в России Б. Н. Чичерин, последний, можно сказать, русский гегельянец далеко не левого уклона, большой консерватор, который в своих воспоминаниях называл московских профессоров социал-демократами. То, что Чичерин дал такое название второй части своей книги «Курс государственной науки» (1890) — факт знаменательный, указывающий на то, как термин «социология» завоевал себе место в слове человека, бывшего далеким от какого бы то ни было позитивизма. Чичерин до конца жизни стоял на точке зрения различения государства и гражданского общества как двух разных союзов, из которых первый «представляет общество как единое целое, а другой заключает в себе совокупность частных отношений между членами»,

причем первый «управляется публичным, второй — частным правом». Другими словами, по Чичерину, «общество есть совокупность частных отношений между людьми, подчиняющимися общей политической власти», и лишь постольку называется гражданским, поскольку управляется нормами частного права. Известно, что это различие было впервые сформулировано Гегелем, последователем философской системы которого Чичерин был всю свою жизнь. Поэтому он восстал против чрезмерного расширения понятия об обществе в смысле превращения его в понятие о «совокупном организме, обнимающем целое государство, которое является только одним из органов или функций этого цельного тела», как у Шеффле или у Спенсера. Отсюда Чичерин под социологией в тесном смысле слова как наукой об обществе разумел «исследование его в его составных элементах и влиянии его на государство», противопоставив ей политику как «исследование воздействия государства на общество». В таком толковании социология сделалась из всеобъемлющей теории общества лишь одной из частей государственной науки, следующей за общим государственным правом и предшествующей политике. Если, однако, отвлечься от понимания Чичериным отношения между обществом и государством как двумя отличными один от другого союзами, он, в сущности, в этом своем труде явился ученым, испытавшим на себе влияние положительной мысли. Естественными элементами общества он признал «природу и людей в данных природой отношениях», под которыми разумел и племенной состав населения, ставя в тесную связь с этими элементами общества всю материальную деятельность общества, весь экономический быт. В своей «Социологии» Чичерин выступил не только юристом-государствоведом, но и экономистом. Признавая великие заслуги политической экономии и оправдывая изолированное исследование ею хозяйственных отношений, он, однако, указывал на то, что «экономические явления

не составляют области, отрешенной от других общественных явлений, многосложными нитями переплетаясь с другими факторами общественной жизни». Поэтому Чичерин приветствовал возникновение новейшего направления экономической науки, которое он и обозначил как социологическое, как имеющее в виду «связать экономические явления с другими началами общественной жизни, нравственными, юридическими и политическими», как ни восставал против способа осуществления этой идеи в литературе. Целый отдел тома был им посвящен рассмотрению экономического быта и такой же отдел — духовным интересам, т. е. религии, науке, искусству, нравам, воспитанию. Можно было бы сказать, что эти два отдела довольно полно охватывают содержание общественных явлений, если бы сюда были еще включены правовые и государственные отношения, выделенные Чичериным из ведения социологии.

Признавая закономерность общественного развития, Чичерин остался в стороне от тех понятий, которые по этому предмету вырабатывались в позитивизме, и рядом с его ограниченным пониманием общества, это второй важный пункт отличия его «Социологии» от других трудов по тому же предмету. Он даже не употреблял термин «эволюция», отождествляя его с органическим процессом и противопоставляя понятию постепенного органического роста понятие сознательной борьбы. Эту борьбу он предлагал видеть не только «между односторонними направлениями, разделяющими современность», но и «между сменяющими друг друга началами, старым и новым», а самое развитие определял не как органическое, а «диалектическое, определяемое законами разума» и ставящее себе цель. В этом пункте он опять шел за Гегелем, коренным образом расходясь с позитивизмом и его отрицанием метафизики. В последнем отношении он только повторял в «Социологии» общие философские идеи свои, развитые в его сочинении «Положительная

философия и единство науки» (1892), как, с другой стороны, и повторял в других местах той же книги [идеи,] высказанные в сочинении «Собственность и государство» (1882) касательно общественных вопросов. За Гегелем шел Чичерин и в понимании всемирной истории как «развития единого духа, излагающего свои определения в преемственном процессе». То, что у Чичерина называется «законами развития», — какковым отведена в книге отдельная глава, — совсем не похоже на то, что под этим термином понимается в позитивной социологии. Это какая-то отвлеченная тематизация, налагаемая на реальный ход всемирной истории. Достаточно привести хотя бы такую формулу: «Человечество идет от раздвоения к конечному единству по тем же самым ступеням и объединениям, по которым оно шло от первоначального единства к раздвоению, но в обратном порядке»¹¹.

Одним словом, на социологии Чичерина совершенно не отразился общий дух социологической литературы последней трети XIX в., и если он высказывался за понимание развития как диалектического процесса и этим как бы предвосхитил одну из позднейших социологических тенденций, то и для ее представителей явился бы неприемлемым вследствие своего крайнего идеализма.

VIII. К числу таких юристов принадлежит еще В. М. Хвостов [1868—1920], занимавший кафедру римского права в Московском университете с середины последнего десятилетия прошлого века. Обе его диссертации имели строго специальный характер, хотя и по довольно общим вопросам, как и его печатные курсы, выходившие в свет с 1900 г., но впоследствии он расширил круг своих научных интересов на области общей теории права, этики и философии и методологии истории. Он вообще отличался широтой интересов и кроме целого ряда работ по своим специальностям,

т. е. по римскому праву и по общей теории права (курс которой получил большое распространение), он занимался вопросами этики, политики и исторической методологии. В последнем отношении следует отметить его курс лекций под заглавием «Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории» [2-е изд. — 1914], где под теорией исторического процесса он подразумевал одинаково, давая им общее название «философии истории», и теорию истории как науки, и теорию ее как самой общественной эволюции¹².

В вышедшем в свет первом томе «Социологии» (1917) Хвостова вопросу о предмете и задаче этой науки посвящено лишь десятка полтора страниц, в которых заслуживают внимания два пункта. Первым является мысль автора, что «вопрос о реальности общества может быть решен только на почве представления о душе как об активном непосредственном процессе», т. е. как о деятельности, а не о субстанции. У Хвостова общество являлось тоже активным процессом, именно «единым процессом общения, который происходит между индивидуальными процессами духовной жизни, именуемыми душами отдельных людей». Таким заявлением автор примкнул прямо к психологическому направлению, хотя и далеко не такому, какое характеризует вне России Тарда, а с другой стороны, по своему особому интересу к этике (см. его книги «Нравственная личность и общество», 1911; «Этика человеческого достоинства», 1912; «Очерк истории этических учений», 1913) он мог бы быть причислен к направлению этико-социологическому*.

Другой пункт во вступительной главе «Социологии» Хвостова — это его заявление, что впервые раз-

личие между знанием номотетическим и идиографическим было резко выдвинуто Виндельбардом и Риккертом. В сущности, это различие наук о законах явлений и о самих явлениях было сделано еще Контом под названиями наук абстрактных и конкретных, которые еще в начале восьмидесятых годов прошлого века было мною предложено заменить терминами «номологических» и «феноменологических». В данном случае Хвостов, однако, был не один, кто подвергся большому влиянию Виндельбарда и Риккерта (Чупров-младший и Лаппо-Данилевский).

Все остальное содержание первого тома «Социологии» Хвостова представляет собой исторический обзор учений об обществе, начиная с античного мира, — обзор, очень всем своим построением для периода, предшествовавшего появлению социологии, напоминающий курсы по истории философского права, что и не могло быть иначе у автора-юриста. Оригинальным было только включение в этот обзор арабского ученого XIV в. Ибн-Халдуна, которого некоторые ученые были готовы признать истинным основателем социологии. Что касается истории социологии, то Хвостов разделил всю соответствующую литературу на восемь направлений, или школ, по тому, с какими другими науками особенно в них сближается социология (механистическая, географическая, этнографическая, биологическая, психологическая, экономическая, этическая и группа ученых, не увлекающихся поисками за обоснованием социологии на других научных дисциплинах). Конечно, при таком делении в обзор Хвостова должны были попасть и статистики (например, Кетле), и географы (Ратцель, Реклю), и психологи (Лазарус, Штейнталь, Вундт), но все-таки социологи заняли в книге наибольшее место, причем автор обнаружил очень большую эрудицию. Менее всего внимания обратил Хвостов на «экономическую социологию», в которой, как это ни странно, слишком бегло рассмотрел экономический материализм, из русских последовате-

* Крайне неудачная аттестация! В. Хвостов был типичным неокантианцем в социологии и философии, критически относящимся к позитивизму всех оттенков. См. *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX—XX вв. — Гл. 7.

лей которого назвал только Бронштейна и Солнцева, а из критиков — только Ю. Делевского. Зато русским представителям разных направлений он отвел достаточно места, причислив Де-Роберти к психологической школе, Лаврова, Михайловского, Кареева и Милюкова (собственно, не бывшего социологом) — к этической, Ковалевского и Кистяковского — к группе ученых, настаивающих на независимости социологии. Общим выводом Хвостова было то, что социология все еще наука, не вполне установившаяся. «Я, — писал он в конце предисловия, — считаю, что было бы слишком смелым давать прямо систематическое изложение науки об обществе, даже располагая определенными воззрениями на все основные вопросы систематической социологии», потому что нельзя же не вводить своих читателей во все разнообразие борющихся между собой научных воззрений.

В понимании социологии Хвостов стал на особую точку зрения, отнесши к этой науке «в тесном смысле этого слова» только учение о природе общества и об основной закономерности общественных явлений, учению же о типических формах разных общественных союзов и продуктов общественной деятельности давши название социальной типологии. Исходя из такого взгляда, он написал изданную в 1919 г. и переизданную в 1923 г. небольшую книгу под заглавием «Основы социологии» и с подзаголовком «Учение о закономерности общественных явлений (Элементарный очерк)». Эта книга должна была, по мысли автора, до поры до времени заменить второй том «Социологии», бывший уже готовым в рукописи, по разным причинам не могший выйти в свет¹³. Здесь Хвостов рассматривал общество как «реальность духовного порядка», как «процесс духовного общения», выдвигая вперед ту мысль, что общественное состояние есть условие появления и сохранения разумности, и указывая на разнообразные средства общения между людьми. В соответствии с такой точкой зрения он выдвинул вперед

вопросы об общественной традиции, об идеях и изобретениях в духе времени и только после их рассмотрения [перешел] к устойчивым общественным союзам и к общественной культуре, т. е. поставил духовную культуру впереди социальной в более узком значении последнего термина. И вопрос о методе социологии у него был не предпослан материальному содержанию очерка социологии, а поднят только в заключительной главе. В социологии он здесь различил целый ряд направлений, каковы механистическое (со Спенсером), географическое, антропологическое, биологическое (Лилиенфельд, Шеффле), психологическое (Тард, Уорд, Болдуин), экономическое (кроме Маркса и Энгельса) и этическое (Лавров, Михайловский, Кидд), противопоставив им «ряд видных социологов нашего времени» (Дюркгейм, Зиммель, Вормс), стоящих, по его мнению, на почве защиты полной самостоятельности нашей науки и ищущих для нас особых методов, в которых она была вполне независима от других наук. По-видимому, один из этих методов Хвостов видел в типологическом изучении, называя типами «менее широкие, нежели законы, обобщения», отличающиеся тем, что целиком представляют собой «создания нашей мысли». Дальнейшего развития эта мысль, однако, не получила, но мысль о социальной типологии не была совсем праздною мыслью¹⁴.

IX. Особое место среди русских юристов, увлекавшихся проблемой социологии, занимает Е. Спекторский, бывший профессором права в Варшавском университете. Еще будучи студентом этого университета, он занимался вопросами о предмете, задаче и методе социологии и впоследствии посвятил им ряд работ, каковы «К вопросу о систематизации в обществоведении» (1903), «О задачах обществоведения» (в «Вопросах философии и психологии», кн. 72), «Органическая теория общества» («Записки Общества истории,

филологии и права при Варшавском университете», вып. 3) и «Общественные науки и теоретическая философия» (1907). Сначала он находился под влиянием Контова понимания социологии, но, работая над проблемой, в поисках надежной философской опоры для своих методологических рассуждений подпал под временное влияние неокантианства, которое, однако, скоро преодолел, перешедши от отвлеченной гносеологии к генетическому исследованию проблем науки, и раньше его интересовавшему. Благодаря этому прежняя методологическая проблема превратилась у Спекторского в проблему историческую — понять психологические и социальные условия, которые вызвали к жизни идею социальной физики. Работая над такой темой, он пришел к убеждению, что нельзя успокоиться на признании Конта родоначальником проблемы социальной физики и что возникла она еще в XVII столетии. В «Записках Общества истории, филологии и права при Варшавском университете» [Вып. 4] появилась его статья «Эргард Вейгель, забытый рационалист XVII века», а затем в «Юридических записках» [Вып. 2] — другая, более общего содержания, под заглавием «Физицизм в философии XVII века». Дальнейшим результатом поисков их автора явились два огромных тома, изданных в 1910 и 1917 гг. под заглавием «Проблема социальной физики в XVII столетии». Работая над философской и научной литературой этого века, Спекторский нашел, что проблема социальной физики не могла не возникнуть в век, когда физика впервые стала строгой и положительной наукой и что тогдашние обществоведы действительно испытывали влияние этой науки. Он даже пришел к убеждению, что эти обществоведы «глубже и правильнее понимали методологию проблемы, чем их эпигоны XIX века», которые «ее только видоизменяли, если не искажали». И все-таки он должен был признать, что их постигла «крупная теоретическая неудача, одна из самых крупных в истории наук», не могущая, однако,

по его мнению, служить основанием для пренебрежительного отношения к тогдашним обществоведам. Он даже выражал известного рода сожаление по поводу того, что в наше время почти утрачена вера в общественную науку данного типа, когда «большинство теоретиков, — как выразился он, — отступило назад, вернулось от высшего и более совершенного методологически, именно рационального типа науки к низшему, конкретно-эмпирическому типу», хотя бы это было уместно и благоразумно. В конце концов, Спекторский дал необычайно ценную историю социологии, с той только оговоркой, что большая часть труда посвящена вопросам чистой философии, научной методологии и психологии и лишь конец второго тома — специально «рациональной социологии» с подразделением ее на статику и динамику¹⁵.

Х. Вне академических социологов из юристов стоял С. И. Гальперин, бывший присяжным поверенным в Екатеринославе, где и печатал большей частью свои произведения. Первым из них были «Очерки первобытного права» (1893), за которыми следовали «Органическая теория строения и развития общества» (1900), брошюра «Обзор социологической литературы за 1901 год» (1902) и большая книга «Современная социология» с подзаголовком «Обзор социологической литературы за 1902 год» (1903), хотя содержание книги шире этого подзаголовка, относящегося только к части содержания. Автор стоял на той точке зрения, что лучший способ изучения современной социологии заключается в обозрении и критике посвященных ей научных трудов в последовательном и систематическом порядке главных вопросов. Так именно и была написана его книга, в которой, как юрист, он не обошел и возрождения у нас естественного права, поставив даже этот предмет впереди других и обнаружив очень основательное знакомство с относящейся к нему ли-

тературой. И вообще Гальперин проявил недюжинную начитанность в социологической литературе, как в иностранной, так и в русской, между прочим, и по экономическому материализму, обзору и критике которого посвящена целая треть всего труда. В главе о возрождении естественного права автор взял на себя задачу защитить социологию от нападок со стороны «идеалистов» и, в частности, защитить «русскую школу» от нареканий, ею, по его убеждению, незаслуженных. Особенно он подчеркивал, что многое из высказанного возродителями естественного права раньше уже говорилось Лавровым, Михайловским и пишущим эти строки, на сторону которого Гальперин всецело стал в данном вопросе. Вообще в его «Современной социологии» масса критических замечаний о русских противниках позитивной социологии.

XI. Отметим для полноты обзора небольшую книжку профессора Казанского университета Г. Ф. Шершеневича [1863—1912], по специальности, как и Муромцев, цивилиста, среди юридических работ которого следует здесь назвать еще «Общее определение понятия о праве» (1896).

Шершеневич очень высоко ставил социологическую инициативу Муромцева в позитивном изучении права, посвятив этому юристу-мыслителю несколько страниц в своей книге «Наука гражданского права в России» (1893), хотя и высказывал свое несогласие с Муромцевым по некоторым пунктам его юридического учения, особенно в другой своей книге «Задачи и методы гражданского правоправедения» (1898). В последней Шершеневич различал в правоправедении методы догматический, исторический, политический и социологический, понимая под социологией не сумму социальных наук, а науку, изучающую «взаимодействие разных сторон общественной жизни, изучаемых отдельными социальными науками» и раскрывающую «законы обществен-

ной жизни в ее целом». Перерабатывая доставляемый ими материал и открывая эти законы, она вместе с тем «дает объяснение и руководящие начала для отдельных социальных наук». Считая, таким образом, вполне возможным социологическое исследование юридических явлений, Шершеневич не допускал вытеснения догматики социологическим правоправедением, в данном именно пункте особенно разошедшись с Муромцевым, который наукой называл только абстрактное (в контовском смысле) знание¹⁶. Автор уже тогда, в конце XIX в., обнаруживал хорошее знакомство с общей социологической литературой. Кроме двух названных книг, Шершеневич издал еще небольшое «Общее учение о праве и государстве» (1908), совершенно популярную книжку из серии изданий «Московского общества народных университетов», в которой, говоря о задачах естествознания и обществоведения, общие их задачи он видит в познании и объяснении, признавая в науках общественных, в особенности же в государственных и юридических, наличность и третьей задачи в виде «оценки тех правил общежития, которые действуют в жизни».

XII. К числу юристов, примкнувших к социологическому направлению, относится еще Николай Андреевич Гредескул (род. в 1864 г.), начавший свою научную деятельность в Харьковском университете, где был сначала приват-доцентом, потом профессором. Впоследствии он переселился в Петербург, где занимал кафедру в Политехническом институте и в Университете. Будучи ближайшим образом цивилистом, он проявил большой интерес к общей теории права, посвятив ей ряд работ: «К учению об осуществлении права» (1900), «Современные вопросы права» (1906), «Право и экономика» (1906), «Общая теория права» (1909). Первая из них была его магистерской диссертацией, перед защитой которой он произнес речь на

тему «Социологическое изучение права», появившуюся в «Журнале Министерства юстиции» [1900. — № 12]. В юриспруденции Гредескул различал направления догматическое, историческое и социологическое, признав последнее самым важным, поскольку оно занимается наиболее существенными проблемами правоведения, решение которых должно «оказать самое благотворное влияние как на догматику, так и на историю права». Как и Муромцев, он возводил начало позитивного научного права к Иерингу, ставя на очередь «социологическую разработку права вслед за Иерингом, а затем и вперед от него». Другим его руководителем являлся Менгер с его «Социальными задачами правоведения». «Социологическое изучение права, — писал Гредескул, — и лишь оно одно — обещает богатые плоды: оно даст возможность разумно создать право, научит разрешать самую важную в области права практическую задачу — каким должно быть право». Свою диссертацию он определил как «маленькую постройку, примыкающую к великому зданию социологической юриспруденции». Темой этого «социально-юридического исследования» было учение об осуществлении права, которое автор считал не менее важным, чем вопросы о происхождении или возникновении и о развитии права, полагая, что это осуществление совершается «через чистый психологический процесс». Оно является последним из трех основных моментов в жизни права, среди которых первыми двумя являются моменты, во-первых, «рождения, или формулирования, нормы права», во-вторых, его «распознавания». В общем, в этом труде Гредескул стал на позитивную точку зрения, но с сильным уклоном в сторону психологического понимания, что было подчеркнуто и в подзаголовке диссертации: «интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права». В этот период своей деятельности Гредескул все-таки был больше юристом, чем социологом, но в даль-

нейшем нам придется еще рассматривать его как социолога.

Наш обзор русских юристов, принимавших участие в социологическом движении, должен быть пополнен еще одним, именно П. А. Сорокиным, о котором речь еще впереди. А пока только мимоходом, по большой специальности темы, упомянем о рождении в конце XIX в. на Западе и у нас особого направления в науке уголовного права, известного под названием уголовной социологии (иначе криминологии). Сущность этого направления в применении социологической точки зрения к преступности как к социальному явлению. Первые адепты этого направления (А. К. Вульферт, автор «Антрополого-позитивной школы в Италии» (1887) и А. А. Дриль) вышли из той же московской университетской атмосферы времен Муромцева и Ковалевского, о которой было сказано выше.

XIII. Рассмотренная позитивизация и социологизация русской юриспруденции делала невозможным возвращение ее к старым теориям, ставившим право в слишком тесную связь с чисто отвлеченной философией и слишком выделявшим его из общего комплекса явлений общественной жизни¹⁷. Если среди многочисленных преподавателей права и вообще ученых-юристов лишь немногие прямо примкнули к социологическому движению, тем не менее общее движение русской юридической науки шло в более реалистическом, в более позитивном направлении, и тот неуспех, которым сопровождалось появление одной за другой книг Чичерина, был очень верным показателем того, что старые метафизические воззрения и приемы мысли в изучении права перестали оказывать влияние на деятелей юридических наук.

С другой стороны, однако, стала падать и контовская традиция, и на некоторое время у нас возобладало новокантианское направление, начавшее оказы-

вать сильное влияние на теоретиков права. В частности, здесь нужно иметь в виду усвоение многими у нас взглядов Виндельбанда и Риккерта, которые, как мы еще увидим, увлекли и некоторых историков. Известно, что оба этих немецких философа провели резкую грань между науками о природе и науками о культуре, т. е. между естествознанием и обществоведением в широком смысле этого слова, т. е. не только науками узкосоциальными, но и вообще гуманитарными. С их точки зрения, науки о природе — науки обобщающие, генерализирующие, ищущие общих законов (номотетические), науки о культуре, наоборот, обособляющие, индивидуализирующие, интересующиеся только единичным (идиографическим), как будто бы обе точки зрения не могут существовать одинаково в обеих категориях наук и как будто всякая генерализация открывает законы явлений. Если далее науки о культуре могут быть только идиографичны, то не может быть и речи о социологии. Наконец, названными философами разница между теми и другими науками была понята еще в том смысле, что культурные явления мы относим к некоторым ценностям, чего будто бы, хотя бы в утилитарном смысле, не делаем при изучении явлений природы. Ценности ценностям рознь, и только ценности этические не могут быть относимы к явлениям природы, в чем, конечно, новокантианцы были правы. В сущности, это отнесение к ценностям выражало собою не что иное, как внесение в социальные науки того субъективизма, о котором так много говорили основатели русской этико-социологической школы.

Позитивно-социологическое изучение права, инициаторами которого были у нас Муромцев и Ковалевский, занимали ту позицию строгого объективизма, против которой решительно высказались первые русские социологи. И Муромцев и Ковалевский рекомендовали изучать реально существующее (или существовавшее) право для открытия законов, которым подчи-

нено его развитие как особой категории социальных явлений, и в научную программу обоих этих юристов-социологов не входило отыскивать принципы права, каковым бы оно должно быть в развитом правосознании, т. е. не входило творчество правовых идеалов. Обращение нового поколения русских юристов именно в эту сторону, получившее название «возрождения естественного права», стояло в связи с оживлением у нас интереса к философии вообще, бывшего очень слабым в шестидесятых и семидесятых годах, и, в частности, с возрождением капитализма, чем и объясняется успех формулы Виндельбанда и Риккерта.

Один из представителей естественно-правового направления юриспруденции Новгородцев прямо заявил, что «современная теория познания сильно поколебала надежды, возлагавшиеся на социологию ранее, и, в частности, она совершенно подорвала ее кредит как науки, способной предвидеть социальное будущее». Оговорившись далее, что он нисколько не отрицает важности социологических обобщений и некоторой практической их полезности, он рядом с этой неспособностью социологии предсказывать поставил еще и неспособность ее обсуждать будущее с моральной точки зрения. «Будучи, — продолжал он, — наукой причин и последствий, социология лишена возможности устанавливать требования и нормы: вопрос о должном выходит из ее сферы. Оставаясь объективной теорией, она скажет нам, например, что в одном случае, вероятно, следует ожидать того-то, в другом — другого, но в каком отношении эти результаты стоят к нашим нравственным идеалам, она сказать не может».

П. И. Новгородцев, профессор Московского университета, и был в самом начале XX в. одним из инициаторов нового движения в своих статьях «О задачах современной философии права» (журнал «Право», 1902, [№ 42]), «Нравственный идеал в философии права» (сб. «Проблемы идеализма», 1902) и в диссертации «Кант и Гегель в их учении о праве и государ-

стве» (1901). Кроме него, нужно назвать профессора Петербургского университета А. Петражицкого в его работе «Что такое право» («Право», 1901, [№ 41—43]), профессора Санкт-Петербургского политехнического института В. М. Гессена, автора брошюры «Возрождение естественного права» И. А. Покровского.

Для этого нового поколения юристов право стало не только одним из явлений действительности, не только объектом научного познания, но и одной из высших ценностей человеческой жизни. В данном устремлении мысли было нечто родственное с «субъективизмом» начальной русской социологии¹⁸. Тем не менее сторонники «возрождения естественного права» совершенно игнорировали последнюю. Мало того, у одного из представителей нового направления (П. И. Новгородцева) образовалось, под влиянием критиков субъективной школы, такое представление, будто она смешивала или сливала вместе теоретические положения с нравственными постулатами, и по явному недоразумению он считал стоящими ближе к себе «сторонников научной закономерности», среди которых скорее были представители экономического материализма, нежели «субъективных социологов». У возродителей естественного права последнее не было, как у старых рационалистов, одновременно и общей разумно-естественной основой, из которой право происходило, и идеальной его нормой, так как вопрос о происхождении права новые теоретики решали в общем согласии с позитивистами. Они только не отказывались от нравственного суда над правом, вследствие чего у них интерес при исследовании естественного права переставался «от вопроса об условных правообразованиях к проблеме о самостоятельном значении нравственной оценки явлений» и [выводилось] то положение, что «генетическая точка зрения не покрывает собой этическую» и что «вместо того, чтобы отвергнуть эту последнюю, она сама должна быть отвергнута в своих исключительных притязаниях» (Новгородцев). Обви-

нение «субъективистов», будто норму должного они делали принципом объяснения и закон природы — «основанием для оценки», совсем не соответствовало действительности. И уже если нужно было говорить о восстановлении «прав этики», то оно не было новостью при переходе из XIX в XX в.¹⁹, так как еще за четверть века перед тем этим делом занялся позитивист Лавров²⁰. Если многие заявления представителей возрожденного естественного права могли бы быть подписаны «субъективистами», которые в этом не увидели бы измены позитивизму, то Ковалевский в статье «Социология и сравнительное изучение права» (в «Вестнике воспитания» за 1902 г.) отозвался неодобрительно о тех современных юристах, которые оценивают действующее право «с метафизической точки зрения абсолютной справедливости и якобы прирожденных человеку так называемых естественных прав», тем самым возвращаясь к учению о «праве, которому природа научила всех животных». Последнего-то, т. е. представления о естественном праве как источнике всякого положительного права, в новой теории как раз и не было.

Несмотря на некоторую общность воззрений проповедников возрождения естественного права и так называемой русской субъективной социологии, из лагеря первых сделано было нападение на последнюю, главным представителем какового был Б. А. Кистяковский, сам завершивший свое высшее образование за границей, где и приобрел ученую степень, сделавшись потом преподавателем в одном из высших учебных заведений Москвы. Б. А. Кистяковский [1868—1920] вступил на научное поприще в 1899 г. с книгой на немецком языке под заглавием «Общество и личность», за которой последовал ряд статей, печатавшихся в разных русских периодических изданиях, а также в сборниках «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» и объединенных потом, за год до революции, в очень большом томе «Социальные науки и право» с подзаголовком «Очерки по методологии социальных

наук и философии права» [1916]. Автор этой книги был не социологом в том смысле, в каком мы употребляем этот термин, а философом, разрешавшим методологические проблемы в области социальных наук ввиду глубокого кризиса, который они, по его утверждению, переживали. Таков был, по крайней мере, первоначальный замысел всего предпринятого Кистяковским исследования, но по мере того, как он подвигался вперед в этой своей работе, самый предмет социальных наук, общественные явления, а из них в особенности право, все больше выступали вперед, что придало всей работе характер философии права. Серьезный кризис в общественных науках Кистяковский усматривал не только в разборе теоретических их установок, но и в таких явлениях, как поворот некоторых русских марксистов к мистицизму. Разные направления социальной мысли он критиковал с их теоретико-познавательной стороны, с этой точки зрения особенно резко отмежевывая себя от «русской социологической школы» в лице, главным образом, Михайловского. В сборнике «Проблемы идеализма» Кистяковский поместил статью «Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем», в которой он не ставил себе задачи ни проследить ее генезис, ни дать полную ее характеристику, имея в виду только один частный вопрос — о категории возможности в применении к социальным явлениям вообще и к решению социально-этических проблем в частности. Здесь, между прочим, он высказывается против подчинения самого научного исследования действительности этической устремленности, настаивая на раздельности обеих областей.

С методологической точки зрения критиковал Кистяковский и Муромцева, у которого находил подмену вопроса о существе права вопросом о его происхождении. Кистяковский не отрицал законности социологической задачи исследовать законы возникновения и развития права, но находил, что существует гораздо

более, по его убеждению, важная научно-теоретическая задача — исследовать те причинные соотношения, которые обуславливают самое существование права. В этом смысле рядом с Муромцевым Кистяковский ставил и Ковалевского, наиболее ценные труды которого разрабатывали, как он их представлял, только социологические проблемы о причинах и силах, ведущих к образованию и развитию правовых учреждений.

Однако было бы ошибочным из этого заключить, что при всем своем «идеализме» Кистяковский отрицал заслуги русской социолого-юридической школы. «Русский научный мир, — писал он, — между прочим, может гордиться тем, что именно в русской научно-юридической литературе раньше других было выдвинуто требование изучать право как социальное явление». Социологическую теорию Муромцева он даже назвал чрезвычайно последовательной и стройной, только выразил сожаление, что ее идейное богатство ни у нас не было достаточно использованным, ни на Западе не оказало должного влияния на научно-юридическую литературу.

К тому же идеалистическому направлению принадлежал и профессор Петербургского университета Лев Иосифович Петражицкий [1867—1931], у которого мы наблюдаем еще одну сторону реакции против социологизма в юриспруденции, хотя в вопросе о происхождении и развитии права он стоял на позитивной точке зрения. Читая много лет курсы по энциклопедии и по философии права, он последовательно развивал своеобразную теорию²¹, исходным пунктом которой была мысль о необходимости изучения гражданского права в целях политики советов, руководящих преобразованиями в этой области, и это он называл «цивильной политикой», строя ее на основе повседневной психологии и этики. В этих двух областях он усматривал те средства, которыми может и должно пользоваться законодательство для воздействия в желательном смысле на людей путем затрагивания психологических

струн, имеющих в них, отдельных лиц. Поскольку право принадлежит к числу социальных явлений, предполагающих существование того или иного строя, оно подлежит ведению социологии. Но Петражицкий стремился понять существование права с исключительно психологической точки зрения, приравнивая его к таким культурным условностям, какими являются, например, моральные нормы, обрядовые обычаи, моды, правила любой игры, из чего многое может существовать между людьми, ничем организационно между собой не связанными. Эта точка зрения, очень увлекавшая многих среди учащейся молодежи, наоборот, встречала отрицательное к себе отношение со стороны специалистов, не только хорошо понимавших социологическую природу права, но и просто только основные условия научной работы. Трудно представить более антисоциологическое применение права, чем мы находим у Петражицкого, который видел чисто и исключительно индивидуальные явления во всяких императивно-атрибутивных переживаниях, во всяком праве, во всех правовых явлениях, в том числе и в правовых суждениях, встречающих согласие и одобрение со стороны других. Он признал за правом и бесчисленные переживания этого рода, и те, которые имеются в психике лишь одного человека и никому другому в мире неизвестны или, даже сделавшись известными другим, не встречаются ни с чьей стороны ни сочувствия, ни согласия, ни признания. Другими словами, Петражицкий подменил понятие права понятием правовой психики, притом психики индивидуальной, что оставляет за бортом право как систему правовых норм, особенно правовые учреждения. Свою основную мысль Петражицкий проводил с редкой цельностью и последовательностью, что и снискало ей немало адептов, выступавших в печати в годы, непосредственно предшествовавшие революции (Г. И. Иванов, П. В. Иванов), но дальнейшее направление, принятое у нас теоретической мыслью, не благоприятствовало разработке

теории Петражицкого. Она являлась своего рода упразднением социологического отношения к праву в его общей теории, начатого Муромцевым. Нельзя отрицать, что Петражицкий вскрыл, может быть, как никто до него, психологическую основу общей природы правовых явлений, и это не пропадет для будущего социологического синтеза, но и нигде с такой ясностью не обнаружилось недостатки одного, чисто психологического взгляда на общество, особенно еще когда имеются в виду только одни индивидуальные психологические переживания.

Психологическую теорию Петражицкого вполне усвоил А. Кролик в книге «Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в современной юриспруденции». Здесь поднят был вопрос, уже давно получивший диаметрально противоположные решения, но названный последователь Петражицкого решал его, вслед за своим учителем, в смысле синтеза обоих направлений.

¹ Об одной из них [Чичерин Б. Н. Наука и религия. — М.: Тип. Мартынова и К^о, 1879] см. мою рецензию с позитивистической точки зрения «Нечто об историческом методе г. Чичерина» [// Критическое обозрение. — 1879. — № 22].

² Трое последних были ровесниками, родившись в 1850 г. (Ковалевский в 1851), когда родились также Гольцев, Кареев и Шахов, равным образом примкнувшие к позитивизму. Все они, кроме харьковца Ковалевского, были воспитанниками Московского университета. Сверстником их был и экономист Исаев, бывший гимназистом в Москве же, студентом в Петербурге.

³ О Муромцеве: Сборник «Первая Государственная дума» [СПб.: Тип. Альтшулера, 1906]; Нечаев В. М. С. А. Муромцев как ученый и профессор (1910); ряд статей в журнале «Право» за 1910 г. (Каминки, М. Ковалевского и др.); сборник под ред. Д. И. Шаховского «С. А. Муромцев» (1911) со статьями Шершеневича «Муромцев как ученый» и др. и со статьями ученых работ Муромцева — «Венок на могилу С. А. Муромцева» (1910); Яблочков Т. М. Муромцев как ученый (в Ярославских «Юридических записках», 1910).

В статье Шершеневича Муромцев прямо назван «главой социологической школы в гражданском правоведении».

⁴ Кроме названных выше работ Муромцева отметим еще: «Творческая сила юриспруденции» («Юридический вестник», 1887), «Право и справедливость» (Сб. правоведения и общественных знаний. — СПб, 1893. — Вып. 2)), «Патриархальная семья и государство в историческом процессе образования гражданского права» (1907), «Основы гражданского права, человек и общество» (1908; без имени автора) и «Одиночная борьба и сотрудничество» (Вопросы права. — 1910. — № 3)), но это большей частью очень бедные заметки.

⁵ К числу московских юристов, испытавших на себе влияние социологии Конта, нужно отнести еще В. А. Гольцева [1850—1906], ученая карьера которого была пресечена властью и который сделался потом видным публицистом. Лишь иногда, однако, он высказывался мимоходом в печати по вопросам социологии, реферируя труды иностранных социологов (Фулье, Тарда и др.). Гольцев принял некоторое участие в полемике по поводу экономического материализма в конце прошлого столетия.

⁶ Кончина Ковалевского в 1916 г. вызвала целый ряд статей о нем как в разных по временным изданиях, так и в особом сборнике [М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851—1916): Сб. ст. — Пг., 1917]. Из этих статей отметим принадлежащие В. П. Бузескулу (оттиск из «Южного края», 1916), Н. П. Грацианскому («Вестн. Европы», 1916), И. А. Ивановскому («Журнал Министерства народного просвещения», 1916), Н. И. Карееву («Право», 1916; «Вестн. Европы», 1917 и указанный сборник), А. Н. Фатееву (отд. изд., 1917), Сорокину (в сборнике). Кроме того, Д. Н. Овсянко-Куликовский написал о нем свои «Воспоминания» (1923). Страницы, посвященные ему, есть и в книге академика Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России» (1923). См. также личные воспоминания Ковалевского в «Русской мысли» за 1895 г. (январь) и в «Вестн. Европы» за 1910 г. (май). Список его трудов в «Материалах для биографического словаря действительных членов Академии наук», 1917, ч. 2. В указанном выше сборнике есть социологические статьи Сорокина «Теория факторов М. М. Ковалевского» и Кондратьева «Рост населения как фактор [социально-экономического развития...]». У Ковалевского ему принадлежало главное место.

⁷ Главные труды Ковалевского в этой области, иногда имеющие более сравнительно-исторический, нежели чисто социологический характер, посвящены были преимущественно первобытному и обычному праву, следующие: «Общинное землевание, причины, ход и следствие его разложения» (1879), «Современный обычай

и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (1886), «Закон и обычай на Кавказе» (1887), «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (1895), «Социологический очерк истории государства» (в 14-м томе «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона) и несколько статей, вошедших в состав позднейших, более теоретических трудов. Чисто исторические труды в счет не идут.

⁸ Только в конце своей жизни Ковалевский занялся вплотную русской социологией, поместив в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1913 г. статью «Н. К. Михайловский как социолог», признав за ним большие заслуги, хотя и отнесши его попытки самостоятельного построения не столько к социологии, сколько к социальной психологии, что не совсем справедливо. См. мою заметку в «Научно-историческом журнале» [1913. — № 1].

⁹ Дополнением к этой книге является статья «Современные французские социологи» [Вестн. Европы. — 1913. — № 4].

¹⁰ На сделанные мне Коркуновым возражения я отвечал в «Новых ответах критикам» [Рус. богатство. — 1890. — № 1, 9].

¹¹ Свою четырехчленную формулу Чичерин применял к ходу всемирной истории еще в конце семидесятых годов в 3-м томе «Науки и религии».

¹² Упоминаю здесь об этом, не входя в подробное рассмотрение, так как это прямо к социологии не относится. По этому предмету у нас тоже образовалась литература. Имя в виду работы *Быкова, Винавера, Герье, Кареева, Лаппо-Данилевского, Малинина*.

¹³ Из этого труда появилась в печати целиком только первая глава в «Вопросах философии и психологии» [1918. — Кн. 141—142].

¹⁴ К мысли о типологии как промежуточном звене между социологией и историей пришел по потребностям академического преподавания и автор настоящей книги, посвятив этому вопросу статью «Типологическая и всемирно-историческая точка зрения в изучении истории». Очевидно, в этом смысле понял дело и Хвостов, включив в библиографию по типологии среди только шести произведений мои «Типологические курсы по истории государственного быта».

¹⁵ Спекторскому принадлежит еще небольшая книжка о его учителе, профессоре Варшавского университета А. А. Блоке, вышедшая в свет в 1911 г. Блок по свойствам своего ума был позитивистский юрист-социолог, оставивший большой рукописный труд, в котором делал из социологии только одну из общественных наук рядом с политикой и юриспруденцией, определив ее предмет как «огромную область совершенно стихийных про-

явлений общественности, складывающихся помимо искусственного политического воздействия и вообще субъективного человеческого произвола», — область, наиболее отчетливыми сферами которой для него были «хозяйственная стихия общезжития и племенная». Это немного напоминает Чичерина.

- ¹⁶ По определению Шершеневича, направление Муромцева, кроме Гамбарова, отразилось на Ефимове и Казанцеве.
- ¹⁷ Иногда юристы проявляли очень туманное представление о социологии. Например, в книге [М.] Рейснера «Государство» [СПб.: Тип. т-ва И. Сытина, 1911. — Ч. I] в перечислении «социальных доктрин научно-теоретического характера» упоминаются рядом с историей, политической экономией, общей теорией права и т. п. еще какие-то сходные «науки социологические, обнимающие собой не только описательную социологию, но и так называемую криминологию и политическую антропологию». Правда, автор говорит о необходимости обоснования общей теории государства «на социологическом базисе», но не объясняет, что же такое представляет собой этот базис.
- ¹⁸ Это движение вызвало две мои статьи «Нужно ли возрождение естественного права» и «Естественное право и субъективная социология» [Рус. богатство. — 1902. — № 4, 10].
- ¹⁹ Возрождение естественного права в русской юриспруденции относится именно к первым годам века, и в статье П. И. Новгородцева о естественном праве в 48-м томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона, вышедшем в 1898 г., только говорится о возможности его реабилитации.
- ²⁰ Это я и старался доказать в двух указанных статьях.
- ²¹ Кистяковский Б. А. [Социальные науки и право. — М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. — Гл. V]; Трубецкой Е. Н. Философия права проф. А. И. Петражицкого [// Вopr. философии и психологии. — 1901. — Кн. 57]; Новгородцев П. И. Психологическая теория права и философия естественного права [// Юрид. вестн. — 1913. — Кн. 3]; Иванов Г. И. [Психологическая теория права в критической литературе. — СПб.: Тип. т-ва «Екатерингофское печ. дело», 1913].

Глава четвертая. Отношение историков к социологии

- I. Нерасположение большинства историков к социологии
- II. Взгляд В. И. Герье
- III. Влияние Конта на И. В. Лучицкого
- IV. Социология в представлении А. С. Травецкого
- V. Социология в понимании В. О. Ключевского
- VI. Лекция о прогрессе П. Г. Виноградова
- VII. «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова
- VIII. А. С. Лаппо-Данилевский и его «Методология истории»
- IX. Отношение к социологии Р. Ю. Виппера
- X. Социологические труды Н. А. Рожкова
- XI. Вступительные лекции В. К. Пискорского и П. Н. Ардашева
- XII. Взгляды Д. М. Петрушевского на социологию

● ПЕРЕХОДЯ ОТ ЮРИСТОВ, ИНТЕРЕСОВАВШИХСЯ СОЦИОЛОГИЕЙ И РАБОТАВШИХ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ, К ИСТОРИКАМ И К ТЕМ ОТНОШЕНИЯМ, В КАКИЕ ОНИ СТАНОВИЛИСЬ К СОЦИОЛОГИИ, ПРИХОДИТСЯ КОНСТАТИРОВАТЬ ТО ОБЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ, ЧТО СРЕДИ НИХ БЫЛО ГОРАЗДО МЕНЬШЕ, ЧЕМ СРЕДИ ЮРИСТОВ, [ТЕХ,] КОТОРЫЕ ПРИДАВАЛИ СОЦИОЛОГИИ БОЛЬШУЮ ЦЕНУ¹. Это явление, впрочем, не может быть названо специально русским, так как наблюдается и у других наций. Везде историки в большинстве отнес-

лись к проблеме социологии с большим или меньшим равнодушием, даже совершенно ее игнорируя, а иногда и с прямым недоверием к ее притязаниям, в известных же случаях с полным отрицанием, особенно тогда, когда усматривали в новой науке учение, долженствующее совершенно заменить историческую науку в ее традиционном понимании. В печати такое резкое отношение к социологии проявлялось, правда, очень редко, но в частных беседах «чистых историков» по меньшей мере скептическое отношение к социологии появлялось достаточно часто, чтобы дать право на такое обобщение. Немалое значение в создании подобного отношения к социологии имели соображения метафизического свойства, разделявшиеся теми или другими историками, натуралистические преувеличения некоторых утверждений социологов, колебания и шатания самой социологической мысли, отсутствие у самих представителей новой науки общепризнанной системы понятий и суждений, произвольность иных построений у популяризаторов новой науки. Некоторые критики позитивистской социологии склонны были объяснять это нерасположение к ней со стороны историков ее будто бы антиисторичностью, что, конечно, было неверно, раз одним из существеннейших понятий социологии стало понятие социальной эволюции. Главный аргумент против социологии заключался в том, что методы естествознания неприемлемы к изучению исторической жизни, где все индивидуально. В таком именно смысле очень определенно высказался, например, Эдуард Мейер в своих «Теоретических и методологических вопросах истории». Этот взгляд произвел на наших историков, заинтересовавшихся вопросом, очень большое впечатление, равно как и соображения Макса Вебера в его «Объективности общественно-научного и общественно-политического познания», где решительно отрицалась какая бы то ни было общая теория и допускалась лишь возможность су-

ществования ряда индивидуальных умственных построений, одинаково приемлемых в качестве лишь вспомогательных по отношению к истории точек зрения². В сущности, такие мысли были не чем иным, как видоизменением основного взгляда Риккерта, утверждавшего, как об этом уже было сказано выше, что номотетическое изучение, имеющее в виду открытие общих законов, пригодно только в естествознании, тогда как гуманитарные науки обречены на одно идиографическое изучение отдельных, хотя бы и очень сложных явлений.

Вот один факт, характеризующий недоверие историков к социологии. Когда в Петербургском университете в 1919 г. был поставлен на очередь вопрос о реформе преподавания на историко-филологическом факультете, среди многочисленных в то время профессоров и приват-доцентов истории только двое настаивали на том, чтобы в круг предметов факультетского преподавания была включена социология. Этими преподавателями были лишь академик Лаппо-Данилевский и пишущий эти строки, а остальные высказывались или резко отрицательно, или с большим сомнением, или равнодушно молчали. Если потом на факультете социология вскоре стала преподаваться, то произошло это вследствие слияния в скором времени с Университетом еще двух высших школ, а именно Высших женских курсов и Психоневрологического факультета, на котором, как мы еще увидим, уже раньше было введено преподавание этого предмета, преподаватели которого и вошли в состав историко-филологического факультета Университета.

Это нерасположение большинства историков к социологии стояло в связи с унаследованным еще от прежних времен нерасположением к занятиям общей теорией истории не в смысле теории исторического знания с ее техникой исторического исследования, а в смысле теории исторического знания в философском

освещении. Литература этого предмета была у нас вообще очень бедна, и только в конце XIX в. к нему стал проявляться несколько больший интерес. С середины XIX в., как известно, философия истории утратила вообще прежний кредит, но если ее произвольные построения уже не вызывали к себе доверия, то все-таки на общих историологических теориях наших ученых-историков продолжал сохраняться некоторый идеалистический налет, который сильно мешал принятию основных положений зарождавшейся социологии.

Прежде нежели сделалась известной нашим историкам контовская мысль о социологии, они уже знали о ее отражении в «Истории цивилизации в Англии» Бокля, которая вскоре после выхода своего в свет (1858—1861) вышла в свет в двух русских переводах, из которых один был сделан известным русским историком К. Н. Бестужевым-Рюминым и издан в 1863 и 1865 гг. Бокль пользовался у нас громадной популярностью в передовых кругах русского общества и учащейся молодежи до начала семидесятых годов, пользуясь чем журналист О. К. Потович издал сокращенное, популярное изложение этой книги (1874), неоднократно потом переиздававшееся. Основная мысль этого труда Бокля заключалась в требовании, чтобы история занималась, по примеру естественных наук, открытием законов, управляющих общественными явлениями, т. е., по мысли Бокля, история должна была быть замененной социологией, но у нас большее внимание было обращено на другое требование английского ученого — более сближать историю с естествознанием, более пристально изучать влияние природы, т. е. естественно-исторических условий, на жизнь народов. Переведший книгу на русский язык Бестужев-Рюмин, сам историк, назвал ее во вступительной статье к первому тому «великим творением», признал за ним «одно из самых важных мест в ряду попыток объяснить прошедшие судьбы человечества и создать

прочные основы для определения его будущего развития» и вообще определил труд Бокля как необыкновенно глубокий и ясный. На научной деятельности Бестужева-Рюмина, однако, увлечение книгой Бокля не сказалось, а через четверть века он столь же увлекся книгой Н. Я. Данилевского, бывшей своего рода евангелием эпигонов славянофильства¹.

Насколько Бестужев-Рюмин оказался одним из исключений из общего правила в своей оценке Бокля, настолько общим правилом было скорее критическое, скептическое, даже отрицательное отношение к его основной идее, правда, мало находившее отражений в печати, но высказывавшееся нередко с кафедр. Бокль думал не о создании новой науки, но о превращении прежней, давно существующей, в нечто новое, как бы отрицавшее все то, что делалось дотоле в исторической науке, и это вызывало протест, тем еще больший, чем более высоко ставился авторитет столь реалистично настроенного английского историка. Учащаяся молодежь шестидесятых — начала семидесятых годов не могла даже не изумляться по поводу такого отношения к ее любимцу.

■ ■ ● Незадолго до начала русской социологической литературы два наших историка, петербургский, М. М. Стасюлевич, и московский, В. И. Герье, издали по книге, излагавшей историю главных историко-теоретических учений. У первого из них о Конте и его социологии не было даже упомянуто, второй только коротко о нем упомянул, очень коротко изложив сущность его взгляда, но не обнаружив при этом более близкого с ним знакомства. Не возражая против общей постановки вопроса о социологии у Конта, Герье, однако, выразил сомнение относительно возможности «изучать так называемые исторические законы иначе, как в конкретных явлениях и особенно если будем рассматри-

вать человечество в его историческом развитии как одно целое». Как бы то ни было, Конт, по правильному заключению Герье, «не разрешил задачи превращения истории в положительную науку, а только поставил ее», и поставил более правильно, чем Бокль. К последнему он отнесся в высшей степени строго, о чем может свидетельствовать хотя бы такое характерное место в его книге: «Никакие варвары, ни Аттила, называвший себя бичом Божиим, ни фанатические мусульманские орды, считавшие священным долгом истреблять всех, не признававших пророчества Мухамеда, не сделали столько зла человечеству, сколько могла бы повредить цивилизации ложная теория, что люди и народы в своих действиях подчинены только естественным законам».

Эти слова были написаны в 1866 г.

И прошло более тридцати лет, прежде чем Герье настолько заинтересовался Контом, что занялся им вплотную и посвятил ему специальную работу, на которой стоит остановиться.

В этой работе своей, довольно большой, напечатанной в четырех книгах «Вопросов философии и психологии» за 1898 г. [№ 42—45] под заглавием «О. Конт и его значение в исторической науке», Герье разбирает общее миросозерцание Конта и особенно его историко-философские взгляды, причем критикует и то, как он строил свою социологию, но ни разу нигде не высказал своего отношения к задуманной Контом науке: нужна ли она и возможна ли, а если нужна и возможна, какую пользу она могла бы принести исторической науке. При общем отрицательном отношении к позитивизму как к философской системе и к построению Контом философии истории многое в понимании им истории он готов был поставить ему в заслугу, признать «значение его социологии для историков». К числу ее достоинств автор отнес ее историчность, противоположную рационализму в поли-

тике, ее консерватизм, связанный с понятиями порядка и устойчивости, идею консенсуса и т. д. В частности, контовскую статику он назвал «обогащением исторической науки». Но в особенности Герье обратил внимание на то, что Конт явился «одним из основателей социальной этики», подчеркнув как особенную его заслугу «скрещение его социологических соображений с этическими», в чем даже усмотрел нечто «более творческое, чем его отвлеченная теория социологии», т. е. в данном случае Герье выдвинул на первый план как раз то, что особенно отвергалось социологами-объективистами. Свою статью он даже заключил такими словами: «Быть может, внесенное Контом в современную жизнь понятие социологии окажется более плодотворным в области социальной политики, чем в области теоретической науки». Одним словом, все то во взглядах Конта, что породило всю социологическую литературу, как-то мало затронуло Герье, и когда он, например, заметил, что Тэн положил начало изучению истории Французской революции с социологической точки зрения, все-таки было неясно, что он под такой точкой зрения понимал.

■ ■ ■ ● Первым русским историком, отразившим на себе влияние Конта, был Иван Васильевич Лучицкий [1845—1918]⁴, занимавший кафедру всеобщей истории в Киевском университете, а в конце своей жизни и в Петербургском. Увлечшись Контом в очень еще молодых годах, он был одним из первых у нас позитивистов, но довольно рано охладел к историко-теоретическим вопросам, сосредоточив всю свою работу на вопросах специального характера. Люди, знавшие Лучицкого в молодости, могли слышать от него восторженные отзывы о Конте, доходившие до того, что, по его тогдашнему мнению, вся историческая наука должна была бы свестись к оправданию социологического поста-

роения Конта, хотя такого крайнего взгляда он и не высказывал в своих статьях позитивистического направления, печатавшихся в «Знании» начала семидесятых годов прошлого века. Занявшись специальным изучением истории Реформации и католической реакции во Франции, которым он посвятил три труда⁵, он самую задачу свою понял социологически, в смысле «исследования структуры» французского общества в XVI в., «описания изменений», происшедших в ней за данный период времени, и «указания на соотношение между структурой и событиями». Это было вполне в духе социологии Конта, но еще более указывало на влияние последней в такой формулировке дальнейшее пояснение автором своей постановки темы: «другими словами, описать строй общества и его функции в статическом и динамическом отношении». Мало того, своим историческим исследованием он имел в виду, как сам выразился, «подготовить материал для будущих обобщений в другой науке, еще зарождающейся», т. е. социологии. На Лучицком, впрочем, не сказалось влияние чисто интеллектуалистической социальной динамики Конта, а скорее влияние социальной статистики. Так как строй его ума не был склонен к вопросам отвлеченной теории, то мало-помалу интерес его к социологии охладел, и он даже мало следил за тем, что происходило в этой области. Если он и предпринял перевод Спенсера на русский язык, то характерен был и выбор, им сделанный, «Описательной социологии», наиболее историко-эмпирического труда английского мыслителя⁶.

IV. Большую симпатию к новым реалистическим течениям в исторической науке проявлял в своих трудах одесский профессор Александр Семенович Трачевский [1893—1906], который отнесся к Боклю сочув-

ственно и критически, но не проявил даже порядочного знакомства с Контом, когда касался вопроса о социологии. В этом отношении характерна была его вступительная лекция, в которой он выразил свою научную позицию, как это делалось и до него, и после него.

Насколько Трачевский был знаком с историей социологии, можно видеть из его вступительной лекции, напечатанной под заглавием «Современные задачи исторической науки»⁷. В ней было сказано и об искании наукой естественных законов, и об открытии их путем научного сравнения, и лишь мимоходом упомянуто об «известной доле влияния» позитивизма Конта и Милля в этом направлении, но «начавший вырисовываться в последние годы полный облик новой науки» у него оказался связанным не с именем Конта, а с несколькими другими именами, куда случайно попало имя, например, Беджгота, а изобретение самого названия социологии было приписано не Конту, а Спенсеру. О том, что уже делалось у нас по этой части, Трачевский как будто и не подозревал, упомянув лишь о переводной литературе по социологии, «делающей честь нашей (т. е. русской) молодой научной литературе», и о каких-то «трудах самоучек», из которых на Западе известны труды Вешнякова (кстати сказать, социологом не бывшего). Делая беглый обзор того, что он обозначил как новый метод в истории, Трачевский отметил, что в истории установления этого метода «не встречается только имен специалистов-историков», которые до последнего времени, по его словам, «делая лишь небольшие уступки новому воззрению, не только уклонялись от своей новой задачи, но даже относились к ней с недоверием», не подозревая, что «социология не станет на свои ноги без их помощи». Впрочем, он назвал довольно случайно нескольких историков, будто бы проводивших «новый взгляд» (среди русских —

Грановского, Ешевского и Соловьева). И только вполне правильно (отрицательно) оценил мысль Бокля о том, будто бесполезна только «прежняя форма истории», которая на деле «всегда сохранится как необходимый запас многих сведений, не входящих в социологию непосредственно».

Для отношения Трачевского к социологии характерна его статья «Московская смута XVII века и основа социологии» [Науч. обозрение. — 1900. — № 1, 2, 5], написанная по поводу диссертации С. Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.». Ее подзаголовок «Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время» являлся для автора статьи основанием для его указания на то, что данная книга «написана с социологической точки зрения». Свою статью он тоже назвал написанной с «социологической точки зрения», а содержание ее целиком и заключалось в беглом обзоре социальной истории Европы со времен Римской империи. Таким образом, у Трачевского «история с социологической точки зрения» значит не что иное, как «социальная история», история общественного строя, или, что то же, общественных классов. Сама «молодая наука» социология представлялась ему не наукой об общественных явлениях вообще, а историей «образования классов и сословий» как «первого и неоспоримого закона развития человечества». В таком представлении социология не противопоставлялась истории, как наука абстрактная науке конкретной, а являлась одной из составных частей исторической науки, историей именно социальной рядом с историей политической, культурной (в смысле духовной культуры) и т. п. При подобном понимании и социологом у Трачевского являлся не теоретик-обществовед, а историк, специализировавшийся в области социальных отношений в тесном смысле, т. е. классовых взаимо-

отношений, того, что он называл основой социологии или ее «скелетом», ее «железным или коренным законом».

Трачевский прямо отождествлял социологическую точку зрения свою с учением о борьбе классов, находя, однако, что в истории вообще происходит борьба и что потому последняя как была и до образования классов, так будет «и в случае их исчезновения». Это одна сторона истории, но «социологу, — говорит он по поводу борьбы патрициев и плебеев в Риме, — приятно иметь дело с таким односторонним материалом, не затушеванным, как, например, в Элладе, богатым, все ступесывающим развитием духовной культуры».

В. Герье, Лучицкий, Трачевский были, как у нас принято было говорить, «всеобщими историками» в отличие от историков русских, т. е. занимались изучением прошлого других наций, а не России. Всеобщие историки гораздо более отражали на себе состояние исторической науки на Западе и западных теоретических идей, чем историки русские, в большинстве случаев более зависевшие от своих отечественных предшественников, нежели от заграничных современников. С. М. Соловьев составлял исключение, но в эпоху начала у нас социологии он уже доживал последние годы (ум. в 1879 г.), а отношение его к Боклю было не лучше того, которое мы видели у Герье. Первым русским историком, о котором приходится говорить в этом нашем обзоре, был преемник Соловьева на кафедре русской истории в Московском университете Василий [Осипович] Ключевский (1841—1911), оказавший громадное влияние на целый ряд историков более молодого поколения⁶. С этой точки зрения понимание им социологии заслуживает особого внимания, хотя

очень подробно на эту тему он не высказывался. Начало преподавания им истории относится к семидесятым годам прошлого столетия (в Московской Духовной академии в 1871 г., в Университете в 1879 г.), но курс его, много раз литографировавшийся студентами, был им издан только в начале XX в., а свои общие взгляды он высказал именно в этом курсе.

В первой лекции своего «Курса русской истории» (1904) [он] различал как предмет исторического изучения, во-первых, «культуру» и «цивилизацию», разумея под первой сумму интересов и «удобств личного существования» (что было взято у Гизо), во-вторых, «состав и строй самого общежития, природу и действие исторических сил, его строящих, свойство тех многообразных нитей, материальных и духовных, которыми связывается людское общежитие и помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века». Вот историческое изучение этого второго предмета и составляло в глазах Ключевского задачу науки об обществе, которую он и назвал «исторической социологией», «в кругу исторических наук, — добавил он, — эта отрасль то же, что физиология в кругу наук биологических». Культура и цивилизация в его представлении создаются «совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и это — предмет всеобщей истории, но строение и развитие каждого отдельного народа может быть предметом только местной истории, изучение которой и дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии». В этом коротком рассуждении историческая социология как бы ставилась рядом с историей культуры и цивилизации и, следовательно, историческая социология являлась только частью исторической науки, т. е. социология не противопоставлялась истории, а,

наоборот, в нее включалась. Но Ключевского интересовало при этом не взаимное отношение истории культуры-цивилизации и исторической социологии, а таковые же отношения всеобщей и местной истории, или «сочетания внешних и внутренних условий исторического развития». Признав основным предметом исторической социологии «природу и взаимодействие элементов общежития», как они проявлялись в исторически слагавшихся обществах, он полагал, что чем более будет изучено таких местных сочетаний, тем более будут познаваться «природа людского общежития, законы его движения, так сказать, его механика», и что «из науки о том, как строится человеческое общежитие, может со временем выработаться и прикладная часть исторической науки — науки о том, как лучше строить его, это общежитие». Значит, для Ключевского социология являлась не обособленной от истории наукой, а частью исторической науки, изучающей строение отдельных обществ, исторических данных. Социологическое изучение определяется у него не задачей или методом изучения, а его предметом. В таком именно смысле он и употреблял выражения «социологическое изучение», «историк-социолог».

Такое понимание исторической социологии и было положено Ключевским в основу его «Курса русской истории», целиком построенного из «общих фактов политических и экономических с их разнообразными следствиями и способами проявления», причем из его обзора прошлого русского народа сознательно устранялись «домашний быт, нравы, успехи знания и искусства, литература, духовные интересы, факты умственной и нравственной жизни». Одним из его мотивов ограничиться политическими и экономическими фактами было то, что «с них удобнее начинать изучение исторической жизни», т. е. он полагал эти факты в основу курса по их значению не в «историческом про-

цессе, а только в историческом изучении» — точка зрения, усвоенная некоторыми историками, которые испытали на себе влияние Ключевского или вообще по складу своего ума и по характеру научных интересов предпочитавшие изучение общественных отношений, порядков, учреждений изучению идеологий. «Умственный труд и нравственный подвиг, — писал, между прочим, Ключевский, — всегда останутся лучшими строителями общества, самыми лучшими двигателями человеческого развития»².

VI. Такой же точки зрения на две разные категории исторических фактов держался и Павел Гаврилович Виноградов [1854—1925], бывший профессором в Москве и в Оксфорде, известный своими солидными трудами, главным образом, по истории социальной Англии, отчасти — других стран в середине века, стоявший на той точке зрения, что хозяйственные отношения могущественно воздействуют на развитие права, которым он особенно интересовался. В частности, Ключевского и его, конечно, следовало бы называть историками-социологами, но к отвлеченной социологии [последний] относился без интереса и только один раз выступил в печати с небольшой брошюрой, публичной лекцией на историко-философскую тему «О прогрессе» (1898). В самом ее начале он отметил, что все настоятельнее ставится запрос на построение науки об обществе, социологии, между прочим, «для внесения ясности и правильности в хаотическое многообразие исторического материала». Одним из общих вопросов такой науки являлся для Виноградова вопрос о прогрессе, которому и было посвящено содержание брошюры, более повествовавшее о том, как ставился вопрос этот в прошлом, чем излагавшее взгляд самого автора. Дошедши в своем историческом обзоре до XIX в.,

он занялся передачей и сопоставлением взглядов Гегеля и Спенсера, совершенно обошедши молчанием Конта. Рассматривая же теорию эволюции Спенсера, тоже не упомянул, что же понимал последний под названием социологии, хотя один раз и употребил этот термин, говоря о том, что Спенсер не видел никакого различия в процессах, изучаемых, с одной стороны, механикой, физикой, химией и биологией, с другой — психологией и социологией. Если в конце брошюры мы и находим собственные соображения Виноградова, то они лишь обнаруживают только, как, в сущности, он был далек даже от терминологии и фразеологии социологической литературы.

VII. Позицию, близкую к позиции Ключевского и Виноградова, занимал в исторической науке и Павел Николаевич Милюков [1859—1943], известный как политический деятель, короткое время профессорствовавший в Москве и в столице Болгарии, но он относился с гораздо большим, чем они, вниманием к теоретическим вопросам своей науки и даже читал в Софийском университете курс о разных философско-исторических системах¹⁰.

Свои общие историологические взгляды Милюков высказывал во введении к своим известным «Очеркам по истории русской культуры» (1896)¹¹. Заявив себя противником философии истории как «обломка давно разрешенного мировоззрения», он указал на социологию как на единственное научное объяснение истории, которым «может и должна воспользоваться политика». В основе такого объяснения должна лежать идея «закономерности исторического процесса», развивал Милюков свою мысль, и, «если бы даже нам никогда не суждено было открыть ни одного исторического закона, мы, по необходимости, все-таки должны были

бы предполагать их существование». Эту оговорку он считал нужным сделать ввиду того, что «признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории». Мало того, вполне естественно усомниться даже в самом существовании специальных исторических законов. «Исторический процесс», который у автора называется и социологическим, требует разложения на элементы, «находящие себе объяснение в психологии, и вместе с последней опирается на все здание закономерности более простых явлений мира — физических, химических или физиологических», — заявление, в котором нельзя не видеть влияние Конта, если только оставить в стороне психологию. Поэтому Милюков нашел возможным свести историческую закономерность к закономерности психологической, физиологической и т. д. Тут он находил широкое поле для применения дедуктивного метода, и, например, психология признана была опорой для социологических дедукций в смысле признания «основных, всюду одинаковых, тенденций исторического процесса», которые в наше время «историческая теория» игнорировать не может, лишь бы только им не придавалось «слишком исключительное значение при объяснении реальных исторических явлений». Дело в том, что «социологический процесс должен осуществляться в какой-нибудь среде», что вносит в историческую жизнь большое разнообразие, делающее невозможным «распознать среди всевозможных вариаций одну и ту же основную подкладку». Следовательно, «занимаемся ли мы общим изучением социологических законов или прилагаем эти законы к объяснению данного частичного случая, законы социального действия обстановки точно так же должны быть приняты во внимание, как и законы общественной эволюции». Милюков не забыл при этом отметить еще,

что на историю любой страны оказывают влияние еще и другие страны.

Во всем своем рассуждении, употребляя прилагательное «социологический», Милюков не давал точного определения этого термина и не говорил о социологии как особой науке, отличной от истории, хотя и упоминал о социологах как о чем-то отличном от историков. Если, спрашивал он, историку нужно «полное объяснение данных, конкретных фактов, то нужно ли оно социологии? Имея в виду открытие законов и пользуясь конкретными данными только как материалом, не должен ли социолог просто оставить в стороне все факторы, придающие событию индивидуальную физиономию». На этот вопрос Милюков считал возможным только один ответ, по его мнению, «трудно было бы даже провести определенную границу между общей и частной стороной исторического явления, так как в нем мы имеем только результат совместного действия общих и частных факторов». Разграничить ту и другую стороны он считал невозможным, а это, конечно, и не позволяло ему говорить о социологии как об особой науке со своим предметом, задачей и методом. Приводя библиографию вопросов, затронутых во введении к «Очеркам», Милюков назвал, главным образом, несколько трудов по теории истории, а из чисто социологических лишь «Социальную динамику» Лестера Уорда и русскую его популяризацию, сделанную Николаевым, обошедши полным молчанием Лаврова с Михайловским, хотя ими трактовались затронутые Милюковым вопросы.

VIII. С несомненным интересом к социологии относился Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский [1853—1919], около тридцати лет читавший лекции в Петербургском университете и около двадцати бывший

членом Академии наук. Заинтересовавшись Контом и его социологией, а также и Спенсером еще в средней школе, он много занимался относящимися к ней вопросами и прочитал в университете ряд курсов на такие темы, как «Основные принципы обществоведения», «Систематика социальных явлений разных порядков», «Историческая методология» и т. п., образовав и семинарий по этим вопросам. Влияние англо-французского позитивизма уже в начале самостоятельной деятельности Лаппо-Данилевского сменилось новокантианским и, в частности, влиянием Виндельбанда и Риккерта. С точки зрения критической философии он занялся исследованием корней позитивизма и написал очень ученую и солидную статью «Основные принципы социологической доктрины Конта», которую поместил в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), где напечатаны были статьи и некоторых юристов, стоявших на точке зрения новокантианства. В этом последнем направлении Лаппо-Данилевский читал свои социологические и методологические курсы. Из них увидел свет в печати один курс, вышедший сначала в студенческом литографированном издании, пока не появился как печатная книга в двух частях (1910 и 1913 гг.)*. Этот труд остался неоконченным за смертью автора, успевшего, однако, начать новое его издание в «Известиях Академии наук».

В указанной работе о Конте, подвергая критике основные принципы его философии вообще и социологии в частности, Лаппо-Данилевский нигде не выражал сомнения в возможности и нужности социологии. Он только ставил вопрос, достаточно ли твердо Конт установил социологические принципы, чтобы можно было говорить об основании им социологии, дабы, между прочим, содействовать «выяснению об-

* Речь идет о главной работе А. С. Лаппо-Данилевского — «Методология истории».

щих принципов, которые должны были бы лежать в основе мало-мальски удовлетворительной теории обществоведения». Следовательно, к самому замыслу такой научной теории он относился положительно и потому, нужно прибавить, выразил в своей статье желание «содействовать по мере сил ее водворению». Особенно сочувственно отнесся он к «Курсу» Конта как к одной из первых попыток построить логику отдельных наук. Здесь Лаппо-Данилевским вскрыты были и необоснованность, и противоречивость, и непоследовательность, и неясность многих идей Конта, в частности, в вопросах о среде, о человеческой природе, о консенсусе и об эволюции, но все-таки признана была важность этих проблем самих по себе. Пусть также сам Конт не открыл ни одного закона социологии, но все-таки он поставил новой науке такую задачу. И пусть также социологии он сам не построил, но все же такая наука возможна и нужна, как вытекает из всего рассуждения Лаппо-Данилевского.

Не социология, однако, сделалась предметом знаний Лаппо-Данилевского, а философия истории и ее методология. По первой следует упомянуть о его небольшой статье «Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества», помещенной в «Памятной книжке Тенишевского училища» (1902). Что касается до «Методологии истории», то этот очень ученый, весьма систематический и детально разработанный труд построен был Лаппо-Данилевским на принципах Виндельбанда и Риккерта, игнорировавших социологию как таковую, но автор и занялся только историей, в которой действительно существуют два направления — одно изолирующее, другое обобщающее.

IX. По вопросу о социологии и ее значении высказался еще Роберт Юрьевич Виппер [1859—1954], бывший последовательно профессором новой истории

в Одессе, в Москве и в Риге. Будучи формально учеником Герье, он больше отразил на себе взгляды на историю Ключевского и Виноградова, по крайней мере в смысле особого предпочтения к социально-экономической точке зрения, хотя по некоторым пунктам его взгляды значительно менялись. Свои историко-теоретические воззрения он высказал главным образом в книгах «Общественные течения и исторические теории XVIII и XIX веков» (1900) и «Очерки теории исторического познания» (1911) и в статье «Несколько замечаний о теории исторического познания» [В кн.: Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публичных лекций, 1900—1912. — М.: Скл. изд. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова, 1912].

В первой из названных книг Виппера, в которых общественные учения и исторические теории рассматривались «в связи с общественным движением», есть целая глава под названием «Социальная и историческая философия позитивизма» с очень отрицательной характеристикой Конта, жизнь которого отличалась «величайшим однообразием, удаленностью от реальных впечатлений, незнанием и игнорированием людей», с «поразительным его самомпением», с его «Курсом», «представляющим какую-то пустыню изложения», где нет ни одной метафоры, ни одной характеристики и т. п., с его столь странными во многих отношениях идеалами. Строгая критика, какой наш историк подверг эти идеи, строгая и, нужно прибавить, часто верная, бросила, в его глазах, тень и на замысел Конта создать новую науку. Конт любил сочинять новые слова — «социология», «альтруизм» и т. п., но Виппер не придавал большого значения и самому новому понятию социологии, в которую Конт хотел преобразовать всеобщую историю. Все то, что в замысле Конта дало толчок научному, позитивному изучению общества, прошло как-то перед критиком, не затронув в нем

сколько-нибудь сочувственного внимания, и в мышлении родоначальника социологии он отметил только одни отрицательные черты. Например, в социологии Конта, по словам Виппера, нашла себе место вся мистика, созданная революционным периодом, его оптимистическими теориями и ответным на них представлениям о «божьем суде на земле», или еще: «социология учит преклоняться перед стариной, перед предками». Мало того, из всей совокупности идей Конта критик сделал вывод, что «социология Конта занимается не историческими и современными обществами, не обществом в нарицательном смысле, т. е. не обществом как совокупностью типичных явлений, повторяющихся в разное время и в разных местах», а только человечеством в целом. Указывая в заключении к этому изложению на то, что оказалось живучим от Сен-Симона и Конта в исторических работах дальнейших поколений, Виппер даже и не упомянул о социологической литературе. Та инициативная мысль Конта, к которой примкнул целый ряд мыслителей и ученых Старого и Нового Света, не вызвала к себе внимания критика, и если он здесь высказался более в пользу другого социолога, то это был Спенсер, который для него явился «типичным представителем нового настроения в истолковании социальной современности и ее исторического прошлого».

В «Очерках теории исторического познания» (1911) Виппер прямо отрицал самое право социологии на существование как самостоятельной науки. «Есть ли, — спрашивал он, — необходимость различать две науки — абстрактную, социологию, и конкретную, собственно историю?» Если, — таков был его аргумент, — «... смысл социологии заключается в постановке общих задач, то из них трудно или невозможно образовать особую область научного видения, потому

что общие задачи невыделимы из всей совокупности работы над историческим материалом». Поэтому Виппер готов был понимать социологию самое большее «как умственное отвлечение новых задач, поставленных в исторической науке и в ее действительной жизни, неразрывно соединенных с материалом».

Высказываясь таким образом против социологии как отдельной науки, в тех же «Очерках» автор советовал обращаться за разрешением общих социологических вопросов, существования которых все-таки не отрицал, не к чему иному, как к этнологии, думая, что «в настоящее время этнолог является более, чем когда-либо, социальным философом». В данном вопросе он исходил из того соображения, что «в жизни малокультурных обществ уже имеются все же соотношения, которые нас интересуют в культурной среде», с тем только различием, что «там они проще, или, как выражались в XIX в., они выступают в своем естественном виде». Но, в сущности, что такое эта этнология, как не генетическая социология, оперирующая над этнографическим материалом.

Виппер даже полагал, что социологическая точка зрения в исторической науке, все это сравнительное изучение и открытие законов, установление эволюционных рядов должны смениться новым направлением, которое можно назвать теоретико-познавательным критицизмом. Сам Виппер именно и переходил на эту точку зрения, полагая, что социология может быть заменена методологией, теорией исторического познания¹².

Х. Более определенную и более положительную позицию, чем все предшествующие историки, по отношению к социологии занял Николай Александрович

Рожков¹³, два труда которого — более ранний, «Русская история с социологической точки зрения» (1910), и более поздний, двенадцатитомная «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (1919 и др.), — прямо могут быть зачислены в социологическую литературу. Это последнее произведение автор сам был готов рассматривать как часть самой социологии, дав ему подзаголовок «Опыт социальной динамики».

В 1898 г. Рожков писал об «Успехах современной социологии в их отношении с историей» (в журнале «Образование»), что «для разрешения вопроса о современных направлениях в истории и их вероятной будущности важны не столько социальные приобретения исторической науки, сколько те социологические выводы, к которым она теперь приводит, и те социологические принципы, которые принимаются в основу исторических исследований». «Эти выводы и принципы, — указывал еще автор, — стоят, в свою очередь, в тесной связи со специальной социологической литературой, обойти которую, таким образом, совершенно невозможно». При этом в статье было им обнаружено некоторое знакомство с этой литературой. В 1907 г. от Рожкова мы имеем «Основные законы развития общественных явлений» с подзаголовком «Краткий очерк социологии». В основе высказанных здесь взглядов лежит его убеждение, что есть некоторый закономерный общий порядок прохождения всеми народами одних и тех же стадий развития, дающий даже возможность определить «тот период, какой переживает данная страна», и на основании этого выяснить, «какие общественные формы имеют в ней будущность», и даже «найти конкретные приемы и средства к облегчению появления на свет новых форм». В появлении последних он особое внимание придавал борь-

бе и сосуществованию групп с одинаковыми хозяйственными интересами и их общей социальной психологией, вырастающей на этой основе.

Таким образом, и Рожков вводил в социологию психологический момент, ставя его дальше рядом с экономическим. Оба направления он признал одинаково «попытками монистического взгляда на историю и социологию» и обоим предсказывал будущность и при этом «более блестящую» как раз психологическому направлению. Оно, по его словам, пойдет по дороге конкретного изучения: после того как мы будем иметь научную классификацию человеческих характеров, или типов, будет изучаться историческая их эволюция и причинная связь ее моментов с другими эволюционными процессами. Будущность экономического материализма, думал Рожков, не столько в его теоретическом развитии, сколько в критическом влиянии на историческую работу, в которой «очередная задача — изучение экономических процессов»¹⁴.

XI. Выказался о социологии еще В. К. Пискорский [1867—1910], занимавшийся специально историей Испании, бывший сначала приват-доцентом в Киеве, потом профессором в Казани. В своей вступительной лекции в Казанском университете «О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории» (1906) В. К. Пискорский, коснувшись вопроса о социологии с ее стремлением открыть законы общественных явлений, прежде всего указал, что «на это новое поле исследований, за поисками новых истин» устремилась, кроме серьезных исследователей, масса дилетантов, авторов множества работ по социологии, «в которых часто тщеславие их авторов далеко не оправдывалось научной ценностью их произведений». Признавая, однако,

за самим социологическим движением серьезную основу, он только протестовал против отрицания какими-то социологами права за историей называться наукой, которая занимается только общим. Нужна и социология, нужна и история. «Историк, отводящий в своих исследованиях главное место социальным явлениям, этим самым служит социологу, и, наоборот, социология помогает историку в отыскании причин различных общественных явлений». Но при этом у Пискорского было очень неопределенное понятие о том, чем же занимается настоящая социология, о ее отличии от философии истории, от социальной психологии и от «науки о нравах».

От Павла Николаевича Ардашева [1865—после 1923], бывшего профессором всеобщей истории последовательно в Юрьеве, в Киеве и в Симферополе, мы имеем две статьи историко-теоретического содержания: «О прогрессе в исторической науке» (1904), вступительную лекцию, и «Психология в истории» [Вопр. философии и психологии. — 1895. — Кн. 26]. Возражая Боклю, требовавшему, чтобы история занималась открытием законов, отстаивая конкретный характер исторической науки, Ардашев нашел нужным выяснить свое отношение к социологии, которую он только назвал по имени, больше ничего о ней не сказавши, не сделав даже ни малейшего намека на то, как он понимал взаимные отношения обеих наук. Вторая статья была только разбором одной «новейшей попытки психологического обоснования истории» (Le Bon G. [L'homme et les sociétés. — P[aris], 1881. — V. 1—2]), где, между прочим, совершенно правильно указывалось на недостаточность сведения истории к одной психологии, не пожелав, однако, принять в расчет существования в истории стороны социологической в более тесном смысле отношений и учреждений, воз-

никающих из материальной основы человеческой жизни, хотя и [Ардашев] заметил, что критикуемый им писатель «до крайности умалял роль учреждений».

XII. Последним из старых историков, высказывавшихся о социологии, является Дмитрий Моисеевич Петрушевский [1863—1942], по специальности медиевист и англист, занимавший кафедры в Варшаве, в Петербурге (в Политехническом институте) и в Москве, с 1929 г. член Академии наук¹⁵.

Первое выступление Петрушевского с заявлением своей научной *profession de foi** относится еще к 1892 г., когда, разбирая книгу Виноградова «*Villainage in England*» («Журнал Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]»), приблизительно высказал ту мысль, что научно-надлежащим образом заниматься можно только «материальной историей», благодаря большой точности ее материала сравнительно с большою расплывчатостью материала, касающегося истории духовной культуры¹⁶. В данном случае Петрушевский, сам занимавшийся почти исключительно социально-экономическими и социально-политическими отношениями, довольно близко стоял в понимании задач исторической науки к взглядам Виноградова и Ключевского. Но по примеру большинства историков, ограничившихся большей частью однократным высказыванием своих общих взглядов, Петрушевский постоянно возвращался к теоретическим вопросам науки, не раз видоизменяя при этом и положения свои, и их формулировку, вследствие чего на нем следует остановиться более подробно.

Во вступительной лекции, читанной Петрушевским в Варшавском университете в 1897 г. и напечатанной

в журнале «Образование» [1898. — № 2], говоря о задачах всеобщей истории как науки, он коснулся и вопроса о социологии. «До известной степени», да и то «с очень большими оговорками», он готов был согласиться, что «социологи кое-что сделали для изучения первобытной культуры», но совершенно отказывался считать «серьезными научными приобретениями обобщения социологов, относящиеся к более поздним временам, в особенности обобщения, претендующие на название социологических законов». Главное обвинение социологов заключалось у него в том, что им «чужды строго научные приемы исследования». Несмотря на такой суровый отзыв, однако, Петрушевский признал тут же за социологическим движением и «весьма положительные результаты», так как оно «во всей определенности поставило вопрос об общественной эволюции и о ее законах и сделало его основной задачей, конечной целью общественной науки». Благодаря этому «история получила от социологии весьма плодотворный импульс, под влиянием которого она может окончательно стать на твердую почву реального изучения», приняв «социологическую точку зрения, видящую в каждом общественном явлении продукт всех сил, действующих в обществе». История должна усвоить себе эти точки зрения, т. е. и эволюционную, и социологическую. Но, с другой стороны, указывал лектор, «все те, кто думали создать социологию каким-либо иным путем, игнорируя историю, обрекают свою науку на роль суррогата», удовлетворяющего потребности образованных людей в общем мировоззрении. Отсюда вывод, что «только история может научно поставить и решить социологические проблемы» и только «путем специальных частных изысканий», равно как только «путем и сравнительного изу-

* Символ веры — *фр.*

чения». Сама социология поэтому названа в этой лекции лишь наукой будущего.

Через два года после этого Петрушевский снова высказался по общему вопросу науки. Его статья «К вопросу о логическом стиле исторической науки»¹⁷ представляла собой полемику с риккертизмом, как это и было тогда же отмечено одним рецензентом¹⁸, — полемику, в которой в рассуждениях Риккерта отмечались «крайняя неясность и неопределенность, граничащие подчас со спутанностью и противоречивостью». Петрушевский возражал против утверждения, что история не может быть наукой об общем, и указывал, что она не может не быть наукой и об общем. Понять данную конкретную комбинацию можно лишь при «предварительном знании постоянных, вечных отношений между явлениями», и, таким образом, «наука об индивидуальном имеет своей необходимой предпосылкой науку об общем», ибо «понять частное, конкретное, индивидуальное — значит узнать общее в его конкретной оболочке». Отсюда выводилось, что «рядом с конкретно-историческим интересом естественным является для историка и интерес социологический». «Давно пора, — заключил Петрушевский, — давно пора историкам раз навсегда освободиться от страха перед социологией», как ни скомпрометировали ее в глазах историков очень «уж упрощенные приемы профессиональных социологов», но свои общие понятия история должна выработать в своей «собственной лаборатории», сама, «определенно и строго ставя себе социологические задачи», добиваться не исторических только, но и социологических понятий, прямо «становясь социологией», которая устанавливала бы и законы, могущие быть лишь социологическими, так как не может быть речи об исторических законах. Таким образом, [он] различал здесь историческое и социоло-

гическое знание, исторические и социологические категории, но возлагал задачу социологов на самих историков, причем, однако, самое историю не мыслил как нечто единое, видя в ней «лишь общее название для целого ряда специальных исторических дисциплин». Даже возможность совмещения в одном лице нескольких специальностей не являлась для Петрушевского основанием для «создания особой науки чистой истории».

Следующим этапом в высказывании Петрушевским своих теоретических взглядов была его статья «Феодализм и современная историческая наука», появившаяся в одном сборнике исторических статей и перепечатанная в третьем издании «Очерков из истории английского государства и общества» (1930). Здесь он проводил тот взгляд, что «все общественные науки ориентируются на историю, вернее — сами являются составными частями ее как науки об общем и в то же время как науки об индивидуальном», и вместе с тем находил в европейской общественной науке тот основной дефект, что в ней не выяснены «те основные категории, без которых совершенно немыслима никакая научная работа над явлениями общественного развития» и «недостаточно ясно разграничены социологические категории и категории исторические». Общие мысли, высказанные в этой статье, более обстоятельно были развиты Петрушевским в новой работе «Задачи и методы науки всеобщей истории».

В названном рассуждении Петрушевский не усматривает в факте дробления общественной науки на обособленные дисциплины «решающего аргумента против мысли о целостном, синтетическом понимании исторического процесса как единого целого». Из понятия такого процесса он выводит здесь «чисто научную постановку специальных общественных дисциплин»,

отождествляя ее, как и в других местах статьи, с социологической. «Идея об историческом процессе, совершающемся в каждом человеческом обществе», является для него «центральной идеей» современной исторической науки, определяющей и содержание «этой последней, и метод», и в таком воззрении он и усматривает «социологическое понимание исторического процесса». Только таким путем и создается «настоящая общественная наука, изучающая эволюцию человеческого общества и ее законы», но Петрушевский не хочет делать из таким образом понимаемой науки какую-то отдельную общественную дисциплину, полагая, что всякая попытка подобного выделения особой научной области с определенными границами может быть только искусственной. Петрушевскому представлялось здесь более соответственным логике и психологии научной работы, даже единственно правильным путем к воссозданию общественного процесса и к выяснению его законов разрабатывание «в чисто научной, социологической постановке» отдельных общественных дисциплин. С этой точки зрения Петрушевский выставил здесь требование, не создавая особой науки, иметь во всякой научной работе только некоторую конечную цель, которая направляла бы каждое отдельное изыскание и давала бы ему смысл. И в каждом изыскании должны быть в нераздельном соединении абстрактная и конкретная стороны, абстрактная — в устремлении к конечной цели, конкретная — в данном материале. «Только тщательное, всестороннее выяснение общественного процесса, — решительно заявил здесь Петрушевский, — процесса, как он развивался в каждом отдельном конкретном человеческом обществе со всеми его индивидуальными особенностями, может нам дать возможность понять общественный процесс абстрактно, т.е. конструировать его социологически и выяснить фазисы и законы его развития».

Отсюда был сделан тот вывод, что наука, стремящаяся к уразумению общественного процесса, является историей и что необходимо стать на почву сравнительного изучения, поскольку один и тот же, в сущности, процесс изучается в прошлом разных отдельных обществ. Чтобы «понять социологически, например, феодализм, нельзя ограничиться изучением его в одной какой-либо стране, а нужно изучить его в ряде обществ, что не только выяснит феодализм в общем виде, но и поможет лучшему пониманию каждого конкретного феодализма. Раз, однако, в истории нужно изучать ряд сходных процессов в разных обществах, она, история, есть всеобщая история. Общее заключение из всего этого — то, что данная наука по своим целям и задачам является абстрактной, по своему материалу — вполне конкретной». «Мы, — прибавляет Петрушевский, твердо верим, что именно такой наукой, именно всеобщей историей в только что разъясненном смысле только и может быть общественная наука», в противном же случае эта последняя рискует превратиться в «ряд произвольных построений», в «систему бледных безжизненных абстракций» или в «праздную игру досужего воображения».

Таким взглядом совершенно была у Петрушевского упразднена социология как особая наука и ее функция возложена на всеобщую историю, хотя и сохранялось при этом понятие социологической точки зрения, видящей в каждом общественном явлении сложный продукт действия всех общественных сил, и, мало того, понятие социологического изучения становилось синонимом чисто научного понимания. Социология в таком толковании получила значение «общего названия для тех же исторических дисциплин в их генерализующем, иначе номографическом, аспекте». Каждая отдельная историческая дисциплина становилась в представлении Петрушевского «и историей, и социологией», а другой

истории и другой социологии он и не считал для себя возможным представить.

Эту свою *profession de foi* Петрушевский помещал во введениях к двум своим книгам «Очерки из истории средневекового общества и государства» (в 4[-х] изд.) и «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (1928). Подводя итоги под его общим воззрением, можно сказать, что Петрушевский в теоретико-познавательном смысле примкнул к Виндсלבанду и Риккерт, выяснившим для него по-иному, чем прежде, «общую логическую природу наук о культуре, их целей и средств, далеко не совпадающих с целями и средствами наук о природе». Принимая это учение, хотя и не без оговорок, он тем самым отвергал англо-французский «методологический натурализм» и «натуралистическую социологию». На примере Петрушевского мы только лишний раз видим, как в конце прошлого века неокантианство отвращало наших историков и юристов от традиций позитивистской социологии. Еще большее, чем Виндсלבанд и Риккерт, оказал на Петрушевского влияние Макс Вебер. В предисловии к русскому переводу его «Аграрной истории древнего мира» [М., 1923] Петрушевский назвал его блестящим представителем «истинно научной социологической работы в смысле эмпирической социологии, ни на минуту не оставляющей реальной почвы широкого и многообразного опыта». В этой его характеристике [он] заимствовал у Вебера и самый термин *empirische sociologie*^{*}, отмечая в нем «исключительный дар уловлять и ясно и отчетливо устанавливая взаимную обусловленность явлений общественного развития, а также общее и типичное под пестрым покровом индивидуального». И в этих последних словах косвенно заклю-

* Эмпирическая социология — нем.

чается отрицание всякой не чисто эмпирической, абстрактной социологии.

Если мы соберем теперь воедино главные черты отношения русских историков к социологии, то увидим следующее: во-первых, из громадного количества наших историков высказалось о социологии очень ограниченное их число, причем некоторые из них, во-вторых, при этом не обнаружили достаточного знакомства с тем, чем уже была фактически социология их времени, и вообще не углублялись в рассмотрение проблемы. Однако, в-третьих, большинство высказывавшихся относилось скептически или отрицательно к социологии как к особой от истории науке, усваивало понятие «социологической точки зрения», отождествляя, впрочем, последнюю иногда с интересом к социальной истории или к «социологическим категориям». В-четвертых, на понимание взаимного отношения между историческим и социологическим не в том смысле, как это понимали сами социологи, немалое влияние в некоторых случаях оказывала виндсלבандо-риккертовская классификация наук, какие бы оговорки в них ни вносились. Автор настоящей книги, будучи историком, сразу усвоившим понятие социологии как науки абстрактной, или, по его терминологии, номологической, отличной от истории как науки конкретной, неоднократно пересматривал этот вопрос в ряде книг и статей¹⁵, постоянно следя за тем, как относились к социологии товарищи по исторической науке, взгляды которых не поколебали его исходной точки зрения. Единственное крупное изменение в этом взгляде заключалось в признании, что между конкретной историей и абстрактной социологией может существовать ряд переходных ступеней в порядке убывающей эмпиричности при помощи подведения единичных явлений под типы и дальнейшего объяснения последних («Типологическая и

всемирно-историческая точка зрения в изучении истории»). «Эмпирическая социология» Макса Вебера подошла бы под такое типологическое изучение.

Таково было отношение русских историков последней трети XIX и первой трети XX столетия к социологии в эпоху позитивистских и неокантианских влияний. Более тесная связь между историками и социологами, как мы увидим, образовалась в марксизме.

¹ Не к одной социологии, но и вообще к теоретическим вопросам своей науки большинство историков обнаруживало равнодушие. См. об этом мою статью о разработке теоретических вопросов исторической науки (см. выше [с. 79 наст. изд.]). Анонимный рецензент в «Русской мысли» [1891. — № 3] принял констатирование факта за осуждение, даже за выражение «негодования» и взял историков под свою защиту. И в настоящее время мною только констатируется факт.

² Weber M. Die Objektivität Sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. [См. перевод этой статьи в сб.: Вебер М. Исследование по методологии науки. — М.: Изд. Ин-та научной информации по общественным наукам, 1980. — Ч. 2.]

³ О научном характере этого построения см. мою статью «Теория культурно-исторических типов» [// Рус. мысль. — 1889. — № 9].

⁴ О нем см. юбилейные статьи Кареева, Тарле, Петрова, Мякотина в № 4 «Научно-исторического журнала» (1914), другую статью Тарле в «Голосе минувшего» [1914. — № 1], в которой более, чем в других, говорится об отношении Лучицкого к Конту.

⁵ «Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871).

⁶ Когда в начале восьмидесятых годов я работал над «Основными вопросами философии истории», сидя в Парижской национальной библиотеке, приходивший туда Лучицкий не раз укоризненно качал головой, проходя мимо моего места.

⁷ «Записки Новороссийского университета», т. 28. Более подробно то же было изложено Трачевским в журнале «Беседа» за 1871 г. [Трачевский А. С. Современные задачи исторической науки // Беседа. — 1871. — Кн. 10—11].

⁸ Сборник «В. О. Ключевский, характеристики и воспоминания» (1912); статья М. К. Любавского («Чтения в Обществе истории и древ-

ностей российских», 1914. [№ 1]). В кн. 8 «Русского исторического журнала» (1922) ст. С. Голубцова «Теоретические взгляды Ключевского» и ст. Преснякова, отмечающего общий скептицизм Ключевского].

⁹ По всей вероятности, Ключевского заинтересовал социологизм бывшего в середине шестидесятых годов его частным учеником А. А. Шахова (1850—1877), впоследствии приват-доцента Московского университета по кафедре истории иностранных литератур, большого поклонника Конта. Учителя и ученика соединяла самая тесная дружба. Шахов оказывал на Ключевского вообще некоторое умственное влияние.

¹⁰ Он был и в числе критиков моих «Основных вопросов философии истории».

¹¹ Еще раньше Миллюков высказал свои теоретические взгляды в критической статье (с полемическим характером) под заголовком «Историософия г. Кареева» [Рус. мысль. — 1887. — № 11], обозначивши свое авторство инициалами [П. Н. М.]. В ней защищал классификацию Конта от моей поправки, высказывался против отрицания мною специально «исторических» законов, критиковал «субъективизм», т. е. являлся позитивистом в большей мере, чем критикуемый автор. См. разбор статьи Миллюкова в «Новых ответах критикам» [Рус. богатство. — 1889. — № 9]. Из многочисленных критиков моей диссертации он был единственным специалистом по истории, к которому впоследствии присоединился только П. В. Безобразов.

¹² Позднее Виппер радикально изменил свои взгляды в брошюре «Кризис исторической науки» [Казань, 1921], где стал выдвигать вперед не внутреннюю, а внешнюю (дипломатическую и даже военную) историю. См. рецензию М. Покровского [Под знаменем марксизма. — 1922. — № 3].

¹³ О Рожкове см. ниже, в посл[едней] главе.

¹⁴ Об этой статье Рожкова в виде возражения на пункты его разногласий со мною я поместил в «Образовании» за 1899 г. (февр.) заметку «К вопросу о понимании истории», где указывал на то, что оба «мы совершенно одинаково понимаем задачу социологии и отношение этой науки к истории» и «одинаково понимаем предмет истории», причем я присоединялся и к тогдашнему его взгляду на экономический материализм (о чем см. ниже). Из историко-теоретических работ Рожкова в этот период см. еще «История, мораль и политика» [Правда. — 1904. — № 1].

¹⁵ Записки об ученых трудах действительного члена Академии наук СССР по Отделу гуманитарных наук (1930), с. 85—190.

- ¹⁶ См. мою статью [Заметки об экономическом направлении в истории // Ист. обозрение. — 1892. — Т. 4].
- ¹⁷ Известия Политех[нического] инст[итута] за 1915 г. [т. 24], была издана и отдельно. См. о ней мою статью в «Рус[ских] зап[исках]» за 1917 г.
- ¹⁸ В. Волгин в «Рус[ских] вед[омостях]» за 1916 г. [№ 265].
- ¹⁹ См.: Философия истории и теория прогресса [// Знание. — 1876. — № 2; Разработка теоретических вопросов исторических наук // Рус. мысль. — 1890. — № 3; Введение в изучение социологии. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897, 2-е изд. — 1907; 3-е изд. — 1913; Историология: (Теория исторического процесса). — Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1915; Общие основы социологии. — Пг.: «Наука и школа», 1919].

Глава пятая. Появление экономического материализма

- I. Слабость экономизма в первом периоде русской социологии
- II. Время полемики между народниками и марксистами
- III. Марксистское выступление П. Б. Струве
- IV. Г. В. Плеханов и его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»
- V. Возражения оппонентов экономического материализма
- VI. Отношение к нему П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, В. П. Воронцова, Л. Е. Оболенского, В. М. Чернова, Н. И. Кареева и др.
- VII. «От марксизма к идеализму» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Богданов)
- VIII. Мысли П. Ф. Николаева, В. М. Чернова и А. М. Гвицмана о синтезе экономизма с психологизмом
- IX. Отношение к экономическому материализму М. М. Ковалевского, С. И. Гальперина, В. М. Хвостова, Н. А. Рожкова и Д. М. Петрушевского

● СРЕДИ РУССКИХ СОЦИОЛОГОВ НЕ БЫЛО специалистов в области политической экономии, кроме Исаева и Н. И. Зиберы (1844—1888), кратковременного доцента Киевского университета, автора, между прочим, труда по генетической социологии под заглавием «Очерки первобытной экономической культуры [М.: К. Т. Солдатенков, 1883; 2-е изд. — 1899]¹. Русских экономистов, как мы видели, почти совсем не затронуло социологическое движение, и экономическая сто-

рона общественной жизни была недостаточно обследована в трудах русских социологов. Общий их подход к социальным явлениям был отчасти биологический, в особенности же психологический, причем общество понималось ими преимущественно как коллектив, в котором происходят разнообразные взаимодействия между отдельными его членами и в числе этих отношений и экономические, а не как некоторая структура, объективно существующая над индивидуумами. Реальны — повторялось на все лады, — реальны в обществе только люди, т. е. отдельные единицы, хотя признавалась и реальность тех культурных форм, в которых протекает жизнь и деятельность этих единиц. Сами эти формы представлялись как некоторая опять-таки совокупность, комплекс, а не нечто целостное и единое. А между тем во время возникновения русской социологии уже существовала, еще с середины XIX в., социологическая доктрина, в основе которой лежала как раз мысль о доминирующем значении экономики в социальной жизни, а именно учение Маркса и Энгельса о хозяйственно-материальных отношениях как об основе социальной жизни, по отношению к которой все остальное в этой жизни является только надстройкой. Маркс, конечно, был хорошо известен русским социологам и высоко ценим ими как экономист, но как раз его «экономический материализм» не оказывал никакого влияния на русскую социологию. Причина этого заключалась в том, что основная идея экономического материализма была высказана слишком коротко, без обосновывающих аргументов и детального развития, слишком аподиктично и догматично. Известно, что в самой Германии долгое время не появлялось ни одной работы, в которой эта идея получила бы теоретическое обоснование и разработку.

До какой степени основная идея экономического материализма мало обращала на себя внимание, мож-

но видеть хотя бы из того, что Лавров заговорил о ней только в конце своей жизни, когда как-то сразу же после смерти Маркса и незадолго до кончины Лаврова началась теоретическая разработка экономического материализма. Когда автор настоящей книги писал свои «Основные вопросы философии истории», он был, живя в Париже, в близком общении с Лавровым и пользовался как его библиотекой, так и его указаниями, и хотя у нас нередко заходила речь о Марксе как политическом деятеле, с которым Лавров был лично знаком, но ни разу не поднимался вопрос о теоретической предпосылке «Коммунистического манифеста» как о некоторой общей социологической теории. Критики указанной книги равным образом не указывали в этом отношении на пробел в обзоре разных учений, содержащемся в книге. То же самое относится и к Михайловскому, конечно бывшему знакомым с главным трудом Маркса. У Михайловского были только две статьи чисто экономического содержания: «Политическая экономия и общественная наука» [1874] и «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» [1877], но обе статьи могут служить показателями только того, как далек был Михайловский от того, чтобы выдвинуть на первое место в социологии экономическое начало. В первой из этих статей он, заявив, что предметом социологии должны быть «законы различных отношений между различными формами общежития и отношений этих форм к человеческой личности», указывал на то, что «законы хозяйственного общения», составляющие предмет политической экономии, должны занять в социологии «свое, строго определенное место, но отнюдь не выпячиваться ребром», так как социология определит отношение этих экономических законов к законам других форм общения — политического, религиозного, национального и др. Поэтому Михайловский предлагал «отре-

шиться от предвзятого пристрастия к какой бы то ни было форме общения», видя в таком отрешении «истинно социологическую точку зрения», которая, по его убеждению, может не только «внести свет в тущобы экономической науки, но и выяснить отношение ее к сопредельным отраслям знания». Социология, говорил Михайловский в заключение, выяснит сложный и запутанный процесс взаимодействия различных типов общения, в числе которых экономическое общение занимает место наряду с другими, а потому, прибавил он, естественно, что политическая экономия станет при этом в подчиненное положение по отношению к науке общественной. Все это рассуждение очень далеко от учения Маркса об экономическом базисе и о разных на нем надстройках. Равным образом и в другой статье, разоблачавшей непонимание названным критиком «Капитала» Маркса, Михайловский назвал «целой философско-исторической теорией» Маркса только параграф о «так называемом первоначальном накоплении», когда это была только часть такой теории, если принять в расчет то, что содержалось еще в «Коммунистическом манифесте» и в книге «К критике политической экономии».

Если, однако, общая социологическая идея Маркса оставалась совсем неведомой в русской литературе, это не значит, что у нас никем не высказывалась мысль о первенствующем и определяющем значении экономики в исторической жизни. Авторы специальных работ о Чернышевском, который был выдающимся экономистом, указывают на значительное приближение его мыслей к мыслям Маркса. Чернышевский его не знал, и о заимствовании здесь не может быть речи, но он образовался как социальный мыслитель под теми же самыми умственными влияниями, синтезом которых была и философия Маркса. Это были, как известно, влияния, во-первых, немецкой философии в форме

радикального разветвления гегельянства, во-вторых, французской социальной мысли в утопизме и в историографии и, в-третьих, английской экономической науки. Весьма естественно, что Чернышевский, бывший притом, как и Маркс, революционно настроенным, приходил к некоторым воззрениям в духе экономического материализма.

Одним из предшественников позднейших русских марксистов был сотрудничавший в «Русском слове» и «Деле» семидесятых и восьмидесятых годов критик и публицист П. Н. Ткачев (1844—1885), писавший в период своей нелегальности (ссылка и эмиграция) под псевдонимом П. Никитин. Цена в литературе выше всего общественный характер содержания литературных произведений и находя, что в произведениях наших беллетристов его очень мало, Ткачев объяснял это условиями русской общественной мысли, и в особенности условиями экономическими, находя, что основами узкого индивидуализма, характеризующего вообще общественную жизнь, и порождаемой им борьбы между людьми является частная собственность. Повторяя эту мысль при каждом подходящем случае, он утверждал, что «зная, каковы насущные экономические интересы данного общества, мы знаем, каковы должны быть и его нравственные идеалы и господствующие среди него свойства и привычки». Все, что не вытекает непосредственно из данной экономической среды, должно оказаться непрочным. Если Россия начала обновляться, то причину этого следует искать в зарождении у нас «реальной экономической почвы для восприятия и возвращения прогрессивных идей». Ткачев был чуть ли не первым русским писателем, назвавшим в нашей печати имя Маркса и упомянувшим о его экономическом материализме, но сделано это им было мимоходом в библиографическом листке «Русского слова» за 1865 г., где было сказано им следу-

ющее: «Все явления юридические и политические представляют последствия явлений жизни экономической; эта жизнь юридическая и политическая есть, так сказать, зеркало, в котором отражается экономический быт народа». При этом Ткачев отметил, что «еще в 1859 г. известный немецкий изгнанник Карл Маркс формулировал этот взгляд самым точным и определенным образом». Весьма понятно, что, когда Лавров выступил со своим учением о роли критической личности, Ткачев в своей критической статье «Роль мысли в истории» [Дело. — 1875. — № 9, 12] об «Опыте истории мысли» заявил, что «нервом общественной жизни и истории нужно признать не критическую мысль, а экономические отношения». Впрочем, он был очень далек от отрицания значения «людей будущего» в осуществлении своего социалистического идеала.

Н. И. Зибер (1844—1888), очень короткое время, в начале семидесятых годов прошлого века, занимавший доцентуру по политической экономии, был одним из первых русских марксистов², магистерская диссертация которого («Теория ценности Д. Рикардо», 1871, и ее переработка «Д. Рикардо и К. Маркс [в их общественно-экономических исследованиях]», 1885) доказывала, что теория ценности Маркса являлась дальнейшим развитием теорий Адама Смита и Рикардо, а статьи, помещавшиеся им в «Отечественных записках», в «Знании» и «Юридическом вестнике», органах, стоявших близко к социологии, были переизданы в «Собрании сочинений». Главное право на то, чтобы занять место в истории русской социологии, дали ему его «Очерки первобытной экономической культуры» [М.: К. Т. Солдатенков, 1883], относящиеся к генетической социологии. В этом отделе социологии обыкновенно преобладала правовая точка зрения, тогда как Зибер выдвинул на первый план первобытные хозяй-

ства, ранние формы производства, организацию общественного труда и общественных форм экономической жизни.

■ ■ ● Начало настоящего развития экономического материализма в России относится к середине последнего десятилетия прошлого века, причем сторонники его выступили против уже существовавшей у нас социологической литературы крайними полемистами. До этого момента представители разных направлений теоретической социальной мысли мирно уживались в нашей журналистике, но как раз в середине девяностых годов русская передовая интеллигенция раскололась на два лагеря, которые тогда в легальной литературе получили название народников и марксистов, а позднее определились как политические партии социалистов-революционеров (и отделившихся от них народных социалистов), с одной стороны, и социал-демократов, с другой. Оба направления были социалистическими, но один социализм был крестьянский, другой — пролетарский, и в той полемике, которая тогда возгорелась и в прессе, и в некоторых ученых обществах, и в кругах учащейся молодежи, большую роль играли вопросы о путях экономического развития России, о крестьянской поземельной общине, о кустарных промыслах, о народных артелях — все вопросы практической политики, очень далекие от наиболее общих и отвлеченных вопросов теоретического учения о человеческом обществе. При этом под общим названием народников разумелись и такие люди, которые никогда себя к народникам не причисляли, и вышло даже так, что та «субъективная социология», на которую особенно нападали марксисты, т. е. социология Лаврова, Михайловского и т. д., не была народнической, как, например, В. П. Воронцова³, в сущности, тоже, как и

марксисты, стоявшего на точке зрения исключительного экономизма, очень далеко от этико-социологического направления. Защита настоящими народниками общины, кустарного производства, артелей не находилась ни в какой связи с социологическими воззрениями Лаврова, Михайловского и др., в свою очередь, ничего не говоривших о формах землепользования или обрабатывающей промышленности. Между тем в полемике все это смешивалось, и страсти разгорались никак не из-за отвлеченных формул той или другой социологической доктрины, а из-за вопроса, по какому экономическому пути следует впредь развиваться России. Страстность, однако, вносилась (особенно в публичных дебатах) и в обсуждение этих абстрактных вопросов, сводившихся, в сущности, к двум вопросам: где, грубо говоря, искать обоснования социальной науке, в психической ли природе человека или в производительных силах и производственных отношениях общества, и следует ли социологии руководствоваться этическими соображениями, или же в ней должен господствовать строжайший объективизм? Из этих двух вопросов более принципиальное значение имел первый, могущий быть сведенным к вопросу о психологизме или об экономизме в социологии. Во всяком случае, — что прямо не мешает повторить, — социологический психологизм русской школы совершенно никем не был связан с крестьянским социализмом, да и никак не мог бы быть связан в противность неразрывной связи экономического материализма с учением об исторической роли пролетариата. Все дело было в том, что, по господствовавшему среди народолюбцев убеждению, действия людей обуславливаются психологическими соотношениями, а не экономическими условиями, и этого было достаточно, чтобы политические противники народолюбцев особенно резко на них нападали.

Рассматривая спор народников и марксистов исключительно в области отвлеченной проблемы социологии, как спор психологистов с экономистами, как его поняли сами марксисты, идеалистов и материалистов, необходимо еще иметь в виду одно обстоятельство. Вся прежняя социология у нас, как и на Западе, вела свою научную традицию от Конта, хотя, в сущности, от его социологии очень скоро не оставалось камня на камне, и как общий психологизм ни придавал некоторое единство большей части отдельных произведений социологической литературы, все-таки не образовалось никакой единой социологической доктрины, и в этой литературе с общей психологической ориентацией царил разброд индивидуальных постановок и решений главнейших проблем. Наоборот, развитие марксистской социологии пошло по одной очень определенной линии не индивидуальных поправок, а углубленного изучения произведений Маркса и Энгельса для понимания в их же духе основных положений экономического материализма и дальнейшего их развития в строгом согласии с другими воззрениями обоих основоположников этого учения. На этой почве под влиянием еще партийной дисциплины образовалось еще понятие теоретической дисциплины, не допускающей никаких отклонений, никаких эклектических компромиссов, никаких уступок.

Само это теоретическое развитие марксизма началось именно в указанные годы. До этого времени из всего того, что было оставлено Марксом в наследство позднейшим поколениям, менее всего его последователями было обращено внимание на его чисто социологическую доктрину, и одним из первых, кто ее обособил в общем учении Маркса и поставил вопрос о ее обосновании и дальнейшем развитии, был русский эмигрант Плеханов незадолго до того времени, когда в немецкой марксистской литературе Э. Бернштейн в

своих «Предпосылках социализма» (1896) подверг ре-
визии все учение Маркса, не исключая экономического
материализма. Выступая в русской литературе с про-
поведью экономического материализма, [Плеханов] по-
вел ее в чисто полемическом духе, что и с той стороны,
на которую сделано было нападение, вызвало не спо-
койное обсуждение, а также полемический отпор.

Нужно, однако, в эти годы различать марксизм
революционный и марксизм легальный, имевший свои
органы в России в виде таких журналов, как «Мир
Божий», превратившийся в «Современный мир», «На-
чало» и «Новое слово», тогда как оппозиция против
нового направления шла из «Русского богатства», быв-
шего продолжением «Отечественных записок».

Собственно говоря, сама полемика эта была начата
«Русским богатством», в котором в конце 1893 и на-
чале 1894 г. было помещено несколько статей Михай-
ловского, Южакова и Кривенко против марксистов,
уже сделавшихся к тому времени очень популярными
[у] части передовой молодежи. Полемика эта велась
не только в печати, но и на некоторых собраниях,
посещавшихся большим количеством публики. Двумя
главными аренами диспутов между обоими направле-
ниями общественной мысли были два петербургских
ученых общества: Вольно-экономическое и Историчес-
кое при университете. В первом шли споры на эконо-
мические темы, во втором — на имевшие отношение
к истории и социологии, но в обоих прения протекали
необычайно бурно вследствие очень страстного отно-
шения публики к предметам спора⁴. Аудитория, со-
стоявшая преимущественно из учащейся молодежи,
резко делилась на два лагеря, бурно аплодировавший
и резко шикавший докладчикам и оппонентам, причем
главными марксистскими ораторами выступали два
молодых ученых: Струве и Туган-Барановский.

Если держаться хронологического порядка, о вы-
ступлении Струве в легальной русской печати прихо-
дится сказать раньше Плеханова. Две именно книги
вызвали всю указанную полемику: «Критические за-
метки к вопросу об экономическом развитии России»
Струве, вышедшие в 1894 г., и «К вопросу о развитии
монистического взгляда на историю» Бельтова, под
каковым псевдонимом скрывался Плеханов, с пометкой
1896 г.⁵

■ ■ ■ ● Петр Бернгардович Струве [1870—1944]⁶ был
совсем еще молодым человеком, когда выпустил в свет
свою книжку, в которой объявил себя учеником Мар-
кса и последователем экономического материализма.
Этой позиции он, однако, удерживался сравнительно
недолго, потому что постепенно отошел от марксизма,
перешедши через бернштейнианство и неокантианство
к откровенному идеализму. Политический эмигрант в
1902—1905 гг., один из видных деятелей конституци-
онно-демократической партии после революции 1905 г.,
даже член Государственной думы, все время деятель-
ный публицист, он занимался много и политической
экономией, что доставило ему профессию на эконо-
мическом отделении Политехнического института и
кресло в Академии наук, но эмигрировал после ок-
тябрьского переворота 1917 г. Таким образом, марк-
систом Струве пробыл очень короткое время, но это
не помешало ему сыграть свою роль в распростране-
нии в России экономического материализма. В назван-
ной книжке он противопоставил последний «социоло-
гическому мировоззрению, традиционно господство-
вавшему в нашей прогрессивной литературе» с его
двумя учениями — о роли личности в истории и о
«специфическом национальном духе русского народа
и об особенных его исторических судьбах». Второе
действительно было народническим⁷, но не имело от-

ношения к общей социологии, первое же касалось этико-социологического направления, не бывшего народническим. Струве указывал здесь на то, что идеалы, руководящие деятельностью личностей, создаются действительностью, но никак не действительность идеалами, и что раз нравственность, право и государственные формы являются надстройкой над экономической базой, социология должна игнорировать личность как нечто совершенно малозначащее⁸. Полемизируя с русскими «субъективистами», Струве утверждал, будто бы, во-первых, «личность все может в том смысле, что для нее не существует социологической необходимости», и, во-вторых, что «личности принадлежит самопроизвольная творческая сила, ничем не обусловленная». Разумеется, таких антинаучных положений никто никогда из русских социологов не высказывал. Этическому субъективизму опровергаемого учения Струве противопоставлял нарочитый объективизм принятой им доктрины, хотя сам высказывал весьма субъективные оценки, оправдывая (именно оправдывая, а не только объясняя) античное рабство, без которого не было бы ни греческой культуры, ни римской истории, ни современной Европы, оправдывая и средневековое крепостничество, «потому что только то объединение сил, которое являлось результатом личной зависимости, могло создать в натуральной организации хозяйства условия экономического и вообще культурного прогресса». И если Струве, с одной стороны, особенно настаивал на чисто стихийном характере исторического процесса, то, с другой, относился к нему с величайшим оптимизмом как к чему-то разумно ведущему к высшей цели.

Критика русской социологии, однако, не сопровождалась сколько-нибудь связным и последовательным изложением самого экономического материализма, противопоставлявшегося этой самой социологии. Заявляя себя сторонником экономического материализма,

Струве оговаривался сам, что «не мог не признать, что философское обоснование этого учения еще не дано», и допускал, что в нем «многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены», но, на его взгляд, «зерно учения является верным», задачу же своей книги, однако, он полагал не столько в обосновании и критике, сколько в противопоставлении обоих учений, то и дело заявляя, что не будет останавливаться на отдельных пунктах реферируемой им доктрины. Струве привлекала «самая попытка из одного начала объяснить весь исторический процесс», и вот всех «прогрессивных» социологов, раз они не принимают экономического материализма, [он] подводил под общую категорию исторических идеалистов, народников, хотя и отмечая, что Михайловский «вполне справедливо» не считал себя таковым, и называя сам других народников (Воронцова и Пругавина) материалистами. К числу авторов, которым возражал Струве, [принадлежал] еще Николаев, который, как мы увидим ниже, принимая общую идею Маркса, тем не менее признавал роль идей и сознательного действия личностей в историческом процессе. Струве порицал его за это «отрицание универсальности основного начала экономического материализма», хотя местами сам говорил о «психологических условиях экономических явлений», о «психологических предпосылках, на которые опирается вся политическая экономия» и т. п. Мало того, в некоторых высказываниях Струве в данной книжке уже как бы чувствуется Струве более позднего времени.

IV. Гораздо более важное значение в истории русской социологии принадлежит другой книге, вышедшей почти в одно время с книгой Струве, именно книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданной под псевдо-

нимом Н. Бельтова, одним из многочисленных его псевдонимов.

Георгий Валентинович Плеханов [1857—1918], начавший свою хорошо известную революционную деятельность в 1876 г., эмигрировавший за границу в 1880 г., уже в самом начале своей заграничной жизни изучал политическую экономию, сделался ортодоксальным марксистом⁹, разошедшись со старым народничеством, по-своему толковавшим учение Маркса, что и проявилось в его тогдашней брошюре «Социализм и политическая борьба» (1883) и в книге «Наши разногласия» (1884). Это была критика не отвлеченной научной теории, а практического политического поведения, и критика столь же резкая по тону, какую представляет собой и вышеназванная книга об историческом монизме, написанная уже не против того или другого политического поведения, а против известного научно-философского понимания. У нее был и подзаголовок «Ответ гг. Михайловскому, Карееву и К^о», указывавший, что она была направлена против «субъективной социологии», которую он отличал от народничества, как то показывает другая его книга (под псевдонимом А. Волгина) «Обоснования народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)» (1896). Книга Плеханова о монистическом взгляде имела громадный успех и разошлась необычайно быстро, дождавшись второго и следующих изданий только после революции 1905 г. Плеханов выступил также с критикой против Струве, Богданова и др.¹⁰

Книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» содержала в себе целую историю генезиса экономического материализма из французской философии XVIII в., из французской историографии XIX в., из социального утопизма и из немецкой идеалистической философии. Автор не только излагал их учения, но и критиковал их. Центральным пунктом его полемики явилось учение о «чело-

веческой природе», из которой разными писателями выводилось все содержание исторической жизни, хотя и сам же исходил из «отличительной черты человека», состоящей в «делании и употреблении орудий» и поставленной опять-таки им же самим в зависимость, впрочем, от другой еще черты — от общественности. Основная мысль Маркса не просто излагалась Плехановым, а пояснялась, дополнялась, развивалась собственными его соображениями, причем он представлял дело так, что до Маркса общественные отношения людей объяснялись исключительно их взглядами и сознательная деятельность людей иначе не понималась, как в смысле полной свободы этой деятельности, исключающей понятие о необходимости. Комментируя Маркса, Плеханов иногда высказывался совсем не в духе его идей, когда, например, рассматривал его экономик и его психологию как «две стороны одного и того же явления», оговариваясь, что его, пожалуй, обвинят (хотя и напрасно) в противоречии с самим собой, а главное, с Марксом. Экономический материализм учит о приспособлении психологии к экономике, и если психологическая эволюция может «предшествовать» экономической, даже «опережать» ее, то и при этом психология «ни на минуту не перестанет приспособляться к экономике», хотя бы это было «приспособлением к экономике будущего», т. е. «к новым будущим отношениям производства». На указание критиков экономического материализма, что у него нет «великой книги», Плеханов возражал указанием на целых три книги, из которых только одна действительно была реальной книгой, именно «Капитал», говоривший не об экономическом материализме, а две другие были книгами лишь в переносном смысле. Это, во-первых, вся «история философии и общественной науки с конца XVIII столетия», а во-вторых — вся «история европейских событий, начиная с 1848 года». Сравнивая изложение и защиту экономического мате-

риализма у Плеханова с тем же самым у систематизаторов этого учения более позднего времени, нельзя не отдать им предпочтения и по большей верности их объяснений основных идей Маркса, и большей последовательности в развитии выводов, делавшихся из первоначальных посылок.

Сильной стороной критики Плехановым прежней русской социологии было указание на преобладание в ней психологизма, но он эту ее особенность отождествлял с тем идеализмом, против которого ратовал Маркс. Если Струве центральный пункт критикуемой теории видел в ее учении о личности, представлял последнее в неверном толковании, то Плеханов нашел этот пункт в понятии человеческой природы, не делая различия между современным социологическим психологизмом и устарелыми воззрениями, против которых совершенно справедливо ратовал Маркс. Столь же неверно, как и у Струве, было утверждение, будто ученые критикуемого направления не могли понять сознательной деятельности людей не иначе, как в смысле полной свободы этой деятельности, исключающей понятие о необходимости.

V. Книги Плеханова и Струве вызвали, как уже было сказано, оживленную полемику, после которой, в общем, обе стороны остались при своем. В ней ни та ни другая сторона не заботилась о том, чтобы найти общий язык, чтобы на чем-нибудь договориться, найти общую почву, устранить возможные недоразумения и пересмотреть критически собственные исходные пункты. Нападающей стороной было новое направление, и старому приходилось поэтому больше обороняться и доказывать, что во многом представители нового направления неверно понимали и толковали критикуемые идеи, смешивая их с устарелыми взглядами, которые разбивал Маркс своей критикой.

Полемизируя с Плехановым и Струве, критики их книг отнюдь не думали опровергать Маркса и, наоборот, иногда думали побивать своих противников авторитетом самого же Маркса, находя, что его последователи сами его неверно перетолковывают. Во всяком случае, мысль о производительных силах и производственных отношениях, лежащих в основе общественной структуры, сама по себе не затрагивалась, и критики не соглашались только с мыслью о сведении всей общественной культуры единственно и исключительно к этой экономической основе, иногда прямо заявляя, что новое учение должно быть с оговорками и поправками включено в социологию.

Полемика велась по многим линиям, на очень широком фронте, начиная с вопросов общеполитического характера и кончая вопросами тогдашней российской действительности. Устраняя как первые (проблемы теории знания и общего мирозерцания), так и вторые (задачи очередной политики), не выходя из более тесных пределов отвлеченной социологии, можно сказать, что главным пунктом, скорее, была возможность или невозможность монистического понимания общественной жизни и истории. Критики экономического материализма сами были очень далеки от какого бы то ни было спиритуализма или идеализма, стоя на реалистической, а иногда и на материалистической точке зрения, и в своем психологизме, которым вовсе не думали объяснять все явления общественной жизни, отнюдь не ударялись в один интеллектуализм, признавая в общественной жизни большую силу за игрой эмоций и стремлениями воли. Собирая воедино все аргументы, высказывавшиеся критиками Плеханова и Струве и их сторонниками, их можно представить в следующем виде.

Во-первых, им представлялось односторонним сведение всех отношений между человеком и природой к одному добыванию из нее средств к существова-

нию — к отношению, так сказать, материально-утилитарному: природа действует еще на человеческую психику, вызывая в человеке разные эмоции и умственные запросы, лежащие в основе духовной культуры, искусства и мифологии, религии и философии и, наконец, науки, начало которой притом коренится не в одних практических потребностях, но и в теоретических запросах ума. Вследствие этого критики считали невозможным рассматривать духовную культуру как только надстройку над исключительно экономическим базисом. Во-вторых, если, говорили критики, на этот базис и можно смотреть как на основу всей совокупности чисто социальных отношений, то и в этом смысле нельзя себе представить производственные отношения между людьми без их психологического взаимодействия, т. е. как будто бы все дело происходило чисто механически или органически без всякого психологического момента. В-третьих, и отношения между отдельными членами общества, указывалось критиками, возникают не на одной только производственной почве, т. е. на почве удовлетворения людских материальных потребностей, но и при существовании у человека иных потребностей, начиная с чисто физического полового инстинкта и кончая влечением к психическому общению, проявляющемуся, например, в играх, которые существуют уже и в зоологическом мире. То, что принято называть моралью, не может быть поэтому выводимо из одних только производственных отношений между людьми. В-четвертых, критиками указывалось еще на то, что и сами практические отношения между людьми имеют свое основание не в одном коллективном добывании вещей, необходимых для жизни, но и во многом другом, как, конечно, прежде всего, во взаимной защите, а потом и в упорядочении взаимных индивидуальных отношений и, наконец, в совместном удовлетворении духовных потребностей. Коротко говоря, в создании самого

экономического базиса, принимаемого экономическим материализмом за основу всей общественной культуры, уже участвует психика, потому что культура, как духовная, так и социальная, не может быть выведена из единого источника, поскольку отношение человека к природе не исчерпывается одним производством, как и взаимными отношениями между самими людьми также. Ко всему этому присоединилось пятое соображение, отмечавшее в истории наличие других антагонизмов, кроме классовой борьбы, — антагонизмов, возникающих, между прочим, на чисто эмоциональной или интеллектуальной почве. В конце XIX в. диалектичность социального развития не выдвигалась еще вперед в теории экономического материализма, как это было сделано впоследствии. Если марксистский экономический базис всего общественного бытия являлся антитезисом контовскому положению, что «всякий общественный строй покоится на мнениях», то у некоторых критиков, естественно, возникал вопрос, не нужно ли произвести социологический синтез «экономизма» и «психологизма» без всякого отношения к онтологическим гипотезам материализма, спиритуализма, панпсихизма и т. п.

VI. Лавров, не разделявший ни материалистической философии Маркса, ни исходного пункта его социологии и полагавший, что основная идея экономического материализма обязана своим происхождением особой роли экономики в XIX столетии, не только не принял участия в полемике, но даже не высказался достаточно определенно по вопросу, хотя в эти годы им были написаны два его последних труда. Причиной его сдержанности было нежелание участвовать со своей стороны в нарушении социалистического единства и солидарности из-за чисто теоретического вопроса, казавшегося ему притом довольно-таки вто-

ростепенным. В частных разговорах он прямо выражал сожаление, что возник такой спор, произошел даже такой раскол.

Михайловский, который не был так тесно связан с революционным движением и, кроме того, был, так сказать, вызван на бой и Плехановым, и Струве, не разделял такого соображения, но из-под его пера не вышло по поводу экономического материализма ни одной крупной работы, которую и по размерам, и по обстоятельству содержания можно было бы поставить рядом с теми статьями, в которых он, например, обсуждал вопрос об отношении социологии к дарвинизму или органистическую теорию Спенсера. Все его возражения Плеханову и Струве изложены были довольно разбросанно, несистематично в ведшейся им в последние годы жизни постоянной журнальной хронике под заглавием «Литература и жизнь». В прекрасном предметном указателе к 10-му тому «Полного собрания» его сочинений нет даже особой рубрики из числа восемнадцати, на которые был разделен весь этот указатель, и есть только небольшой подотдел о полемике с марксизмом. Было ли это следствие утомления или какой-либо другой причины, но только Михайловский по вопросу об экономическом материализме не дал ничего цельного, ничего систематичного.

Тем не менее Михайловский все-таки высказался определенно. Еще до появления книг Струве и Плеханова Михайловский в статьях своих «Литература и жизнь» [1893. — № 10; 1894. — № 1, 2] под влиянием больших успехов марксизма среди молодежи¹¹ высказал свой взгляд на экономический материализм, вместе с тем отмежевываясь от народничества, которое как нечто единое и цельное противопоставлялось тогда марксизму. Он прямо указал, что народничество не сумело сколько-нибудь обстоятельно не только обосновать, а даже формулировать взгляды, которые сами

по себе совсем не были его, Михайловского, взглядами. Конечно, вообще он высоко ставил экономическое учение Маркса, даже защищал его от неосновательных нападок (в известной статье «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского»), но совершенно иначе относился к теории экономического материализма как к учению, оставшемуся у самих его творцов необоснованным и совершенно неразработанным популяризаторами, комментаторами и пропагандистами этой теории, ставшему, однако, чем-то вроде символа веры, который допускает толкования, но никак уже во всяком случае не сомнения. Действительно, оно не имело еще своей специальной литературы, не имело ни своей великой книги, потому что «Капитал» занимался совсем другим делом, а не обоснованием исходной идеи экономического материализма, ни сколько-нибудь детальной разработки в ряде книг и статей. Михайловский даже утверждал в своей статье, что «менее всего эта теория может претендовать на научное происхождение», что «она родилась вне науки и, несмотря на войну ее творцов с метафизикой, именно в недрах гегельянской философии». Последнее обстоятельство даже оппорочивало теорию в глазах позитивиста, хотя касалось только метода, а не содержания теории, подсказанной, наоборот, самой общественной жизнью первой половины и особенно середины XIX в. Михайловский даже считал нужным защитить самого Маркса от его последователей. Они, по мнению Михайловского, превратили в догмат мысль, выраженную Марксом чисто отвлеченно или с преувеличенной реальностью, сам же великий экономист «был слишком умен и учен, чтобы думать, что он открыл идею исторической необходимости и закономерных общественных явлений». Если справедливо обвинение ученых в замалчивании Маркса, говорил далее Михайловский, то оно относится никак не к экономическому его учению, а только к

его исторической теории, не бывшей никогда научно обоснованной и проверенной, и если она имела успех, то зависел он не от ее научного достоинства, а от «житейской практики, устанавливаемой перспективами в сторону будущего, так как для принятия этой теории не требовалось ни научных знаний, ни критической мысли, а нужна была одна вера». Успех экономического материализма у немецких рабочих не удивил Михайловского, наоборот, считавшего, однако, «поистине удивительным у нас» выпавший на ее долю успех. Впрочем, Михайловский обошел молчанием саму идею экономического материализма, не поставив вопроса, каким же образом следует понимать возможность происхождения всех сторон общественной жизни, не исключая духовной культуры, из одной экономической основы. Во второй статье через месяц Михайловский критиковал гегельянскую схему марксизма, только мимоходом и вскользь высказавшись против разложения «крайне сложной общественной жизни на экономический фундамент и на надстройку, совмещающую в себе все остальное», иначе говоря, против построения всей истории, «слишком сложной и разносторонней, на каком бы то ни было одноцветном фундаменте». После выхода книг Струве и Плеханова Михайловский отвечал им обоим в октябрьской за 1895 г. и в январской за 1895 г. книжках «Русского богатства». Между прочим, он упрекал Струве в чисто догматическом отношении к экономическому материализму (как мусульманина к Корану) и в том, что он не всегда был близко и точно знаком с опровергаемыми взглядами, а с Плехановым он сводил еще и чисто личные счеты. Сопоставляя взгляды обоих своих критиков, он указывал на то, что по многим, весьма важным и даже наиболее существенным вопросам теории они не спелись между собой. Из всех своих соображений и из разбора обеих книг Михайловский

делал крайне отрицательный для экономического материализма вывод, посоветовав его сторонникам «сосредоточить свои силы прежде всего на доказательстве того, что сущность исторического процесса состоит в саморазвитии форм производства и обмена и что правовые и политические учреждения, равно как и религиозные, философские и все прочие воззрения каждого данного периода, суть только надстройки над этим основанием».

Тогда же, в сезон 1894—1895 гг., о книгах Струве и Плеханова говорил в печати и Южаков, включивший потом свою статью о них во второй том своих «Социологических этюдов». Особенность его отношения к экономическому материализму заключалась в том, что он брал его не в специально марксовском, а в более широком и расплывчатом смысле «всякой доктрины, утверждающей, что преобладание в общественном процессе принадлежит экономическому элементу и что именно на экономическом основании строится и политическое, и умственное состояние общества и вообще всего его быта». С этой точки зрения Южаков считал вполне возможным назвать экономическими материалистами Чернышевского, Добролюбова, М. М. Антоновича, Ю. Г. Жуковского, Г. З. Елисеева. Этому направлению Южаков противопоставлял не столько народничество, как это тогда делалось, с Кривенко и Воронцовым во главе, сколько «этико-социологическую школу», к которой, конечно, причислял и себя. Он даже находил, что народничество в значительной степени «соответственно» экономическому материализму, «хотя, по-видимому, и состоит с ним в крайнем противоречии, поскольку оба направления придают исключительное значение экономике национальной жизни». Сам, признавая значение экономической борьбы в обществе и важную роль, которую в ней играют орудия еще в первобытном состоянии, Южаков рас-

членял вопрос об этой борьбе на вопросы о борьбе между индивидами, с одной стороны, и борьбе международной, с другой, — очень характерное место в его «Социологических этюдах», показывающее, как еще мало придавалось им значения борьбе классовой, о которой упомянуть он не забыл, но которую не понял в том значении, в каком о ней учил Маркс.

Главным органом, печатавшим статьи, посвященные экономическому материализму, было «Русское богатство», где и появилась статья Южакова [1895. — № 2]. В том же году в этом журнале были помещены статьи Л. Зака «Экономический материализм» [№ 1], Николая-она (Даниельсона) «Что же значит экономическая необходимость» [№ 3], И. Б-ского «Нечто о диалектическом методе» [№ 4], Н. Кудрина (Н. Русанова) «На высотах объективной истины» [№ 5]. В этих статьях давалась более или менее несочувственная оценка книгам Плеханова и Струве, но это отнюдь не было отрицанием важности экономического фактора, а только выражалось несогласием с придаванием ему исключительного значения, бывшего в глазах критиков недоказанным, и с догматическим характером доктрины, не устранявшей, однако, разногласий среди ее сторонников. Южаков особенно подчеркивал «экономический материализм старого типа» в лице Николая-она (Даниельсона), не обособляя себя так резко от этико-социологической и народнической школ. Нельзя не отметить, что и сам этот представитель «старого типа» оказался среди противников нового течения.

К этому же старому типу принадлежал и сотрудник «Русского богатства» Л. Зак, который прямо заявлял следующее: «Экономический материализм — в том виде, как его основные положения сформулированы в книжке г. Бельтова, — бессилён создать научную теорию и «теряет свое значение для объяснения исторических фактов. Сторонникам экономического мате-

риализма необходимо считаться с вопросом о том, в состоянии ли теория выдержать бремя накопившихся до сих пор фактов. Для защиты теории она должна указать, что она подтверждается исторической действительностью. До сих пор еще таких доказательств мы не имеем». Тот же критик подчеркивал еще то, что раз эта теория «сделалась орудием партийной агитации и была ввергнута в водоворот партий, то о хладнокровном, беспристрастном к ней отношении не может быть речи».

Так как полемические стрелы Струве и Плеханова были направлены, кроме Михайловского, и на известного экономиста В. П. Воронцова, писавшего под своими инициалами В. В., а этот чистый «народник», далекий от этико-социологического направления, сам, наоборот, очень близкий к экономической исключительности, но социологом не бывший, тоже выступил против своих критиков, хотя только как публицист, не согласный с ними по вопросам о русской крестьянской общине, артели, кустарных промыслах. Впрочем, и он в статье «Экономический материализм на русской почве» («Новое слово», 1895) обратил внимание на то, что экономический материализм, несмотря на свое полувековое существование, сохранил свой первоначальный вид, «лишь формально ожидающий своего содержания» и за отсутствием его «удобно могущий вместить все, что заблагорассудит вместить в него субъективное чувство данного лица». В данном отношении Воронцов сошелся с Заком, который тоже находил, что экономический материализм «представляет простор для субъективных толкований, видоизменений и дополнений сообразно со вкусом того или другого писателя». И Воронцов далее указывал на то, что в книге Плеханова экономический материализм оставался необоснованным, и прямо ставил в вину последователям Маркса, что между ними не нашлось

нескольких человек, «настолько прилежащих к науке, чтобы бороться за исповедуемое ими учение научным его обоснованием». Говоря это, Воронцов прибавил: «Гипотеза экономического материализма наибольшим успехом обязана партийным соображениям и расчетам». Наконец, и у него с порицанием, как и у сотрудников «Русского богатства», ставилась на вид та «чисто сектантская ревность», с какой последователи теории держатся «за гегельянщину».

Высказался по поводу обеих книг и Оболенский. Как и Южаков, он обратил внимание на резкость, с которой оба автора выступили против прежних направлений русской общественной мысли. Характерен заголовок, который Оболенский дал своей большой статье в «Русской мысли» за 1895 г. [№ 8, 9], а именно «Новый раскол в нашей интеллигенции». Он выражал в этой статье согласие с основным положением гипотезы, но только условно, так как считал его «пока недоказанным». Даже допуская, что гипотеза верна, Оболенский находил, что надо было бы чересчур сузить ее понимание, чтобы видеть, например, в юридических учреждениях Запада только продукт капитализма. В общем, отношение этого критика к экономическому материализму осталось, однако, неопределенным. Статья Оболенского вызвала со стороны Струве возражение («Несколько слов по поводу» и т. д.), напечатанное в том же журнале [1896. — № 2], на что первый отвечал там же [№ 4], но в этой полемике на первый план выступал не отвлеченный вопрос социологии, а чисто конкретный вопрос об экономическом развитии России. В той же «Русской мысли», в апрельской книжке за 1896 г., помещена была критическая статья об экономическом материализме редактора этого журнала В. А. Гольцева (1850—1906), вызвавшая со стороны Плеханова «ответ», который был напечатан в сентябрьской книжке за этот же год.

Гольцев, подобно другим критикам, считал «невозможным выводить всю культурно-историческую жизнь как следствие из одних производственных отношений», а потому признавал «самостоятельность психического фактора исторического развития». Для подтверждения своей мысли он неудачно сослался на Фюстель-де-Куланжа, как известного, выводившего формы социального быта греков и римлян из их религиозных верований. Вернее была мысль, что понятия развиваются самостоятельно, по своим собственным законам. Впрочем, Гольцева интересовал больше не общий теоретический вопрос, а применение теории к русской действительности. Нужно прибавить, что статья Гольцева была, по определению самого автора, «попыткой беспристрастно разобраться в споре», для чего он считал нужным «войти в дух этой теории, постараться понять в существенном и главном, по мере возможности устраняя неизбежные крайности и ошибки ее отдельных защитников». В конце статьи автор даже выражал уверенность, что его единомышленники и марксисты пойдут в будущем «рука об руку в развитии личного и общественного самосознания»¹². Вследствие того же беспристрастия Гольцев дал место в своем журнале [1896, № 9] статье С. Ушакова [Плеханова] «Несколько слов в защиту экономического материализма»¹³ и ограничился (см. «Не в очередь» в той же книжке) такими замечаниями, как то, что «возражения Ушакова для него неубедительны», что вопреки убеждению Ушакова «социология, в сущности, еще не создана» и что пусть даже называемое надстройкой «будет надстройка, но в ней и лежит главный смысл человеческого существования»¹⁴.

В ряду полемистов против экономического материализма выступал также и В. М. Чернов, о котором как о стороннике этико-социологической школы речь шла уже выше. В первом упоминавшемся сборнике его эту-

дов мы находим следующие его статьи, относящиеся к марксизму: 1) «Марксизм и трансцендентальная философия», 2) «Экономический материализм под защитой критического реализма», 3) «От марксизма к пантеизму», 4) «Новые споры об экономическом материализме», 5) «Динамическая социология перед судом марксизма» и 6) «Идеализм в марксизме», а также отчасти 7) статья «Монистическая точка зрения в психологии и в социологии». Во втором сборнике Чернова имеют отношение к нашему предмету небольшая статья о Марксе и пять статей под общим заглавием «К теории классовой борьбы», последняя из которых называется «Борьба классов как факт и как гипотеза». Статья о Марксе по поводу двадцатой годовщины со дня его смерти (1903) может быть ради ее тона названа восторженной. Экономическую теорию Маркса Чернов назвал здесь «оружием, которым социализм проникает в сокровенные глубины современного народно-хозяйственного механизма, озаряя их ярким светом знания». Но вместе с этим автор находил, что есть области, «которых творческая сила марксовского ума едва коснулась или коснулась лишь односторонне». К числу этих областей он отнес, во-первых, «верхние этажи социальной науки, философию обществоведения», во-вторых, «научную революционную этику» и, в-третьих, «общефилософские и теоретико-познавательные посылы» всей системы. Касаясь здесь лишь первого пункта, отметим, что, по Чернову, Маркс дал, правда, немало отдельных экскурсий из области экономики в область общей социологии и даже «пытался сформулировать несколько общих положений социологической науки, имеющих целью охватить всю совокупность сторон и элементов многосложной социальной жизни», но все-таки в этой области Маркс не оставил «труда, равного по своему значению произведенной им работе в сфере экономики». «Мало того, — далее говорит Чернов, — социологические воззрения Маркса были из-

ложены им в формулировках, чисто односторонних, давших множество поводов к недоразумениям», и с историософией учителя случилось то, что часто бывает в такого рода случаях, когда «случайные пробелы учителя реже исправляются и пополняются, чем возводятся в принцип ревностными учениками». На это заявление Чернова и следует смотреть как на исходный пункт его отношения к позднейшей социологии марксистов. Впрочем, особенно Чернов обращал вообще внимание не [столько] на социологические, по его мнению, недочеты их учения, сколько на «метафизические блуждания ортодоксов и отщепенцев марксизма», ввиду каковых блужданий он даже смотрел на первый сборник как на попытку, во-первых, доказать всю несостоятельность мифа о стройной теории марксизма, а во-вторых, противопоставить ему «философские основы синтетического социально-революционного мирозерцания, органически объединяющего строгий теоретический реализм с действенным, активным практическим идеализмом».

Нужно иметь в виду, что в 1906 г., когда Чернов писал эти слова в предисловии к первому сборнику, среди русских марксистов действительно существовал «полнейший теоретический разброд», и совершалось блуждание между «всеми возможными философскими школами, вплоть до эмпириокритицизма», на который опирался сам Чернов в своей полемике и против которого, наоборот, выступал Ленин. Одним словом, Чернов боролся преимущественно с философией, а не с социологией марксизма, с диалектическим материализмом, а не с экономическим материализмом: если первому он противопоставлял эмпириокритицизм, то второму противопоставлял идеи русской этико-социологической школы. И в полемике Чернова преобладала философская сторона, как мы это видим в разборе идей Струве, старавшегося «подвести под свои социологические взгляды прочный фундамент философии

Канта», в возражениях Г. Гвоздеву, автору статьи «К вопросу о телеологичности исторического процесса», особенно же в статьях, обозначенных выше под № 1 и 3 (в последней полемике с Бердяевым).

Ближайшее отношение к социологии имеют статьи Чернова о «новых способах» по его поводу и о теории классовой борьбы. В первой он находил, что сторонники экономического материализма ко времени написания статьи все более и более отступали от первоначальной, резко выраженной формы, все более и более выдвигали активную роль надстроек в историческом процессе, их влияние друг на друга и даже на экономический базис¹⁵. И в данном отношении Чернов подчеркивал разногласия экономических материалистов, отмечая трудность отличия «настоящих» от «ненастоящих». Собственный взгляд Чернова заключается в том, что не следует противопоставлять материалистическое понимание истории идеалистическому, ибо «оба элемента слиты в одном нераздельном процессе истории». Проповедуя «примирение обеих точек зрения», он понял [его] не в смысле размежевания между ними разных социальных явлений, а в их «слитии в одно целое, как в органической жизни человека слита механическая деятельность мозга и сознательная работа мысли и чувства». История, по его определению, является одновременно и процессом, совершающимся по механическому закону, и стремлением, осуществляемым «по закону идеала», — формулировка совсем в духе субъективной школы Уорда. Защищая себя от возможного обвинения в дуализме, Чернов указывал на то, что в его взгляде нет двойственности особых начал, а есть только двойственность в направлениях исследования, требуя вместе с тем «безжалостного устранения из области социологии всех этих фундаментов и надстроек» и «различая экономику от идеологии в истории с далеко не полным отвлечением, поскольку экономическое само есть в значительной

мере психическое». Если бы мы, говоря словами Чернова, захотели «найти первоначало социального движения, фактор, на который в последнем счете можно свести все историческое движение», то пришлось бы искать «такой элемент, который для самого социального движения был бы внешним» (внеисторическим, или надисторическим), как то мы видим у метафизиков или у М. Ковалевского, который видел «основной и первичный стимул социального развития в росте населения». (В статье о монистической точке зрения в психологии и социологии Чернов прямо проводил мысль о «несудаче всех попыток свести весь исторический процесс в последнем счете к развитию какого-либо одного из элементов общественной жизни».)

Таким же критическим, даже полемическим является отношение Чернова к теории классовой борьбы. «Не нужно быть, — говорит он в другой статье, — экономическим материалистом или даже просто социологом научно-реалистического направления, достаточно быть просто зрячим человеком, чтобы увидеть: да, существуют и существовали различные классы; да, эти классы боролись и борются друг с другом. В этом смысле можно сказать, что все стоит на точке зрения классовой борьбы как факта». Другое дело, «поднять классовую борьбу с уровня простого факта на уровень центральной идеи научной исторической гипотезы или теории». Тут прежде всего нужно «выяснить точно самое понятие класса, сформулировать точно принцип деления общества на классы и определить взаимные отношения между борьбой классов и другими сопредельными понятиями», а тут еще, утверждает Чернов, вопрос остается крайне неразработанным, полным разногласий и противоречий, причем он резко полемизировал, между прочим, с Плехановым, противопоставляя ему не кого иного, как Маркса с его более сложным и глубоким пониманием. Именно он различает здесь у Маркса более широкое, политико-экономиче-

ское, и более узкое, социологическое, или историко-философское, понимание классов, чего нет у Плеханова и др. Общий же вывод Чернова тот, что классы и классовая борьба являются «чрезвычайно сложным историческим образованием, а далеко не элементарным, явлением достаточно частным, а не общим».

Принадлежность Чернова к субъективистской школе социологии сказалась на следующих словах его, сильно напоминающих идеи и самые выражения Лаврова: явление классов «предполагает сравнительно высокую степень сознания, умения подчинять аффекты и привычки расчету и даже в самом расчете — умение подчинить ближайшие и непосредственные интересы интересам идеальным и будущим», равно как наличность интенсивного альтруистического момента, хотя бы действие его и ограничивалось узкой гранью одного общественного слоя, выражаясь в «так называемой солидарности». Если бы до знакомства со статьей Чернова меня спросили, чьи это слова, я не задумавшись приписал бы их Лаврову. Тем не менее он назвал целым переворотом в исторической науке «признание в классовой борьбе основного содержания и вместе главной, если не существенной причины событий, обращение на них соответственного внимания и выдвижение их на первый план в историческом исследовании». В «Исторической справке» о возникновении этой идеи он также полемизирует с Плехановым.

Общая тенденция социологии Чернова, каковую социологию он, однако, не дал нам в систематическом и полном изложении, может быть определена как попытка примирить исторический материализм, экономизм и идеализм, психологизм, как мы это видели из собственного его заявления. Так определяет общее значение Чернова и американский историк русской социологии Геккер, прямо называя это попыткой синтеза русских субъективистов с марксистскими экономическими идеями. Между прочим, Чернов отнесся

весьма сочувственно к аналогичной попытке Жореса «перекинуть мост от экономического материализма к телеологической теории Уорда». Прибавлю, что к попытке примирения между двумя точками зрения у Николаева, который делает это путем размежевания, Чернов относится отрицательно. В заключение следует отметить еще, что он отстаивал самостоятельность психологизма в социологии тем соображением, что «основные, первичные силы психической организации вынесены человеком еще из периода доисторической, животной борьбы за существование», а потому, по его убеждению, «социолог должен принять их (эти силы) за данное и сделать исходным пунктом своих рассуждений», — опять чисто лавровская тема.

Из истории полемики последнего десятилетия прошлого века отмечу еще статью Каменского [Плеханова] «Материалистическое понимание истории» [Новое слово. — 1897. — № 9], энергично восставшего против наименования теории Маркса и Энгельса экономическим, а не диалектическим материализмом и даже находившего, что термином, против которого он возражает, скорее можно охарактеризовать «взгляд Михайловского и К». Он даже восставал против теории экономического материализма, видя в ней что-то резко отличающееся от марксизма, и обвинял в ее непонимании всех, кто смешивал «материалистическое понимание истории с экономическим материализмом». Этот своеобразный взгляд нашел критика в лице П. Нежданова, посветившего в своей книге «Нравственность» (1898) особую статью доказательству того, что теория Маркса «в ее истинном виде есть именно теория экономического материализма»¹⁶.

В числе критиков книг Плеханова и Струве выступил и автор настоящей книги, вызванный к тому не только тем, что труд первого из названных писателей был направлен и против него, хотя в самом этом труде специально его взгляды и не разбирались. Дело в том,

что еще до начала пропаганды у нас экономического материализма пишущий эти строки, не удовлетворенный, если не исключительно, то преимущественно психологическим объяснением исторического процесса, заинтересовался экономической его стороной, результатом чего был ряд статей: «Политическая экономия и теория исторического процесса» («Историческое обозрение», 1891, № 3), «Экономическое направление в истории» («Юридический вестник», 1891), «По поводу новой формулировки материальной истории» и «Заметки об экономическом направлении в истории» (обе в «Историческом обозрении», 1892), «Источники исторических перемен» («Русское богатство», 1892), «Новая попытка экономического обоснования истории» («Русское богатство», 1894, № 1) и «Экономический материализм в истории» («Вестник Европы», 1894, № 7—9). Последняя статья была перепечатана в изданном в 1895 г. сборнике «Историко-философские и социологические этюды» [2-е изд. — 1899]. Вот в это-то время и вышли в свет книги Плеханова и Струве, что и послужило для автора названных статей поводом переработать их и дополнить новым материалом, между прочим, обзором возражений, сделанных Плехановым и Струве в наших журналах, и издать целую книгу под заглавием «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (СПб., 1896; [2-е изд. — 1913], с сокращениями и под заглавием «Критика экономического материализма»). Старые этюды — это были названные выше статьи 1891—1895 гг. не об одном экономическом материализме, но и таких представителей экономического направления в истории, как Роджерс, Лакомб, Лория и др., новыми эпизодами являлись написанные специально для книги, между прочим, о работах Плеханова, Струве, Туган-Барановского и об их критиках. В книге была изложена история экономического материализма до момента написания книги, когда в Германии уже были

некоторые попытки сторонников этой теории внести в нее поправки и дополнения, но Э. Бернштейн еще не выступил со своей «ревизией». В заключительной статье книги были подведены общие итоги и под этой историей, и под полемикой, только что происходившей в нашей журналистике. Здесь также отмечалось, что основной тезис теории был высказан совершенно догматически, что сама теория осталась крайне неразработанной, что ее последователи совершенно игнорировали всю социологическую литературу от Конта до новейших ее произведений, что попытки дать этому учению дальнейшее развитие приводили только к его подрыву. Но, с другой стороны, за экономическим материализмом были признаны и заслуги в том отношении, что он поставил важный вопрос о значении экономического фактора в истории эволюции. Не отвергая его целиком, а только признавая его односторонность, «Старые и новые этюды», однако, придавали экономическому материализму значение одного из основных направлений социологии, притом имеющего гораздо более серьезные права, чем оба направления биологического характера, дарвинистическое и органистическое, как берущего за исходный пункт явление чисто социального порядка. Сделано это было автором «Этюдов» в другой, почти одновременно с ними вышедшей книге под заглавием «Введение в изучение социологии» (1897). В этом методологическом трактате этому направлению была посвящена особая глава, в которой была высказана такая мысль: в развитии социологии «появление экономического материализма должно считаться существенно важным моментом, поскольку им в социологию вносится новая точка зрения, служащая законным дополнением к другим точкам зрения, в ней существующим. В экономическом материализме есть своя доля истины, а в некоторых случаях он может служить полезным противовесом против одностороннего психологизма в социологии». В другом месте оп-

равдывались нападки экономических материалистов на психологическое направление, в тех случаях особенно, когда оно объясняло социальные явления из данных индивидуальной психологии, понимаемой притом преимущественно в интеллектуалистическом смысле. Экономические материалисты всегда, по мнению автора, недостаточно учитывали, что без коллективной психологии, изучающей психическое взаимодействие, особенно в его волевых проявлениях, социология не может обойтись в изучении и чисто экономических явлений. За этими двумя книгами следовали еще и статьи «Экономический материализм и закономерность социальных явлений» [Вопр. философии и психологии. — 1897. — Кн. 36] и «Поворот экономического материализма к субъективной социологии» [Рус. ведомости. — 1901. — № 3].

Кроме того, автору принадлежала еще большая статья об экономическом материализме в 79-м томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, вышедшем уже через много лет (1904) после выступления представителей этого учения в русской литературе. В ней оно оценивалось как «реакция против прежде господствовавшего, чисто интеллектуалистического понимания исторического процесса», заставившая «отказаться от исключительно интеллектуалистического объяснения истории»¹⁷.

VII. В полемике с народниками рядом со Струве выступал и в печати, особенно же в публичных заседаниях ученых обществ и пользовался в них большой популярностью его тогда единомышленник и друг Михаил Иванович Туган-Барановский [1865—1919], как и Струве, экономист. В 1894 г. он получил ученую степень магистра за диссертацию «Промышленные кризисы в современной Англии», а в 1895 г. сделался приват-доцентом Петербургского университета, где и

начал свое преподавание вступительной лекцией «Значение экономического фактора в истории», под которым заглавием она и была напечатана в последней книжке журнала «Мир Божий» за 1895 г. В этой статье Туган-Барановский заявил себя сторонником экономического материализма, между прочим, потому, что «попытка экономического объяснения истории в том случае, когда они делались умело и с нужным знанием исторических факторов, открывали новые и неожиданные исторические перспективы», в этом он и усматривал «лучшее доказательство научной состоятельности» принятой им доктрины. Другого, более теоретического, принципиального обоснования главного положения он здесь не приводил. Не сделал он этого и в ответе своим оппонентам под заглавием «Экономический фактор и идеи» [Мир Божий. — 1896. — № 4—5], где более возражал критикам (главным образом Михайловскому), неверно его понимавшим, чем обосновывал основную свою идею.

Бывшие соратники в полемике против прежней социологии, Струве и Туган-Барановский оказались только временными марксистами. Издавая в свет сборник своих статей «На разные темы» [СПб.: Тип. А. Е. Колпинского, 1902], Струве заявил, что правоверный марксизм перестал «всцело определять и окрашивать его мирозерцание», потому что к этому его привела критика, от права на которую он не может отказаться, хотя бы ему предстояло подвергаться обвинению в неустойчивости. Аналогичное заявление сделал и Туган-Барановский в «Очерках из истории новейшей политической экономии», печатавшихся в «Мире Божием» за 1902 г. и вышедших отдельной книгой в 1903 г. «Не бывши никогда», заявлял здесь Туган-Барановский, «правоверным участником Маркса, но еще недавно чувствовал себя гораздо ближе к марксистам, чем в данный момент», он мало-помалу пришел к «пол-

ному разрыву с ортодоксальным марксизмом», считая, что последний сделал свое дело и «никакой будущности не имеет». Поэтому величайшей задачей социальной мысли в будущем Туган-Барановский объявлял «критическое преодоление марксизма» для «создания новой социальной системы, в которую войдет много элементов марксизма, но в переработанном, очищенном и преобразованном виде». И Струве, и Туган-Барановский считали свой прежний «легальный» марксизм «ортодоксальным», с чем, разумеется, никак не соглашались действительно правоверные последователи Маркса, полемизировавшие против представителей «легального марксизма»¹⁸.

Отходя от экономического материализма, оба сами бывших марксиста ошибочно, как показала история, полагали, что у этого учения нет никакого будущего. Отход обоих от марксизма одинаково принял направление к идеализму. Но они не были в этом отношении одни. То «критическое преодоление марксизма», о необходимости которого говорит Туган-Барановский в 1902 г., было предпринято им самим в «Мире Божием», выпустившем относившиеся к этому статьи отдельной книгой «Теоретические основы марксизма» [СПб.: Ред. журн. «Мир Божий», 1905]. Этот труд Туган-Барановского «не преследовал, — по заявлению самого автора, — цели простой полемики: критикуя Маркса, он «стремился придать своей критике не только отрицательный, но и положительный характер», направляя ее не против его «социальных идеалов», но высказываясь только против «данного им обоснования этих идеалов» с конечной целью «лишь содействовать их лучшему и более прочному обоснованию». Первая часть этой книги была посвящена критике материалистического понимания истории. Начав критику с учения о производительных силах, Туган-Барановский указывал прежде всего на то, что у Мар-

кса этот термин употреблялся в различных и даже противоречивых значениях, откуда забота критика — установить правильное понимание этого термина и затем уже дать его оценку. Неясным он находил равным образом и учение Маркса о классах, считая нужным и здесь произвести такую же работу. А затем ставился вопрос, правильно ли утверждение Маркса, что учения о производительных силах и о классовой борьбе составляют одно неразрывное целое. Не соглашаясь с экономическим материализмом по всем трем пунктам, Туган-Барановский, однако, не находил нужным его отбросить как «одностороннюю и ошибочную историко-философскую систему», а только признавал необходимым подвергнуть его «некоторой реконструкции», после чего он и «мог бы стать вполне пригодным орудием научных исследований». Основную ошибку, или, как он выразился, «ложь исторического материализма», он усмотрел в неправильном понимании хозяйства как деятельности, служащей исключительно потребности самосохранения, и в разделении общественных потребностей на хозяйственные и нехозяйственные. Не соглашался критик и с пониманием в марксизме отношения между бытием и сознанием, находя, что «общественное бытие есть не только причина, но и продукт сознания». Поэтому то и дело он должен был по- и дополнять теорию Маркса ссылками на других социологов. Особенно много распространялся Туган-Барановский о классовой борьбе, остановившись, между прочим, на отношении марксизма к духовной культуре, этой идеологической надстройке на экономическом базисе. «По отношению, — читаем мы в книге, — к высшим областям духовной деятельности человека — науке, философии, искусству, морали, религии — недостаточность теории классовых интересов очевидна. Научное и философское познание следует своим собственным логическим законам, не имеющим

ничего общего с интересами классов». В том же смысле Туган-Барановский высказался и о религии, морали и искусстве: «Классовый интерес не составляет критерия добра, истины и красоты». И среди социальных движений он различал такие, которые «носят резко классовый характер», и такие, «где последний выражен слабо». Так далеко Туган-Барановский середины первого десятилетия XX в. отошел от Туган-Барановского середины последнего десятилетия XIX в. То же отрицательное отношение он распространил и на Марксову теорию ценности и даже в одном месте выразился так: «Марксизм, конечно, гениален... но, достигая пределов глубины понимания, он достигал и глубины логической безвкусицы, от которой так страдало его великое творение».

К временным марксистам, повернувшим в сторону идеализма, нужно причислить еще философа Бердяева и экономиста Булгакова.

Николай Александрович Бердяев [1874—1948] выступил впервые в 1900 г. в книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», бывшей критикой социологии Михайловского с точки зрения экономического материализма и новокантианства в познавательном отношении. Но этот экономический материализм в его мирозерцании был именно чисто временным и далеко не ортодоксальным, поскольку он пытался в марксизме пополнить его пробелы, не замеченные, по его мнению, правоверными последователями этого учения. Еще в статье «Борьба за идеализм» [Мир Божий. — 1901. — № 6] он признавал за этим учением важное значение для социологии, но постепенно всякое влияние марксизма на Бердяева исчезло и заменилось влиянием религиозной философии Владимира Соловьева. Сергей Николаевич Булгаков [1871—1944] в девяностых годах прошлого столетия написал несколько статей экономического содержания,

в 1901 г. защитил магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие» и был потом профессором политической экономии в Киевском политехническом институте и приват-доцентом в Москве. В чем заключался марксизм Булгакова и как от него он ушел в идеализм, представил собой сборник его статей с характерным названием «От марксизма к идеализму». Позднейшие его труды («Два града. Исследование о природе общественных идеалов», 1911, и «Философия хозяйства», 1912) уже отражали на себе влияние философии В. Соловьева¹⁹.

Почти одновременное появление в печати сборников «На разные темы» Струве, «От марксизма к идеализму» и уже отмечавшихся выше «Проблем идеализма» — очень характерный факт в умственной жизни России первых годов теперешнего века, указывавший на совершившийся в известной части нашего общества поворот к идеализму, относившийся одинаково отрицательно и к позитивизму, и к экономическому материализму. В третьем из названных сборников рядом со статьями Бердяева и Булгакова, а также критиков русской социологии Новгородцева и Кистяковского была помещена статья юриста-философа Е. Н. Трубецкого «К характеристике учения Маркса и Энгельса о значении идей в истории», в которой, между прочим, автор указывал на «неясность основных положений экономического материализма» и ссылался на то, что известный критик этой теории Штаммлер и виднейший его представитель Каутский сошлись во взгляде на него как на мирозерцание, не вполне сложившееся, находящееся еще только в начальной фазе своего развития. Это мнение оказалось более верным, чем мнение Туган-Барановского, думавшего, что это учение было отжившим.

К марксистским писателям этого периода принадлежал еще А. Богданов, философ-экономист²⁰, начав-

ший работать в марксистском направлении, но вызвавший своим «Эмпириомонизмом» резкую критику Плеханова и только что начавшего писать Ленина²¹. Его «Краткий курс экономической науки», благодаря своей общепонятности, получил у нас широкое распространение, вследствие чего в короткое время выдержал несколько изданий. В сущности, это было популярное изложение общественного развития по эпохам, начиная от первобытного коммунизма до социализма, причем каждая эпоха характеризовалась как со стороны ее техники и форм производства и распределения, так и со стороны психологии общества и заключающихся в нем сил дальнейшего развития. Марксистский характер книги был тоже одной из причин ее большой распространенности даже в рабочих кругах, не говоря уже об учащейся молодежи, но более серьезного научного значения она не имела. К Богданову правоверные марксисты отнеслись отрицательно, как к писателю, для которого общество есть система психических взаимодействий и словно не существует природы в качестве объекта человеческого воздействия. Богданов действительно отвергал самую основную посылку экономического материализма, относя к сфере производительного труда не только труд, создающий материальные ценности, но и труд умственный и даже политическую деятельность. В упрек ему было поставлено и то, что даже в технике он видел не вещи, а умение людей известным образом работать. Богданов представлял собой пример тех марксистов, которые, приняв основы учения, его изменяли, отступая от отдельных его пунктов, что заставляло правоверных учеников бороться с ними как с вредными людьми. Богданов в конце концов отринул Марксову теорию ценности, стал объяснять существование общественных классов не отношением их к средствам производства, а к организационному опыту, признал за идеологией

значение организующих форм всей общественной деятельности и ждал осуществления социализма не от революции, а от овладения всеобщей организационной наукой. Весьма естественно, что критики Богданова усмотрели поэтому в его теории «психологизацию марксизма».

VIII. В своих работах об экономическом материализме автор настоящей книги указывал, как мы видели, на то, что экономический материализм должен войти в общий социологический синтез: социологический психологизм был тезисом, исторический материализм явился антитезисом, и должен еще произойти синтез. В этом смысле высказались еще некоторые авторы. Попытку такого синтеза, правда чисто механического, сделал у нас бывший каракозовец Петр Федорович Николаев [1845—1910], написавший в «Русской мысли» статью «Одна из гипотез о сущности исторического процесса», включенную им потом в его книгу «Активный прогресс и исторический материализм» [М.: К. Т. Солдатенков, 1892]. Другую часть этой книги составляло изложение «Динамической социологии» Лестера Уорда, впервые знакомившее русских читателей с данным трудом американского социолога*. Свою задачу по отношению к историологической теории Маркса Николаев определил словами: «изложить развитие, которому может подлежать гипотеза экономического материализма», основания которого он находил крайне неразработанными, а соответствующую литературу — очень бедной. Он даже особенно напирал на то, что эта гипотеза даже мало известна в науке, не то, что можно сказать, например, о дарвинизме. Защищая экономический материализм, оправдывая его основное положение, Николаев, однако, нашел нуж-

* П. Николаев вел даже личную переписку с Л. Уордом на предмет уточнения ряда его теоретических положений.

ным внести в него идеальность. Раз, по его мнению, «интеллектуальные следствия экономической основы выделяются из нее и ведут до значительной степени самостоятельное существование», то эти следствия и «делаются сами важными историческими факторами». Маркс и Энгельс, по предположению автора, «не успели или не сумели сделать такого вывода». Мысль Николаева в том именно и состояла, что из экономического фундамента выделялись политическая и интеллектуальная надстройки, все более делавшиеся сильнее и самостоятельнее. Он чувствовал, однако, что это его рассуждение подрывает саму основу гипотезы, и думал отделаться от упрека в непоследовательности тем, что «в таком диалектическом, вечно текущем процессе, как исторический, основа может изменяться». Это выделение интеллектуального элемента и позволило Николаеву включить в свое понимание и роль личности в истории, воплощающей в себе этот интеллектуальный элемент. Мало того, он настаивал еще на том, что экономический материализм «должен признать роль личности в историческом процессе растущей силой», и указывал на психологию как на науку, которой надлежит выяснять вопрос о роли личности в общественной жизни. Вот в этом-то пункте Николаев и сочтал в одно целое экономический материализм Маркса и Энгельса с активным прогрессом по учению Уорда. По существу дела, Николаевым предлагался синтез экономического материализма с идеями русского этико-социологического направления. Высказался в таком же смысле еще В. Чернов в статье «Типы психического и социального монизма» [Рус. богатство. — 1899. — № 1], так как, аргументировал он, в действительности материальный и идеалистический элементы слиты в одном нераздельном процессе развития, который совершается и по механическому закону, и в силу закона идеала. Это «примирение» экономического материализма и исторического идеализма

Чернов, однако, отнюдь не хотел понимать в смысле «отмежевания» одной от другой двух областей с двумя различными процессами: «Материалистическое воззрение, — пояснял он свою мысль, — нельзя поставить по одну сторону перегородки, а идеалистическое — по другую: их примирение должно заключаться в слитии в одно целое подобно тому, как в органической жизни человека слиты механическая деятельность мозга и сознательная работа мысли и чувства».

Такую же попытку, как Николаев, двумя десятилетиями позже сделал по отношению к учению Уорда молодой юрист А. М. Гвирцман в книге «Социология Уорда и ее отношение к социологическим построениям Маркса» [СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Свобода», 1913]. Книга, написанная запутанно и шероховато, обнаруживала недостаточное знакомство ее автора с прошлым социологии, но тема была логически разработана недурно. Хотя, говорил Гвирцман, социологические взгляды «разбросаны у Маркса отдельными мыслями по разным местам и не были никогда им теоретически доказываемы, ни эмпирически обосновываемы», но все-таки Маркс создал цельную формулу объективного развития, которую Уорд дополнил учением о планомерном воздействии человека и о социальных силах психической природы, явно конструктивное учение, о котором отсутствует у Маркса и его преемников. Эту свою попытку синтеза экономического материализма и социологического психологизма автор сделал, впрочем, довольно робко.

IX. В заключение этой главы остановимся на мнениях об экономическом материализме некоторых русских социологов и историков, именно из тех, о которых речь у нас уже шла выше. Из социологов мы берем Ковалевского, Гальперина и Хвостова²², из историков — Рожкова и Петрушевского.

Как никто, пожалуй, из всех русских социологов особенно чтивший Конта, Ковалевский не преминул отметить, что родоначальники экономического материализма не испытали на себе влияния положительной философии. Далее он не обособлял Маркса и Энгельса резко в особую группу, во-первых, делая рядом с ними первым провозвестником данной идеи Лоренца Штейна, а во-вторых, деля все направление на три отдела, из которых один заключал в себе Лоренца Штейна и Гнейста, другой — Маркса и Энгельса, третий — Лориа, и, в-третьих, признавая родственными этой большой школе экономического материализма «Дюркгейма, Зиммеля и Бугле». Всем этим он как бы умалял оригинальность учения Маркса. А главное — это то, что, по убеждению Ковалевского, «все стороны общественной жизни так тесно влияют друг на друга, что нет никакой возможности признавать первенство ни за одной из них». Отсюда он делал тот вывод, что экономические материалисты повинны в односторонности и упускают из виду, что техника есть прикладное знание, что она развивается в прямой зависимости от вытеснения религии и магии точной наукой и что, таким образом, спор о том, влияют ли изменения в экономике на прогресс умственный или наоборот, — не более как спор о словах. Любопытно и то, что в обзоре социологических систем у Ковалевского эта школа не значилась.

В своем месте у нас уже шла речь о книге Гальперина «Современные социологи» (1903). В ней есть целый критический обзор экономического материализма, включивший в себя и сведения о происходившей у нас по его поводу полемике. Между прочим, здесь же автор дал интересный обзор прений, происходивших об экономическом материализме на съезде Международного института социологии в Париже во время Всемирной выставки 1900 г. Об этом предмете нигде

более на русском языке сказано не было. Совершенно в согласии с тем, что говорилось в русской литературе, на съезде указывалось на полное отсутствие такого труда, где систематически была бы изложена марксистская социология, и вместе с тем была высказана мысль, что эта доктрина не имеет права претендовать на исключительное значение в социологии, будучи лишь особой исторической точкой зрения, методом изыскания, по Келлес-Краузу, с чем согласился и сам Гальперин.

В книге В. М. Хвостова «Теория исторического процесса» [М.: Г. Леман и Плетнев, 1914] тоже был параграф, посвященный экономическому материализму как одной из попыток упростить разнообразие факторов исторического процесса и свести его к единству. Не отрицая важного значения экономических отношений для всего хода истории, признавая, что явления экономических отношений отражаются на всех областях социальной жизни не только в области права, но даже в области философии и искусства, Хвостов, тем не менее, возражал против склонности последователей данного направления отрицать самостоятельное значение за развитием человеческой мысли и чувства. Не находя оснований для сведения всего социального содержания жизни к одной только стороне, он подчеркивал, что «удовлетворение материальных потребностей составляет лишь отрицательное условие, без которого невозможно существование человека, но вовсе не причину, определяющую ход и направление этого развития», и что потому идейное развитие, развитие мысли и чувства, идет независимо «от способов удовлетворения материальных потребностей». Люди заботятся не только о поддержании своего физического состояния, но и о познании окружающего мира и самих себя, независимо от всяких материальных расчетов. Хвостов, однако, был согласен с тем, что в

каждом историческом явлении при внимательном анализе можно найти и экономическую сторону, но из этого для него не вытекало, чтобы экономика являлась единственным основным и самостоятельным фактором.

Мы уже видели, что в числе немногих историков, придававших значение социологии, был Рожков, пришедший притом к мысли об изучении экономической истории как очередной задаче науки. Теперь следует дополнить [это] изложением его отношения к экономическому материализму в самом конце прошлого века, когда была им написана статья «Успехи современной социологии в соотношении с историей» [Образование. — 1898. — № 12], в которой Рожков указывал на то, что это учение еще находится в периоде развития, не представляет еще цельной и законченной системы, что «поэтому между его приверженцами существуют немаловажные разногласия» и что «в последнее время среди марксистов заметна некоторая реакция» против основной идеи этого учения. Особенно важным считал Рожков то, что «в исторических работах нет достаточного практического оправдания теории», да и в удачных случаях экономического объяснения исторических фактов он усматривал только «свидетельства о важности экономического фактора в частных явлениях». Тем не менее Рожков высказывал надежду, что «марксизм должен еще развиваться в будущем», но при этом он полагал, что у марксизма есть «еще одна сторона, подкрепляющая свежую струю в понимании психологического процесса, который совершается в истории», имея в виду не психологию отдельной личности, а коллективную, социальную. Впоследствии Рожков определился как историк-марксист.

Что касается другого русского историка, на которого смотрели как на сторонника исключительно экономического направления в истории, именно Милюкова, то взгляд свой на экономический материализм он

высказал в начале второй части «Очерков по истории русской культуры». Заявляя, что в социологии должен господствовать монизм, он оговаривался, однако, что он не должен сводиться к одному «экономическому фактору», ибо «явления человеческой экономики происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности». Отношения человека к окружающей среде не ограничиваются одной только экономической потребностью. Только за пределами социологического объяснения открывается возможность свести «материальное» и «психическое» к высшему единству, т. е. дать то или иное философское объяснение.

Неоднократно по вопросу об экономическом материализме высказывался и Петрушевский, которого за его, можно сказать, исключительно социально-экономический интерес к истории многие готовы были признавать сторонником этой теории. Вступая на кафедру истории в Варшавском университете, когда еще не улеглась полемика 1895 и следующих годов, он в первой своей лекции, напечатанной в «Образовании» [1898. — № 2] под заглавием «О задаче всеобщей истории как науки», коснулся «спора между историческим идеализмом и историческим, или экономическим, материализмом». На этот спор здесь он взглянул «не более как на спор между двумя и с этой точки зрения метафизическими системами так называемой философии истории, в одинаковой степени ненаучными, не основывающимися на строгом и всестороннем изучении фактов». «Мы здесь имеем дело, — говорил он, — с обломками старых, отживших свой век мировоззрений, постепенно отступивших в глубь истории перед новым научным направлением». Если вообще Петрушевский доказывал, что в первую очередь нужно изучать социальную, а не духовную сторону истории, как более доступную научному учету, то вовсе не думая этим утверждать вопрос о приоритете экономических явлений в самой жизни: материальная и

идейная история являлись равноправными ветвями единой исторической науки.

В разногласии идеалистического и материалистического направлений исторической науки Петрушевский занял, так сказать, нейтральную позицию, хотя и объявил, что второе является значительным шагом вперед по сравнению с первым. Требуя от исторической науки, чтобы она была чужда всякого догматизма, он имел что сказать против обеих теорий. В частности, научный грех исторического материализма он увидел «в чисто метафизическом стремлении свести к одному началу все разнообразие общественных явлений в их историческом развитии», причем «хотя экономия данной эпохи скромно зовется реальным базисом, но в сущности она — такое же творящее начало, как и идея» в противоположном понимании истории. Тем не менее Петрушевский отдал предпочтение историческому материализму как объяснению более простому и понятному и вместе с тем выдвинутому на первый план такие вопросы исторического процесса, которые чрезвычайно важны, но раньше не привлекали к себе надлежащего внимания историков. Мало того, он приписал еще историческому материализму и ту заслугу, что будто бы только он «свел идею с неба», чтобы «видеть в ней продукт общественного процесса», и тем лишил идею «чисто мистической роли простого и творческого абсолюта». Если, таким образом, Петрушевский устанавливал, что «строго научное, истинно социологическое понимание общественного процесса в одинаковой мере далеко от обеих крайностей», то, с другой стороны, он объявлял «здоровой, неумирающей стороной марксистского движения» и «крупной заслугой „экономического материализма“ привлечение к историческому исследованию с чисто социологическими целями материальной стороны исторического процесса и постановку проблемы о генезисе идей как продукта общественного процесса, попытку перевести идеи на язык хозяйственных и социальных отношений, вскрыть

под идеями как под символами интересы составляющих общество социальных групп». Петрушевский даже назвал экономический материализм «настоящей социологической программой», «общей методологической программой», указывающей «путь к социологическому пониманию исторического процесса». Впрочем, тут же Петрушевский высказался мимоходом против тех представителей доктрины, которые, упрощая свое понимание, «нередко доходили до геркулесовых столбов самого наивного схематизма и догматизма»²³.

²³ Отмечаю и еще одну его работу «Право и экономия» во 2-м т. Собр. соч. (1900).

²⁴ [См.:] Клейнбоф Л. Н. И. Зибер. — М.: Книга, 1923].

²⁵ С терминами «народник», «народничество» было немало недоразумений в русской жизни и в русской публицистике. В более тесном и определенном смысле народничеством называлось в публицистике направление, представителями которого были И. И. Каблиц, писавший под псевдонимом Юзов (1848—1893), и В. П. Воронцов, подписывавшийся инициалами В. В. (1847—1918), хотя и очень различные между собой. Ни «Основы народничества» (1882) и другие работы первого, ни «Судьба капитализма в России» (1882) или «Наши направления» второго не имеют социологического интереса, хотя в них и высказываются некоторые общие взгляды на общественное развитие. Статья Каблица «Ум и чувство как факторы прогресса» в свое время (в семидесятых годах) даже пользовалась большим успехом, хотя в конце концов автор стал проповедовать недоверие и пренебрежение к интеллигенции. [См. о них: Кольцов И. Шатание политической мысли // Дело. — 1883. — № 3; Гольцев В. А. Об основных идеях нашего века // Рус. мысль. — 1893. — № 1; Протопопов М. Воинствующее народничество // Там же. — 1893. — № 10; Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Рус. богатство. — 1893. — № 9; Слюпинский А. З. Наши теоретики народничества // Вестн. Европы. — 1893. — № 11.]

²⁶ Одно из таких бурных заседаний произошло в зиму с 1896 на 1897 г. и в Московском университетском обществе, где автор настоящей книги выступил с докладом об экономическом материализме. [Экономический материализм и закономерность социальных явлений // Вопр. философии и психологии. — 1897. — Кн. 36.]

- ⁵ За несколько месяцев до появления в свет этих книг вышла в нескольких десятках экземпляров (гектографированных) еще одна марксистская работа. Это была написанная В. И. Ульяновым (Лениным) первая его работа «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». Она могла быть известной только самому ограниченному кругу тогдашних марксистов. Направление ее было резко антинародническое. Опубликование ее относится только к 1923 г. Эта статья является по времени первой проповедью марксизма в России.
- ⁶ Как о политическом деятеле о нем с социал-демократической точки зрения писали Л. Троцкий и А. Луначарский, как о социологе — Геккер.
- ⁷ Ср. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве (Избр. произведения. — М.: Соцэкгиз, 1926. — Т. 1).
- ⁸ Русской книге Струве предшествовала его немецкая статья «Zur Beurtheilung der Kapitalistischen Entwicklung Russlands» в «Sozial-Politisches Centralblatt» [1893. — № 1. — 2 Okt.], бывшем органом правого крыла германской социал-демократии. Она вызвала возражения Даниельсона и Кривенко в «Русском богатстве» и Воронцова в «Неделе». Последний полемизировал со Струве и позднее («Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм» в «Неделе» за 1994 г., № 47—49).
- ⁹ По воспоминаниям Льва Тихомирова («Плеханов и его друзья», 1925), Плеханов, еще не зная теории Маркса, пришел к заключению, что человеческие отношения зиждятся на экономических основах, и даже полагал, что это его собственная самостоятельная идея, своего рода открытие.
- ¹⁰ Названная выше книга о Воронцове только меньшей своей частью касается экономического материализма. Рецензент «Русской мысли» [1896. — № 4] даже выразил неудовольствие по поводу слишком большой краткости изложения данной теории.
- ¹¹ Под влиянием этих же толков в кружках молодежи написана была статья Ветринского [Чехихина В. Е.] «Модная теория» [Новое слово. — 1894. — № 11], где, однако, Маркс не был назван, а обозначен был только как писатель, причисляемый к левому гегельянству и впервые высказавший гипотезу экономического материализма. См.: Письма марксистов к Н. К. Михайловскому [// Былое. — 1924. — № 23]. Ср. также: Горев Б. Михайловский и марксизм [// Под знаменем марксизма. — 1924. — № 1].
- ¹² Гольцев, так же как и другие полемисты, отвел немало места практическому вопросу об экономическом развитии России, хотя

- и находил, что оба вопроса далеко не связаны между собой неразрывно.
- ¹³ «Вы, — возражал С. Ушаков Гольцеву, — замечаете, что история сложнее, чем это думают экономические материалисты. Я отвечаю вам, теория экономического материализма вовсе не так узка, плоска и одностороння, как это думают ее противники».
- ¹⁴ Гольцев, кроме того, выступал иногда с отчетами из области историко-философской литературы. [См.: Гольцев В. А. Социология на экономической почве // Рус. мир. — 1893. — № 11; Он же. Рец. на кн.: Фудье А. Психология идей — сил // Вопр. философии и психологии. — 1894. — Кн. 24; Он же. Историческая эволюция и психологические законы // Рус. мир. — 1894. — № 7—10]
- ¹⁵ Например, марксист [К.-Т. Ф.] в статье «Базис и надстройка [Экономический материализм]» в журнале «Жизнь» за 1899 г. [№ 1] местами как будто говорил словами Михайловского или пишущего эти строки.
- ¹⁶ Сам Нежданов в своей книге выступил противником экономического материализма. См. первую главу книги под заглавием «Нравственность перед судом экономического материализма», где особенно заметно некоторое влияние на него взглядов Лаврова и Михайловского. Автор взял за исходный пункт книгу Бельтова, т. е. Плеханова, а Лаврова всегда обозначает как «автора истории мысли».
- ¹⁷ Выступал еще против экономического материализма профессор-экономист В. Г. Яроцкий в статье «Односторонняя теория экономического развития» [// Новое слово. — 1896. — № 4], где проводил мысль о том, что исторический процесс состоит из процессов чисто стихийных и вполне сознательных, но главным образом опровергал взгляды марксистов касательно экономического развития. Более полный список всего писавшегося против марксизма см. в 1-м томе «Сочинений» Ленина [2-е изд. — М., 1926. — С. 501—502].
- ¹⁸ См. книгу Плеханова «Критика наших критиков», где он выступил против Струве.
- ¹⁹ В период отхождения от марксизма между Булгаковым и Струве происходил философский спор на страницах «Вопросов философии и психологии» и в «Новом слове» за 1896 и 1897 гг. по вопросам необходимости, закономерности и свободы. Перепечатка их статей в сборниках первого «От марксизма к идеализму» и второго «На разные темы» в 1902 и 1903 гг. Отметим еще,

что против Бердяева и Струве на чисто философской почве вела полемику Л. Аксельрод в статьях, перепечатанных в ее «Философских очерках» (1906) и позднейших изданиях.

- ²⁰ Его главные труды: «Основные моменты исторического взгляда на природу», 1899; «Из психологии общества», 1904; «Эмпириомонизм», 1904—1906; «Наука об общественном сознании», 1914; «Тектология», 1913, 1917, 1922.
- ²¹ См. ниже. Богданова критиковала Л. Аксельрод еще в 1904 г., исполняя обещание, данное Ленину. Еще С. Гониимани [Теория общества и теория классов у Богданова // Под знаменем марксизма. — 1929. — № 12].
- ²² Выступал критиком марксизма еще Гредескул, о чем см. в последней главе.
- ²³ В предыдущем изложении того, как встречен был в России экономический материализм в конце прошлого столетия, я далеко не имел в виду исчерпать всю тогдашнюю литературу и сознательно избегал таких несерьезных писателей, как К. Головин с его книгой «Мужик без прогресса или прогресс без мужика. (К вопросу об экономическом материализме)» (1896), или Б. Глинский, напавший в «Историческом вестнике» [1912. — № 2—12] на экономических материалистов за их непочтительность к людям шестидесятых годов, или еще И. Гофштеттер, автор «Доктрины капитализма» [СПб., 1895]. Отмечу еще, что уже в самом начале в этой полемике принимал участие и совсем еще молодой, начинающий тогда писатель В. И. Ленин, но тогдашние его статьи не могли получить сколько-нибудь широкого распространения.

Глава шестая. Социологическая литература начала XX века

- I. Начало нового периода
- II. Работы Б. Львова, И. А. Давыдова и Н. Катаева. Ю. Делевский. С. И. Солнцева
- III. Два новых социолога: А. С. Звоницкая, Н. Г. Воронов
- IV. К. М. Тахтарев
- V. П. А. Сорокин
- VI. Н. И. Кареев
- VII. «Коллективная рефлексология» В. М. Бехтерева

I. В МОЕЙ КНИГЕ «ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ социологии» были подведены самые общие, но вместе с тем и главные итоги под тем, что сделано было социологией и за границей, и у нас. Старое уходило в прошлое. Начиналось новое. В 1900 г. умер Лавров, в 1904 — Михайловский, в [1910] — Южаков, и в их лице сошли со сцены зачинатели русской социологии. В эти же годы произошел отход легальных марксистов со своей позиции к идеализму, и с этой стороны окон-

чился поход на русскую субъективную школу в социологии, но зато одновременно произошло так называемое возрождение естественного права, тоже отнесшегося неблагоприятно к этой школе. Скоро грянула первая наша революция, и прежний теоретический спор народников и марксистов уступил место политическому разногласию социалистов-революционеров и социал-демократов, рядом с которыми образовалась в редакции «Русского богатства», бывшего органом этико-социологического направления в социологии, группа народных социалистов. Несмотря на начавшуюся скоро реакцию, положение науки и печати сделалось несколько более свободным. Одновременно с освобожденными политическими каторжанами или возвратившимися в Россию эмигрантами вошли в русскую жизнь давно уже от нее оторвавшиеся наши социологи Ковалевский и Де-Роберти, которые даже выступили в роли преподавателей социологии. Вопрос о таком преподавании уже давно назревал, оно даже фактически начиналось под разными псевдонимами (например, вышеназванное «Введение» возникло в связи с университетским курсом исторической методологии). На русском языке открытое преподавание социологии уже велось в Париже, в организованной Ковалевским Высшей русской школе, где лекции по этому предмету читались и самим ее директором, и Де-Роберти, и пишущим эти строки. Когда в 1907 г. психиатр В. М. Бехтерев основал в Петербурге частную высшую школу под названием Психоневрологического института, Ковалевский принял в организации преподавания в ней самое деятельное участие, как бы желая восстановить в новом виде свое парижское начинание, и в число предметов преподавания в институте официально вошла социология, профессорами которой сделались и сам Ковалевский, и Де-Роберти, пригласив себе на подмогу двух ассистентов. Вскоре же за тем

под их редакцией стал выходить сборник «Новые идеи в социологии». Как мы уже видели, именно к этому времени относятся и работы Ковалевского по общим вопросам социологии, которыми раньше он не занимался, предавшись исключительно генетической социологии. Когда умерли сначала Де-Роберти [1915], потом Ковалевский (1916), а между ними Муромцев (1910), в их лице сошли со сцены два старых социолога, деятельность которых началась еще в первые годы существования социологии в России. По смерти Ковалевского образовалось в Петербурге и Социологическое общество его имени, недолго, впрочем, существовавшее. До того времени социологические вопросы могли дебатироваться только в обществах, посвященных другим наукам. Из них больше всех работали в этом направлении Юридическое общество при Московском университете с Муромцевым во главе, редактировавшим «Юридический вестник», и Историческое общество при Петербургском университете с его органом «Историческое обозрение», председателем и редактором которых был автор настоящего исторического очерка.

Большое значение для социологии в России, конечно, имели и обе революции, менее важное — первая, неизмеримо более важное — вторая. Благодаря первой, могла, например, начаться перепечатка некоторых произведений Лаврова, бывших прежде под запретом, могло начаться преподавание социологии, хотя бы и неофициально под названием теории истории. Революцией 1917 г. первые десятилетия текущего века разделяются на два периода, из которых первый характеризуется появлением ряда социологических трудов немарксистского характера, второй — развитием как раз марксистской социологии.

Некоторые социологические труды первого периода XX в. были уже рассмотрены выше, и здесь их оста-

ется только назвать, чтобы представить себе весь социологический актив первого периода. Таковы две книги Ковалевского «Современные социологи» (1905) и «Социология» (1910), книга Де-Роберти «Новая постановка основных вопросов социологии» (1909), «Современная социология» Гальперина, два труда Хвостова «Теория исторического процесса» (1914) и «Социология» (1917), несколько работ Спекторского, среди которых главной была «Проблема социальной физики [в XVII столетии]» (1910, 1917), «Социология» (1910) Шершеневича и некоторые другие. Поэтому для рассмотрения в настоящей главе осталось очень немного, для чего по тем или другим причинам не нашлось места в предыдущих главах. Хотя и был указан 1917 г. как грань между двумя периодами, но собственно в истории русской социологии эту грань приходится отодвинуть на несколько времени вперед, потому что революция не сразу отразилась на судьбах социологии. После шумного успеха экономического материализма в последнем десятилетии прошлого века дальнейшее развитие его у нас приостановилось, а после 1917 г. не сразу возобновилось в сколько-нибудь широких размерах.

■ ■ ● На самом рубеже обоих столетий отметим небольшие книжки Львова и Давыдова, написанные под сильным влиянием экономического материализма, но с большими оговорками, далекими от ортодоксальности, и еще небольшую работу Катаева, уже совсем антимарксистскую.

В 1899 г. появилась в печати оставшаяся в свое время мало замеченной книга Б. Львова «Социальный закон. Опыт введения в социологию» — книга содержания методологического¹. Автор в ней выступал, прежде всего, критиком русской «субъективной школы» (особенно в лице пишущего эти строки) и вообще всех

психологических теорий, отвергнутых им за односторонность, которой, впрочем, в его глазах отличаются и разные другие теории. С другой стороны, он отверг и так называемую «теорию фактов» в смысле «независимых переменных величин», хотя и оговорился в смысле неизбежности, например, расчленения «деятельности человека, превращающей различные ее стороны в разные силы», лишь бы оно «не препятствовало позднему синтезу». Верной признавалась в книге только монистическая позиция, и «устранение главных возражений против социологического монизма» представляло собой одну из задач всего исследования. Б. Львов не особенно подчеркивал марксистский характер своей книги, но она имела именно такой характер и, в частности, носила на себе большое влияние Бельтова (Плеханова). Стоя на точке зрения экономического материализма, он, однако, согласился с его тогдашними критиками (в частности, со мной), что «как чисто теоретическое учение экономический материализм отличается крайней неразработанностью», что «многие его пункты требуют частью подробного обоснования, частью критической проверки», что «теоретики экономического материализма, нередко polemизируя между собой о частностях, слишком редко обращали внимание на критику других социологических учений». И сам Б. Львов счел нужным признать, что учение это «требовало еще руководительной работы над положениями и что многие из его сторонников впадали в крайности». Свой монизм Б. Львов формулировал так: «В основе всех социальных явлений лежит один капитальный факт — коллективный труд людей... Если социология станет наукой, — а она к этому уже очень близка, — то ей придется считаться с фактом, прежде всего, борьбы экономической», возникающей на почве комбинации разделения сил. «Лишь изучение сложных перипетий этой борьбы,

лишь ее отражение в идеях, чувствах, идеалах и сравнительного могущества господствующих, а также нарастающих общественных сил, лишь такое социологическое явление может в настоящее время претендовать на значение социальной науки». Итак, центр тяжести социологии, по Львову, в коллективном труде людей, однако же психологическое взаимодействие он считал делающим «социологию как особую науку, в сущности, излишней» или превращающим ее «лишь в отдел психологии».

Вышедшая в 1900 г. большая брошюра И. Давыдова «Что же такое экономический материализм. Критико-методологический очерк» была написана против Милюкова, незадолго перед тем высказавшегося против сведения всех социальных явлений к одному социологическому фактору [см.: Милюков П. Н. Новая книга по социологии // Мир Божий. — 1899. — № 12], что придало всему изложению автора характер опровержения взглядов Милюкова, которые-де «страдают большой недоказанностью и неопределенностью» и являются взглядами не мониста, каким он себя считает, а «типичного дуалиста». Местами аргументация автора была, скорее, аргументацией человека, не столько возражающего, сколько оправдывающегося. «Мы, — заявлял он, — например, далеко не склонны рассматривать экономию как основную причину исторического процесса. Напротив, по нашему мнению, экономическая структура, производительные силы — это лишь симптом, правда, резкий, выпуклый, но все же не более как симптом развивающегося общественного организма. Мы согласны лишь признать условный, методологический смысл экономической структуры как первичной причины исторического процесса... и отнюдь не считаем возможным ограничиваться анализом одной только экономической структуры». Это Давыдов считал только половиной дела, требуя еще анализа

психологического, при котором «часто приходится оперировать теми или другими психологическими законами». Или еще он нашел нужным оговориться, что, усматривая «полное соответствие между идеологией и экономией», он отнюдь не предпринимает вопроса о том, в какой степени развивались отдельные виды идеологии и т. д. В брошюре вообще то и дело попадаются заявления, начинающиеся словами «Мы далеки от того, чтобы...» и пр. Равным образом очень часто автор заявлял, что он «охотно соглашается» с Милюковым или «охотно повторяет его слова» и даже согласен признать, что «только за пределами социологического объяснения открывается возможность свести материальное и психологическое к высшему единству, находя все-таки недопустимым дуализм» в пределах социологии. И в то же время Давыдов находил нужным «сбросить тот метафизический облик, какой носил и продолжает носить экономический материализм». А на последних двух страницах было сказано: во-первых, «экономические явления — это только одна сторона общественной жизни», и, во-вторых, «мы можем прямо заявить, что мы грешили кое-какими странностями».

Говоря о русских критиках марксистской формулы общественной эволюции, нельзя не отметить небольшой книжки Николая Катаева «К вопросу о теории социального развития» [М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1903]. Особенность точки зрения автора заключалась в том, что в его глазах марксисты являлись «по отношению к исторической действительности утопическими идеалистами», причем русский марксизм казался ему не столько партийной программой, сколько чисто социологическим учением. Сама критика Катаева едва коснулась основных положений марксизма, т. е. учения об экономическом базисе и классовой борьбе, сосредоточившись на исторической проверке схемы Маркса на английской действительности. В на-

стоящее время просто странно читать многие оценки-предсказания Катаева, говорящего даже о «крушении марксизма» и о «развалинах марксизма».

Определенным сторонником «материалистического понимания истории» выступил в книжке под этим заглавием (1907) П. Юшкевич, известный в свое время философский популяризатор. Находя, что «социология в лучшем случае пока еще не наука» и что даже «невозможно создать наряду с многочисленными частными социальными науками еще общую науку об обществе», Юшкевич, однако, встал на точку зрения общей исторической теории, которую и признавал в материалистическом понимании истории, следуя за Марксом и Энгельсом, но толкуя их по-своему. В объяснении исторической закономерности он различает «два основных направления, которые можно назвать психологическим (субъективным) и социологическим (объективным)». В ограниченном смысле первое направление он признал верным: «исторический процесс по существу есть процесс психологический», с таким же правом можно о нем говорить как о процессе биологическом и даже физическом, как «эпизоде совершающемся на земле превращения солнечной энергии». Но «голая психологическая точка зрения, точка зрения личности, ровно ничего не объясняет в общественных явлениях».

В каждом общении возникает новая сила, отличная от его членов и стоящая вне их, над ними, независимая от них, которая и есть предмет социальных наук. Материалистическое понимание истории отсюда и исходит. Если между личностью и социальным процессом происходит взаимодействие, то только на основе социального процесса как первично данного: исходный пункт исследования — «взаимоотношения составляющих общество личностей в различных его формах», в котором главное — его содержание, «его материя», а

не форма. Из разных форм общения Юшкевич выделяет в первую голову производственное, трудовое, со-трудническое, экономическое, составляющее центральное ядро социальной жизни, находящееся в известном отношении к другим видам общественного труда. Однако если психология общества невозможна без существования экономического труда, то и последний без первого существовать не может: «экономический процесс общественного развития и его психологический процесс даны одновременно, протекая параллельными рядами, неразрывно связанными», хотя бы определяющим и был процесс объективный. («Объективный», «социологический», «экономический» у Юшкевича почти синонимы.) Именно отношение психологического процесса к социальному Юшкевич понял как приспособление: применяя термины основы и надстройки, у него вторая не вытекает из первой, не создается первой, а к нему приспособляется. В психике он все-таки признал «особый самостоятельный фактор» в смысле отдельной стороны того же самого процесса. «Сборный» характер имеет у него и понятие производительных сил. Равным образом Юшкевич указывал и на то, что такие элементы культуры, как наука, могут, так сказать, отрываться от экономического труда и приобретать известную самостоятельность. Наконец, в плюс экономическому материализму Юшкевич поставил еще его «глубокий и здоровый оптимистический взгляд на ход развития общества».

В духе своеобразного экономического материализма вышла еще в 1909 г. книга В. Мачинского «О человеческой культуре» с подзаголовком «Эскиз социологии». Определив задачу социологии как задачу «представить человеческую историю в виду закономерного ряда», «найти один общий принцип в бесконечном разнообразии исторических явлений, подметить в них основной процесс», что более напоминает

задачу философии истории, автор этой книги заявлял, что «ближе всего подошел к этой цели марксистский материализм», оговариваясь, однако, о существовании «многих неясностей в основных понятиях этой теории и различных их толкований». Поэтому Мачинский и предпринял свою, как он выразился сам, «попытку несколько иначе (чем другие) формулировать социологический принцип». Именно его прежде всего не удовлетворял взгляд на рост материальных производительных сил как чего-то «самодовлеющего, имманентного общественной жизни», как на «таинственную внутреннюю ее тенденцию», тогда как, по автору, нужно найти его причину, которая, по его мнению, заключается «в промышленной конкуренции, в борьбе предприятий и экономических групп, и на более широкой арене экономической борьбы наций и целых культурных групп, например европейской и азиатской». Далее Мачинский высказал здесь и свое несогласие со сведением истории к одной классовой борьбе, потому что борются в истории еще «такие группировки, как роды, племена, нации, расы и пр. с их групповыми инстинктами самосохранения». Если в этих случаях и обнаруживается влияние классовых различий, то не эти последние определяют, создают все эти столкновения отдельных обществ, причины и следствия которых имеют самостоятельное значение. Например, масса войн не может быть объяснена не только какими-нибудь классовыми интересами, но даже вообще какими-либо экономическими причинами. Мачинский, впрочем, этим вовсе не думал доказывать неверность основных принципов экономического материализма, а только «указать на ограниченность их значения». Если говорят, что «Маркс начинает там, где кончает Дарвин», то этой границы проводить не следует, а нужно идти по пути социологии, которая, начиная с Конта и Спенсера, не отрывает социологии

от биологии. Целый отдел книги был посвящен темам, которые охотно разрабатывались Лавровым, Михайловским, Южаковым², что Мачинский совершенно игнорировал, однако особенно это касается того, что он назвал идейными образованиями (духовная культура, идеология, умственное и художественное творчество). Общий взгляд Мачинского клонился к отказу рассматривать духовную культуру как надстройку над ростом производительных сил и над развитием классовых отношений. Биология и психология вообще играют роль во всем построении Мачинского. Дарвинизм в книге Мачинского был, пожалуй, сильнее марксизма, или, точнее говоря, экономического материализма в его ограничительном толковании. «Жизнь человеческих общин, — сказано у него в одном месте, — движется в общем по законам биологической борьбы и отбора, на почве которых развиваются и все характернейшие черты особенности народов... Если история может сказать: так было, то биология дает основание думать, что так и будет и что это необходимо». Или еще: «Пока живет порода, она будет прогрессировать лишь тем путем, каким движется вся органическая природа. Антагонизмы теперь составляют не только главную причину прогресса, но будут тем же и в доступном нашему взгляду будущем». В книге одна глава даже называется «Биологический принцип как основание идеалов».

Значительное место среди критиков экономического материализма занял Яков Лазаревич Юделевский, [1868—1956], писавший под слегка измененным псевдонимом «Ю. Делевский». В последних годах прошлого столетия он кончил курс на математическом факультете Петербургского университета и, еще будучи студентом, занимался гуманитарными науками, написав даже сочинение, за которое получил серебряную медаль. Бесправное положение евреев в России, — а он

родился в еврейской семье, — заставило его эмигрировать за границу, в Париж, где он еще кончил курс в одной высшей школе и сделался инженером.

В первые годы текущего столетия Ю. Делевский опубликовал несколько статей и брошюр (в издательстве «Труд и борьба»), из которых отметим здесь три: «Диалектика и математика», «Исторический материализм в его логической аргументации» (обе — 1906 г.) и «Экономический материализм и история науки» [СПб., 1907]. Первая представляла собой критику известного выступления Энгельса против Дюринга, две другие ближайшим образом касались социологии. В первой автор критиковал экономический материализм, анализируя его логическую аргументацию, во второй делал то же путем разбора того исторического материала, на который могут опираться сторонники этой доктрины, причем в обеих брошюрах цитировалась большая литература и, в частности, особенно критиковались взгляды Плеханова.

Ю. Делевский исходил из идеи крайней сложности общественной жизни и многочисленности и разнообразия участвующих в ней элементов и факторов, вскрывая и разногласия в понимании основ доктрины экономического материализма у отдельных ее представителей. Для проверки теории с точки зрения объяснения ею исторического материала Ю. Делевский выбрал вопрос об обусловленности развития науки как одной из составных частей надстройки экономическими причинами, т. е. «действительно ли прогресс науки вытекает из требований производства и производительных сил». Критик отвечал на этот вопрос отрицательно, перебрав большое количество фактов из истории разных наук. «Наука, — формулировал он свою мысль, — есть результат многочисленных импульсов, многосложных факторов, разнообразных влияний, которые не могут быть сведены на одну основную силу».

Даже в тех случаях, когда наука возникала на почве удовлетворения практических потребностей, она далеко не всегда служила интересам производства (например, медицина). В числе импульсов, действующих на развитие научного знания, Ю. Делевский указывал и на потребности религиозного культа, и на эстетические побуждения, более же всего на познавательные явления.

Главный социологический труд Ю. Делевского «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории» [СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910] представляла собой систематическое и очень ученое исследование всяких антагонизмов и всякой борьбы, какие только ни встречаются в действительности, т. е. в мертвой или живой природе, в человеческих ли обществах и в их истории, с преобладанием в книге, конечно, этой третьей темы. В книге были рассмотрены всевозможные антагонизмы: [как] расовые и национальные, политические и религиозные, сословные и классовые, так и антагонизмы пола и возраста и т. п. Автор разделил все социологические теории на три большие группы, смотря по тому, кладут ли они во главу угла антагонизм и борьбу, или, наоборот, солидарность, или же и то и другое вместе, в первом же случае установил классификацию по основным признакам тех групп, которые находятся в антагонизме и в борьбе. Здесь Ю. Делевский критиковал экономический материализм, находя прежде всего, что ни Маркс, ни Энгельс «не дали нигде положительного определения термина „класс“» и что, оперируя этим термином, «не держались одних и тех же рамок и ограничений». Затем он поставил еще вопрос, следует ли понимать основной тезис экономического материализма в том смысле, что все содержание истории наполнено только классовой борьбой, и высказал ту мысль, что Маркс и Энгельс хотели указать на классовую борьбу только как на

общее явление, входившее в содержание всей истории как ее неизбежный элемент, хотя у марксистов возобладавало иное понимание, поводы к которому даны были самими учителями. Целый ряд подобных вопросов о теории экономического материализма Ю. Делевский прямо считал открытыми вследствие неясности и недоговоренности ответов, данных на них творцами теории, откуда и происходило несогласное понимание формул Маркса и Энгельса у их комментаторов. Самому автору антагонизмы классовые не казались единственными, а только занимающими некоторое, хотя и очень важное, место в сложной системе социальных антагонизмов. Монизм экономического социализма был отвергнут Ю. Делевским самым решительным образом, ибо, читаем мы в одном месте, «признание постоянства какого-нибудь явления не может служить основанием для признания зависимости от него других явлений, его сопровождающих». Маркс и Энгельс часто говорили об антагонизмах расовых, национальных, половых и возрастных, постоянно отделяя их от классовых. Оспаривая марксистов, Ю. Делевский нередко противопоставлял их взгляды взглядам самих родоначальников экономического материализма. Особенно же он выдвигал вперед то обстоятельство, что в борьбе между группами людей, кроме общности интересов, действует еще также и общность признаков, объединяющих их расы, нации, вероисповедания и т. п., и что, например, национальные или религиозные признаки иногда господствуют над сознанием, чувствами и стремлениями людей до полного пожертвования с их стороны своими материальными интересами, до полного совершения действий, противных их классовому положению и классовому интересу.

В «Социальных антагонизмах» была исследована только одна сторона общественной жизни, бывшая темой прежних социологов-дарвинистов и современ-

ных социологов-марксистов. Социологи-органисты выдвигали на первый план явления солидарности, связи, единства, которые играют роль и в соображениях психологической школы, ищущей в психологическом взаимодействии людей, в их эмоциях, в подражании друг другу, в общественном инстинкте, в альтруизме, в сознании своей связи с другими людьми то, что соединяет людей в обществе и без чего не могло бы существовать самое сотрудничество между ними на почве материальных интересов. В своей книге Ю. Делевский отметил и относительный характер социальных антагонизмов, могущих ликвидироваться путем соглашений: «Относительный антагонизм ассоциируется всегда с относительной солидарностью: он действует в смысле раздробления сил и сознания и примирения противоположностей. Социальные силы объединяются или разъединяются в зависимости от того, берет ли верх относительная солидарность социальных групп над их относительным антагонизмом или же, напротив того, относительный антагонизм их берет верх над их относительной солидарностью». Этой стороной своего учения Ю. Делевский примыкал к Лаврову и Южакову.

На тему, близкую к теме Ю. Делевского, через весьма непродолжительное время вышла еще книга профессора Томского университета Сергея Ивановича Солнцева [1872—1936], впоследствии профессора и (с 1929 г.) академика по кафедре политической экономии. Этот труд, носящий название «Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения», представлял собой докторскую диссертацию. Вышедший в свет в дни революции, он прошел малозамеченным в нашей литературе, но все-таки скоро разошелся и потребовал второго издания, вышедшего почти без перемен в 1923 г. В этом своем исследовании Солнцев самым решитель-

ным образом встал на сторону, как он его назвал, «социального метода», пришедшего на смену «индивидуалистической точке зрения» в исследовании социальных явлений. «Если, — заявил он в самом же начале труда, — индивидуалистический метод исходил из индивида, его интересов, мотивов его поведения, то социальный метод, наоборот, исходит при исследовании и объяснении социальных явлений из общества и составляющих его социальных групп». По определению Солнцева, представители первого базируются на индивидуальной психологии человеческой личности как основном элементе общества, — причем он почему-то умалчал о существовании социальной, или коллективной, психологии, — тогда как представители второго метода основывают все свои построения «на анализе общественной структуры в ее целом и, главным образом, на анализе общественных групп, их сталкивающихся интересов, их антагонизма, их борьбы». Это метод школы экономического материализма, к основоположникам которого Солнцев отнес кроме Маркса и Энгельса еще и Родбертуса. Считая невозможным при исследовании социальной жизни исходить от индивида, столько же невозможным он признал «исходить от общества как какого-либо органического целого», которое приходится «различать на сплоченные общением и взаимоотношением типические общественные группы, классы, различные по своим интересам». Такова общая постановка об общественных классах, в которых автор и увидел «простейшие и основные элементы общества, являющиеся исходными при изучении социальных явлений».

Первая половина книги Солнцева была отведена на историческое изложение важнейших моментов в развитии идей общественных классов у французских писателей XVIII в. и у французских же историков эпохи Реставрации и социалистов-утопистов, у англий-

ских социалистов и их предшественников и у современных социологов, причем из русских был взят Ковалевский и совершенно пропущен почему-то Ю. Делевский. Подведение итогов под большим разнообразием множества имен, рассмотренных в первой части, привело Солнцева к необходимости их классификации. Как марксист, он, конечно, должен был тяготеть к монизму и во всяком сведении классового расчленения к ряду различных основ видеть достойный порицания эклектизм, «которому вообще не свойственно сводить теорию к одному началу, и только то обстоятельство, что эклектики» обычно отдают одной какой-либо из своих основ предпочтение, выдвигая ее «на первое место», и позволило исследователю вопроса классифицировать все эти учения. Именно он разделил все их учения на неэкономической основе, учения на смешанной основе и учения на экономической основе с внутренними подразделениями каждой категории еще на второстепенные группы. Обзор этих групп привел Солнцева прежде всего к тому выводу, что все теории общественных классов, исходящие из основ неэкономического или не чисто экономического характера, были далеко не удовлетворительны, и именно потому, что отпавлялись от основ неэкономических. Много более научными знал он теории, опирающиеся на экономическую основу с подразделением их на распределительные и производственные, с подразделением первых на теории на основе размеров дохода или богатства и на основе источников дохода. Однако и обе эти группы, во вторую из которых попали из русских теоретиков В. Чернов и Туган-Барановский, были признаны неверными в сравнении с производственными теориями, «выразительницей которых является школа марксизма». Но все-таки большинству ее сторонников Солнцев сделал тот упрек, что обычно они не шли далее «кратких определений понятия класса и уста-

новления общей базы классовообразования», что вообще они мало пытались «дать более или менее развитое учение о социальных классах». В частности, здесь была дана критика теории Богданова. «Наиболее полное и богатое по своим идеям учение об общественных классах, построенное на производственной основе», он нашел у самих Маркса и Энгельса, хотя первый из них «никогда не подвергал вопроса о классах специальному исследованию и изложению» и даже пользовался термином «класс» в различных смыслах, а второй, во многом дополняя первого, тоже оставил многие пункты теории «неразвитыми и неразрешенными». Марксом и Энгельсом только положено «прочное начало науки о классах и классовом строении общества», в которой все-таки автор находил многое «неясным и неразработанным».

На этом выводе кончалась книга Солнцева в первом ее издании. Ко второму он прибавил небольшое заключение о классовом строении, классовом размещении конкретного живого населения капиталистических обществ, но это заключение не дало ничего нового, а только послужило поводом еще раз подчеркнуть общий вывод: «Теоретическая разработка проблем классов далеко еще не достигла до высоты своего развития», так как сама проблема «едва лишь намечена в своих основных положениях, едва лишь поставлена более или менее определенно». В дальнейшем Солнцев указывал на необходимость специальных монографических исследований, особенно в области исторического анализа, между прочим полагая, что классы нужно изучать в их развитом виде, в каком они выступают лишь в капиталистическом обществе, так как только после выяснения их природы в этом развитом виде может быть «понята докапиталистическая классовая жизнь и классовая структура общества».

Обе только что рассмотренные книги, относящиеся к эпохе между двумя русскими революциями, малой и великой, стояли на диаметрально противоположных точках зрения. Насколько «Общественные классы» Солнцева были проникнуты монистической тенденцией, настолько «Социальные антагонизмы» Ю. Делевского были, наоборот, плюралистичны или, как выразился бы Солнцев, отличались эклектизмом. Последний стал на точку зрения экономического материализма, с которой первый не соглашался. Тем не менее оба сходились на признании классовой теории общества, недостаточно разработанной у самих ее творцов, что, конечно, намечало путь дальнейшей разработки проблем социальных антагонизмов. Мы видели, что Ю. Делевский ставил еще вопрос о том, что же при существовании социальных антагонизмов все-таки связывает каждое общество воедино. Старая русская социология, особенно в лице Лаврова, говорившего о «солидарности», очень сильно интересовалась этим вопросом, который, как мы сейчас увидим, был выдвинут тремя новыми русскими социологами: А. Звоницкой, первой женщиной, выступившей на этом поприще, Тахтаревым и Сорокиным. Против сведения истории к одной классовой борьбе высказался еще В. Дионео [И. В. Шкловский] в брошюре «О двоякой форме борьбы за существование в истории» [Пг.: «Колос», 1919], противопоставив классовой борьбе борьбу национальную в смысле как международной в политическом смысле, так и междуплеменной, или расовой.

■■■ ● «Опыт теоретической социологии» А. Звоницкой [1897—1942], первый том которого вышел в 1914 г., был задуман автором в виде четырехтомного трактата, оставшегося, однако, неосуществленным, как и многое другое, предпринимавшееся перед началом

войны. Эта книга, как на то указывал уже сам ее подзаголовок, была посвящена рассмотрению «социальной связи», т. е. вопросам о том, что такое общественность и общество, каковы биологические предпосылки социальной связи, их природа, преемственность, разрывы, восстановления, границы. Звоницкая примкнула к психологическому направлению (Тарда и Болдуина), положив в основу общественности биологическое явление бессознательной подражательности, на почве которой возникает путем взаимодействия отдельных членов то, что автор называет заимствованным у Болдуина термином «эективация содержания сознания», приобретенного во взаимном подражании. Другими словами, отдельные люди испытывают влияния своей психической среды, преломляют их в своем сознании и приписывают то же содержание сознания и другим, «эективируют» сходство своих свойств и своего поведения вне себя. На этом-то принципе Звоницкая и построила ряд соображений о связи, преемственности и разрыве общения, равно как рассмотрение вопроса об отношении между «эективацией» и теми императивами, которыми регулируются взаимные отношения членов общества. Таким образом, труд был задуман в духе чисто психологического направления, с которым сочетается и более социологическое направление Де-Роберти. Звоницкая отнеслась с полным сочувствием к возвращению социологии на ее старое место, непосредственно после биологии, хотя и оговаривалась о возможности построения научной теории на принципе более широком, нежели социальная связь, именно на принципе психологического взаимодействия.

Де-Роберти оказался, кроме мимоходом упомянутого Ковалевского, единственным русским социологом, на которого при всей вообще своей начитанности ссылалась Звоницкая, хотя и находила поводы назвать ряд имен русских экономистов и ссылаться на таких русских юристов, как Шершеневич, Муромцев, Влади-

мирский-Буданов, Таганцев, Кистяковский и др., и это несмотря на то, что принципиальные вопросы, которым она посвятила свое исследование, ставились и решались в русской социологии за целые десятилетия перед тем и даже нередко раньше возникновения их на Западе.

В одном году с книгой Звоницкой вышла в свет еще одна небольшая книжка Н. Г. Воронова «Основания социологии». Автор ее ранее уже выступал в печати с историко-философскими брошюрами³, в названной же книжке поставил себе очень скромную задачу. Ввиду того, что, как он сам выразился, «нельзя жалеть труда, который затрачивается на изучение общественных явлений», он, автор «Оснований социологии», тоже «решился внести свою лепту» в науку, их изучающую, «несмотря, — оговорился он, — на существовавшие уже прекрасные работы по социологии». Выражая надежду, что ему удалось хотя несколько осветить эту область со своей точки зрения, он, однако, сам эту точку зрения как руководящую мысль своей работы не выяснил, и от чтения работы получается некоторое расплывчатое впечатление. По-видимому, Воронов и не был особенно много начитан в социологической литературе⁴.

IV. В эти же десятилетия выступили со своими работами два социолога, между которыми было немало общего, К. М. Тахтарев и П. А. Сорокин. Общим между ними было то, что, во-первых, оба они специализировались в социологии. До них эта наука была у нас, так сказать, добавочным предметом занятий для представителей разных других специальностей, их, как определяют немцы, *Nebenfach*'ом*, что не позволяло им

* Побочный, второстепенный предмет занятий — нем.

отдаваться одной социологии и следить надлежащим образом за чрезвычайно богатым развитием социологической литературы на Западе и в Америке. Тахтарев и Сорокин сосредоточили всю свою умственную работу на одном этом предмете. Далее они сделались одними из первых преподавателей социологии, когда в Петербурге открылся Психоневрологический институт, в котором стала преподаваться социология, а два ее талантливых профессора — Ковалевский и Де-Роберти — взяли к себе в ассистенты и Сорокина, и Тахтарева, сделавшихся впоследствии преемниками обоих после их смерти. Когда это учебное заведение слилось с университетом, оба новые социолога вошли и в состав университетских профессоров и оба пожелали получить и ученую степень по социологии для правомерного по тогдашнему уставу занятия кафедры. Еще до того, когда по смерти Ковалевского в Петербурге образовалось Социологическое общество, посвященное его памяти, опять-таки оба приняли деятельное участие и в составе членов его президиума. Общество, впрочем, оказалось недолговечным, да и сами социологи скоро сошли со сцены: Сорокин эмигрировал в Северную Америку, где сделался профессором, Тахтарев, тогда на время уезжавший в Англию, вскоре после возвращения оттуда скончался. Таковы были внешние обстоятельства жизни Тахтарева и Сорокина. Но дальше можно сказать еще, что, начавшие социологические занятия под влиянием и даже под прямым руководством Ковалевского и Де-Роберти, стоявших, как мы видели в своем месте, очень далеко от русской социологии, как Тахтарев, вдобавок учившийся в Брюсселе, так и Сорокин, никоим образом не примыкали к традициям последней и не испытывали ее влияния. С западной социологией зато оба были знакомы хорошо, особенно же важно было то, что они широко — Сорокин больше, Тахтарев меньше — познако-

мились с североамериканской социологией, бывшей у нас сравнительно малоизвестной¹, и с итальянской, уже совершенно неведомой. Специализировавшись на социологии и ставши ее преподавателями в высшей школе, оба должны были выработать свои общие курсы, а это не могло не поставить перед ними задачи систематизации социологического знания и самостоятельного пересмотра всех основных вопросов науки. И Тахтарев, и Сорокин были авторами книг, имевших характер систематических построений данной науки, причем ни тот ни другой из них не примкнули ни к какому очень определенному направлению. Ковалевский, пожалуй, еще оказал влияние на Тахтарева, занявшегося генетической социологией, а Сорокин отнесся к ней даже несколько пренебрежительно, что же касается биосоциальной точки зрения Де-Роберти, то она совсем не была усвоена ни одним из его преемников на социологической кафедре. Соответственно преобладавшей еще с конца XIX в. психологической ориентации социологии, оба названных специалиста, хотя и не без сильных оговорок, держались той же ориентации. Ни тот ни другой поэтому не встали на точку зрения экономического материализма. Сорокин, бывший в партийном отношении социалистом-революционером, марксистскому монизму резко противопоставлял свой плюрализм. Тахтарев, определившийся партийно как социал-демократ, тоже высказался против марксистского монизма. Наконец, интересно еще, что оба они выдвинули вперед проблему строния общества в то время, когда прежде на первом плане стояла проблема его развития. Вот все, что сближало обоих новых социологов, в других же отношениях они были довольно различны. Сорокин был талантливее и оригинальнее Тахтарева, но его способность увлекаться недостаточно проверенными соображениями заставляла его нередко высказывать самые парадоксальные

вещи и часто еще противоречить самому себе. На всей его работе лежал отпечаток торопливости. У Тахтарева не было этих недостатков Сорокина, но были заметные дефекты и в общем его образовании, и в отношении как его логичности мышления, так и точности в изложении мысли.

Преподавание Тахтаревым и Сорокиным в Психоневрологическом институте, основанном В. М. Бехтеревым, который был и его директором, поставило и Тахтарева, и Сорокина в более близкие отношения к этому психиатру, занимавшемуся вопросами рефлексологии и даже выпустившему уже в 1921 г. целую «Коллективную рефлексологию». Бехтерев оказал влияние, несомненно, на Сорокина, увлекшегося идеей изучать самым объективным образом поведение человека без обращения к внутренним его переживаниям, и можно, с другой стороны, предположить, что и Бехтерев не без влияния со стороны Сорокина задался мыслью не ограничиваться изучением поведения отдельных людей с рефлексологической точки зрения, но и создать коллективную рефлексологию. Хотя оба новых социолога испытали на себе влияние новейшей американской социологии, сосредоточившей внимание на волевой стороне человеческой психики, на поведении (behaviour) людей, откуда выросло целое направление социологии, известное под именем «бихевиоризма», однако только Сорокин встал на рефлексологическую точку зрения Бехтерева (между прочим, в присутствии его самого обсуждавшуюся в собраниях Социологического общества), что отнюдь не послужило на пользу его социологической теории.

Константин Михайлович Тахтарев [1871—1925] начал свою жизненную карьеру на поприще политической деятельности как социал-демократический пропагандист и агитатор, но, попав за границу, где в Брюссельском Новом университете слушал лекции по со-

циологии (Г. Де-Греефа, Е. Де-Роберти, М. Ковалевского), так увлекся этой наукой, что решил посвятить себя исключительно научной деятельности, действительно отстав совершенно от политики. Основание Психоневрологического института и учреждение в нем кафедры социологии открыло перед Тахтаревым, благодаря содействию М. Ковалевского и Де-Роберти, дорогу преподавания этого предмета сначала в институте, а потом в университете. Первое выступление Тахтарева в чисто социологической литературе, его книжка «Социология как наука», была из неудачных⁶, но в скором времени последующие его труды исправили первое неблагоприятное впечатление, произведенное его книжкой. Свое высшее образование Тахтарев начинал было в Медицинской академии, а учась потом за границей, не позаботился пополнить пробелы своего исторического и философского образования, очень бросавшиеся в глаза при чтении его трудов. Тахтареву принадлежал ряд трудов по социологии на протяжении двух десятилетий. Сначала это были работы по генетической социологии: «Первобытное общество» (1903) и «Очерки по истории первобытной культуры» (1907), кроме еще сгоревшей в типографии в 1905 г. книги «Основные ступени развития общества». Потом он напечатал в марксистском «Современном мире» (1910) статью «Главнейшее направление в развитии социологии», пока через несколько лет не напечатал уже упомянутого чисто методического рассуждения «Социология как наука» (1916). После революции, в 1918 г., вышли две книги Тахтарева «Общество и государство и закон борьбы классов» и «Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, системы и методы». На все эти публикации можно смотреть как на подготовительные этюды к изданному Тахтаревым в [1919 г.] большому труду с длинным заглавием «Наука об общественной жизни,

ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии». После этой книги ее автор издал еще первую часть еще одного труда, о котором сказано будет дальше. В своей «Науке об общественной жизни» Тахтарев поставил себе задачу «свести в одно стройное целое все то, чему его научил его долгий научный жизненный опыт, многолетнее изучение им общественной жизни и занятие социологией». Как и многие другие социологи, он жаловался на неустановленность и произвольность понимания социологии, чему, указывая он, должен быть положен конец принятием «какой-либо определенной системы», и даже сам предложил ее в приложении к книге подробной программы курса социологии, читанного им в Петербургском университете в 1920—1921 гг. Самый труд свой Тахтарев намерен был представить в университет как диссертацию на ученую степень, но ученых степеней уже более не существовало, и ему пришлось удовольствоваться простым публичным обсуждением книги в клубе ученых.

Книга была посвящена не проблеме научного исследования общества, как то было в прежних работах Тахтарева, а самому обществу, анализу его жизни и ее основных явлений в их закономерности. Свой предмет он изложил не только догматически, но и критически, с постоянными ссылками на старую и новую литературу, в которой не пропустил и русской литературы, как это было им сделано в «Социологии как науке». К сожалению, в этой книжке, как и в предыдущей, у Тахтарева было немало неверностей вроде, например, утверждения, что «классовая теория Маркса сложилась под сильным влиянием биологической теории Дарвина о борьбе за существование как основном явлении общественной жизни». Исторические

сведения, в ней сообщавшиеся, нередко грешили такими неверностями.

Тахтарев предпочитал считать социологию наукой не об обществе, а об общественной жизни, потому что последнее понятие шире первого, хотя, в конце концов, это был, скорее, спор о словах, чем о самом деле. Беря общественную жизнь «в целостности соотношений ее явлений», он находил, что и метод данной науки должен был быть «соотносительным», нигде, однако, не дав этому методу определения, а указав лишь на то, что должно заключаться в понимании и установлении действительного соотношения социальных явлений. Результатом применения этого метода должно было явиться превращение социологии в естественную науку «на ее собственной, чисто социологической основе», а не на основе биологии и психологии. Если, по Тахтареву, жизнь людей вообще заключается в удовлетворении ими своих потребностей, то в общественной жизни оно совершается сообща, путем общественного сотрудничества или трудового общения — мысль, близко подводящая автора к марксизму, но дальше он пошел своим путем, и, различив понятия простого сожития и именно общежития и определив отдельного человека как сообщественника, он выставил тезис, что люди участвуют в общественной жизни не только сообща, группами, но и в одиночку, чем резко отделил себя от социологов, элиминирующих из науки понятие личности, в том числе, значит, и марксистов.

Еще более отделился он от экономического материализма, признав, что за основу общественной жизни нужно принять не одну экономику, но и психику. Если, разъясняя он свою точку зрения, «основным и первичным деятелем всей жизни людей является их стремление удовлетворить свои потребности», то нет основания приписывать одним из них более основное

и более первичное значение, чем другим. Вообще, везде, где Тахтарев упоминал об экономическом материализме, он указывал и на недостаточную разработанность этой теории самим ее творцом.

Тахтарев решительно отвергал все определения общества, дававшиеся «самыми выдающимися общественными мыслителями и социологами», сделав исключение для одного только Аристотеля, хотя и у него нашел некоторые пробелы. Благодаря этому, под понятием общества у Тахтарева мыслилось, главным образом, государство с предшествовавшими ему формами общежития. Для него обществом являлось «самодостаточное сожитие людей, сознающих свое общественное единство, проявляющееся в их самодостаточном общении с целью всестороннего обеспечения жизни», причем простейшую форму такого общества он усматривал в обществе племенном, более сложные — в обществе родовом, территориально-племенном, феодальном и сословном, высшую же — в обществе политическом. Самый термин «самодостаточность» Тахтарев заимствовал у греческого философа, «автаркию» которого, однако, ошибочно назвал «автархией». Исходя из этого понятия самодовления, он поставил далее вопрос о том, что же лежит в основе всякого самодостаточного сожития людей, и дал на это тот ответ, что «настоящей основой такого общества служит сотрудничество, достаточное для обеспечения всех их жизненных потребностей и стремлений к более совершенной жизни» и само «лежащее в основе их общественной связи или социальной солидарности, которая всегда и всюду является плодом общежития людей». Большие оригинальности Тахтарев проявил в том отделе своей книги, где рассмотрел вопросы о расслоении общества и о его строении. Первое он выводил из фактических неравенств, которые на различных ступенях развития могут быть

весьма различными, но если на высших ступенях самую важную роль играет неравенство экономическое, то классовое образование, по мнению Тахтарева, все-таки не может быть объяснено исключительно производственными отношениями. По одному вопросу, близкому к проблеме, именно о силах, действующих в общественной жизни, он примкнул к американскому социологу Артуру Бентли, стоявшему за групповое истолкование общественной жизни как особого метода, против взгляда своего соотечественника Лестера Уорда, думавшего видеть общественные силы в индивидуальных желаниях и стремлениях людей. Вместе с Бентли Тахтарев не видел в экономике исключительную основу общественных групп и, кроме того, в число таких групп для своего рассмотрения принимал и группы временные, проходящие. Силу каждой такой группы он полагал, во-первых, в самих составляющих ее людях, в их количестве и качествах, в их объединенности и организованности, а во-вторых, в их материальных средствах, в способах деятельности, имеющих в их распоряжении. Особую силу получают те группы, которые действуют на общественную власть, хотя бы в форме давления общественного мнения. Вопреки, однако, своему заявлению, что в общественной жизни люди действуют не только сообща, но и в одиночку, он как-то не сумел дать вопросу решения в смысле признания роли личности.

Нельзя, впрочем, сказать, чтобы вопрос о положении личности в обществе совсем не занимал Тахтарева. Установив свою схему социальной эволюции с принятием в ней пяти ступеней (общество тотемическое, родовое, территориально-общинное, феодально-сословное и классовое), он задался вопросом о положении личности на каждой из этих ступеней, принимая в расчет большее или меньшее поглощение личности общественностью и большее или меньшее дифференци-

рование общественных положений личностей. Тахтарев признал правыми, но в каждом случае только наполовину, и социалистов, говорящих о все большем и большем обобществлении, и анархистов, говорящих о все большем развитии индивидуализма. По его мнению, оба явления совершаются одновременно и в самой строгой зависимости одно от другого. Притом самое это движение общества Тахтарев понимал не только как эволюцию, но и как прогресс, отличая последний от первой как процесс творческой деятельности человека, имеющий искусственный характер и состоящий в открытиях и изобретениях.

По работам Тахтарева легко проследить, как развивались и изменялись многие его мысли, да и сам он признавался, что уже по напечатании его книги многое в ней он переделал бы. Вероятно, это и заставило его приложить к ней программу своего курса, дополняющую ее очень насыщенными суммариями целого ряда отделов о явлениях общения, разобщения, группировок, взаимопомощи и жизни за счет других, борьбы и соглашений, творчества и поступательного хода общественной жизни, эволюции, революции, прогресса и т. д.⁷

Последними вышедшими в свет социологическими трудами Тахтарева были «Общество и его механизм» (1922) и первая часть «Сравнительной истории развития человеческого общества и общественных форм» (1924), в которой вслед за историческим очерком изучения генетической социологии рассмотрены были тотемическое и родовое общество. В только что указанном очерке очень много места было отведено учению Маркса, которое было названо там «экономическим направлением в социологии», в частности «создавшим новое особое направление в генетической социологии», и «весьма существенным и необходимым дополнением эволюционного учения». Таким образом, бывший со-

циал-демократ и, значит, марксист, Тахтарев здесь уже не выделял экономический материализм из ряда других социологических доктрин, входивших в его научный синтез.

В. Пителир Александрович Сорокин [1889—1968], по образованию юрист, начал свою литературную деятельность с объемистой книги с длинным названием «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», причем книге было предпослано лестное предисловие М. Ковалевского. Это было действительно социологическое, а не юридико-догматическое исследование, в котором социальное явление было определено как психическое взаимодействие индивидов, реализуемое в актах их поведения, причем автор не избежал некоторого влияния со стороны Петражицкого, бывшего его учителя по университету. Русская социологическая литература совершенно не была использована Сорокиным, что было отмечено одним из его рецензентов (А. А. Гизетти в газете «День» [1913. — № 313]), указавшим на наличие в книге молодого социолога многих идей, высказанных раньше Лавровым и Михайловским. («Когда же мы, — восклицал по этому поводу рецензент, — научимся ценить своих крупных людей, основателей социологии в России?») Другой рецензент (Н. Кондратьев в «Научном историческом журнале» [1914. — № 3]) упрекнул автора в том, что он «напрасно упустил из виду сферу экономической жизни». Эти два замечания определили отношение к книге двух наших социологических направлений. Затем Сорокин выступил с программной статьей в первом выпуске «Новых идей социологии», где, между прочим, вслед за Де-Роберти, с которым преподавал социологию в Психоневрологическом ин-

ституте, отказал социологии в месте между биологией и психологией, хотя и определял область социологии как «совокупности процессов взаимодействия, обладающих психической природой». Но, следуя в этом отношении Де-Роберти, он не впал в его односторонность, гораздо шире, нежели он, взглянув на взаимные отношения психического и социального.

В 1920 г. Сорокин издал два больших тома своей «Системы социологии» с подзаголовком «Социальная аналитика», которые должны были иметь, по его замыслу, продолжение в еще целых шести томах. Из этих двух первых томов он думал сделать свою магистерскую диссертацию*, но так как официальные защиты диссертаций к тому времени были отменены, то был устроен в университете же неофициальный диспут, одним из оппонентов на котором выступал и пишущий эти строки⁵. Это был первый академический диспут прямо по социологии, и на нем пришлось отметить ряд недостатков книги: размашистость ее изложения, делавшая ее чрезвычайно пухлой, ненужность публицистических отступлений заorno-полемиического характера, парадоксальность некоторых утверждений, плохую местами осведомленность автора в старой социологической литературе с пренебрежительным отношением к русской при большой эрудиции в литературе новейшей иностранной и др. Стоя решительно на плюралистической точке зрения, т. е. не сводя общественные взгляды к одному какому-либо источнику, Сорокин в этой своей диссертации все-таки более всего примыкал к направлению психологическому. На обе биологические ориентации и даже на экономический материализм он смотрел как на давно преодоленные. Хотя книга и была посвящена памяти «учителей»

* Кареев ошибается — в качестве магистерской диссертации Сорокин планировал весной 1917 г. защитить свою работу 1913 г. «Преступление и кара».

автора, Ковалевского и Де-Роберти, сам он, в сущности, не примыкал в своих теоретических воззрениях ни к тому ни к другому, хотя со вторым у него было больше точек соприкосновения, в сущности же, Сорокин явился последователем американских социологов, обогатив русскую социологическую литературу ее данными и выводами. Это влияние американской социологии на Сорокина видно было уже из определения им социологии как «науки о поведении взаимодействующих людей и его результатах».

Таким заявлением Сорокин прямо вводил в русскую социологию остававшийся ей чуждым «бихевиоризм», но, становясь, следовательно, на психологическую точку зрения, Сорокин сам стремился устранить из своей науки, как было уже упомянуто, субъективную психологию, чтобы заменить ее чисто объективной рефлексологией. Он прямо находил в подведомственной науке только высшие акты людского взаимодействия без внутренних переживаний, оговариваясь, однако, что для такого исключительно объективного изучения еще не наступило время. И на самом деле в этой книге он не воздерживался от того, что сам называл «загрязнением» социологии психологией, защищая себя от упрека в непоследовательности ссылкой на то, что это пока неизбежно. Из определения, данного им социологии, вытекало, что она должна изучать не только акты человеческого взаимодействия, но и «явления, возникающие из этого процесса взаимодействия». Если взаимодействие между индивидами Сорокин признавал за простейшее социальное явление, то в каждом из них он различал, во-первых, самих индивидов, во-вторых, их акты, в-третьих, то, что он называл проводниками, передающими психическую энергию от индивида к индивиду. Этот анализ был проведен очень тонко, так что автор явился здесь инициатором более детального изучения людского взаи-

модействия, как ни странно были некоторые его сравнения вроде, например, чуть не отождествления с граммофонами, в которые вкладываются извне поочередно разные пластинки.

Дальнейшим шагом Сорокина было признание этого взаимодействия «единственным основанием для образования всякого реального коллективного единства» и, следовательно, того, что мы называем обществом, как коллективной реальности, имеющей ряд свойств, явлений и процессов, каких нет и быть не может в простой сумме изолированных индивидов. Связи между людьми возникают на почве всевозможных их потребностей, среди которых Сорокин отвел важное место потребности в «общении с себе подобными, в психическом обмене идеями, чувствами, волнениями» — точка зрения, очень напоминающая взгляд Лаврова на тот же предмет. Тут-то особенно проявилось плюралистическое воззрение Сорокина, заставившее его стать в оппозицию по отношению к монизму своего учителя Де-Роберти. Интересны были в «Системе социологии» и соображения о шаблонизации и организации постоянных связей между людьми в обществе.

Ни в одном русском труде по социологии до книги Сорокина не было столь тонкого и глубокого анализа простейшего социального явления, каковое он усматривал в межиндивидуальном взаимодействии. Но он пошел и дальше, сделав предметом такого же анализа взаимодействия групповые. Всякое общество, или «население», как иногда предпочитал выражаться Сорокин, распадается не прямо на индивиды, а на то или другое количество коллективных единств, распадающихся на индивиды, причем, однако, один и тот же индивид может принадлежать не к одной, а к ряду реальных совокупностей. С этой стороны автор отверг

старый социологический взгляд на некоторое «единое общество», противопоставляемое личности. Понятие такого общества он заменил представлением о множестве обществ, или систем взаимодействия, но и эти группы он разделил на элементарные, на кумулятивные и на сложные социальные, подразделив их еще на разные роды и виды. Особо важным был его анализ понятия класса как «кумуляции» трех основных группировок: 1) профессиональной, 2) имущественной, 3) объемно-правовой, как и понятие нации в смысле кумуляции территориально-языковых государственных (или стремящихся сделаться государственными) групп.

Группы элементарные и кумулятивные — это только первые два этажа, по отношению к которым третьим являлось население земного ли шара, отдельных ли государств или обособленных местностей. Изучая этот последний этаж, Сорокин решительно отверг все ранее предлагавшиеся классификации отдельных обществ, хотя бы и полученные при помощи сравнительного метода, который он, ученик Ковалевского, прямо объявил устарелым и далеким от точности. По поводу этих классификаций, имевших эволюционный характер, Сорокин с неодобрением отметил, что социология чуть не вся уходила в область изучения эволюции общества, его динамики, совершенно пренебрегая его статикой. Он, Сорокин, и взял на себя труд заполнить этот пробел, притом не только со стороны морфологии и анатомии, но и со стороны того, что он обозначил как «химию общества». Этому, заметил он сам, «ничего подобного в социологии не сделано», но должно быть сделано только в будущем. Эта «систематика социальных агрегатов» была одной из задач неосуществившегося продолжения «Системы социологии». Пока же ее автор дал еще целый трактат о социальных

перегруппировках как изменении в строении сложных социальных агрегатов и такой же трактат о «положении личности в системе социальных координат». В последнем из этих двух трактатов, не довольствуясь различием у своего учителя Де-Роберти (и у Дюркгейма) в каждом индивиде биологического «я» и «я» социального, Сорокин объявил «мозаичность и плюралистичность каждого человеческого „я“», своего рода граммофона, в который вставляются разные пластинки. Мало того, всю проблему общества и личности он с обычной своей грубой резкостью сдавал в «музей чепухи».

Таково было содержание первых двух томов «Системы социологии» Сорокина, в предисловии которой он обещал 1) строить социологию по типу естественных наук, 2) изучая мир и людей такими, каковы они есть, 3) совершенно объективно в смысле освобождения от психологического субъективизма, 4) с прекращением всякого философствования и 5) с отказом от «несчастной идеи монизма, незаконного детища от незаконного брака социологии с философией».

Вскоре за этими двумя томами Сорокин издал еще первую часть «Общедоступного учебника социологии» [1921]. Совершенно в противоположность, например, Хвостову, находившему нужным в учебном руководстве начать с изложения разных направлений науки, Сорокин предпочел дать свое систематическое изложение, а не [изложение] разных теорий, «вселяющих в итоге один сумбур в голове». Генетической социологии было отведено самое скромное место, как простой «мешанине и обрывкам знаний по истории отдельных институтов» или «обрывочным и плохим конспектам истории». В первой книге Сорокин дал пересказ содержания первых двух томов «Системы» и изложил то, что должно было составлять содержание

ближайших томов. Здесь на первом плане был поставлен вопрос об обусловленности поведения и общественной жизни людей силами космическими, биологическими и социально-психологическими, причем под последние были подведены знания и верования, в частности, с религией, чувства-эмоции, в частности, с искусством, волнения, в частности, с правом⁹ и нравственностью, наконец, и сложные социально-психические условия. Все эти влияния Сорокин рассматривал как многочисленные и разнообразные факторы, решительно и здесь высказавшись против всякого монизма, в том числе против теории своего учителя Де-Роберти. Среди факторов, влияющих на поведение и на общественную жизнь, он различил в своем учебнике простые, перечисленные выше, и сложные, отнесши к последним экономику, культуру и политическую организацию. Так, в производительных силах, играющих такую роль в монистической марксистской социологии, каждое из средств и орудий производства, совокупность которых составляет производительные силы, Сорокин предложил различать предметы и энергию порядков космического (дерево, железо и т. д.) и биологического (хлебные злаки, лошади и т. д.) и социально-психического (знания, эмоции, вызывающие хозяйственную деятельность и т. п.). Из этой сложности «экономики» Сорокин делал вывод о логической невозможности противопоставлять экономике «идеологии», «психические силы» и т. д.

Как одной из последних работ Ковалевского, вообще игнорировавшего русскую социологию, была статья о социологии Михайловского, так и Сорокин перед оставлением родины дал в сборник о Лаврове свою статью «Основные проблемы социологии П. А. Лаврова», в которой, не соглашаясь со многими его взглядами, признавал за ним значение крупного социолога даже в мировом масштабе за стройность и целостность

его системы, ее основательность и оригинальность, неустарелость и жизненность сформулированных в ней теорем*.

VI. К этому периоду относится и одна книга автора настоящего исторического обзора, вышедшая в 1919 г. под заглавием «Общие основы социологии». За несколько лет перед тем автор изложил свою теорию истории в книжке «Историология» (1915), возникшей из курса общей теории истории на Высших женских курсах, первую часть которого составляла теория исторического знания («Историка»). Конечно, обе работы стояли в тесной преемственной связи со всеми предыдущими и повторяли прежние взгляды, которые автор продолжал сохранять, внося в них поправки, вызывавшиеся указаниями критики и пересмотром этих взглядов самим автором. Если во «Введении в социологию» была признана необходимость включения экономического материализма в общий социологический синтез наряду с другими направлениями, обе названные книги не могли уже не принимать в расчет «из теорем экономического материализма» всего того, что только они могут дать для научного понимания состава и изменений культурно-социальной среды. Появление экономического материализма после долговременного господства интеллектуализма «было представлено в „Историологии“ как замена тезиса антитезисом, за которым должен наступить высший синтез, примиряющий обе односторонности». Источники исторических перемен заключаются в самих людях, и вне людей, и

* Вероятно, Н. Карееву не были известны статьи о русской социологии, написанные Сорокиным в 1922—1927 гг., т. е. в годы эмиграции. Сорокин посылал некоторые свои публикации на родину — В. Бехтереву, Д. Путохину, А. Звоницкой, но опасался этим повредить адресатам.

в людских переживаниях, и в окружающей среде, и в «сознании», и в «бытии», если под последним разуметь всю внешнюю обстановку жизни общества. В «Общих основах социологии» и была сделана попытка определения того, что из теорем экономического материализма было бы приемлемо в общем синтезе безоговорочно, что — только с поправками, а что и отвергнуто. Менее всего приемлем был для автора монизм этой теории, выведение всего содержания исторических культур из одного и того же базиса, единственного источника всех политических и идеологических надстроек. Наоборот, в книге проводилась мысль о плюралистическом характере социальных явлений, поскольку общественная жизнь «возникла в порядке удовлетворения разных потребностей и инстинктов человеческой природы, поскольку это дало начало разным сторонам общественного бытия и поскольку все это вступило в сложные между собой взаимодействия к еще большей плюралистичности социальных явлений». Общий вывод, который был сделан автором после полувека существования социологии в России, был тот, что наука эта все-таки «находится еще в самом начале своего развития, что в ней еще слишком много несовершенного, неясного, гипотетического, спорного» и что строить ее должны ученые самых различных гуманитарных специальностей: историки, экономисты, юристы, государственоведы, психологи, философы — каждый с какой-либо особой стороны.

В заключение этой главы остановимся несколько на рефлексологическом учении Бехтерева, оказавшем такое сильное влияние на Сорокина.

VII. Владимир Михайлович Бехтерев [1857—1927], психиатр-профессор, сначала в Казани, потом в Петербурге, основатель Психоневрологического ин-

ститута, занимался кроме своей специальности и психологией, результатом чего была издана им в 1910 г. «Опытная психология». С одной стороны, будучи по своей специальности медиком, он ориентировал эту науку в сторону физиологии мозга и нервной системы и пришел к мысли о сведении субъективной психологии к объективной рефлексологии, в каком-то смысле и написал свои «Общие основы рефлексологии» (1918), с другой — расширял предмет своих психологических исследований в сторону общественных явлений, как об этом свидетельствует его работа «Предмет и задача общественной психологии как объективной науки» («Вестник знания», 1911, и отдельно). От рефлексологии до социологии далеко, но два русских рефлексолога очень заинтересовались этой наукой, а именно Бехтерев, читавший еще в Философском обществе при университете доклад о животных общежитиях, и доктор Зеленый, в том же обществе прочитавший доклад об изучении рефлексов как обосновании общественности. Оба принимали участие в Социологическом обществе, в заседаниях которого обсуждалась и вышедшая в 1921 г. книга Бехтерева «Коллективная рефлексология».

Этот труд¹⁰ довольно больших размеров должен был, по замыслу автора, поставить социологию на новые рельсы. Бехтерев находил, что «социологи и представители других гуманитарных наук оперируют с субъективными и даже часто с метафизическими понятиями» и что «даже социологи-неопозитивисты (во главе которых он ставил Де-Роберти) в своих трактатах так и сыплют субъективными терминами, заимствованными из психологии». По определению Бехтерева, «коллективная рефлексология и представляет собой опыт построения одной из важнейших областей социологии, называемой также часто общественной или социальной психологией, на строго объективном основании, поль-

зуясь данными опыта и наблюдения, без всяких экскурсий в область субъективизма». С его точки зрения, «социология, чтобы быть наукой строго объективной, должна опираться, главным образом, на две науки — биологию и рефлексологию, из которых последняя должна заменить собою психологию всюду, где дело идет о сторонней человеческой личности и, в частности, сторонних индивидах, входящих в состав коллектива». Из всех социологических направлений Бехтерев ближе всего примыкал к биосоциальной доктрине Де-Роберти, по крайней мере, по вопросу о развитии личности, которое, по Бехтереву, «первоначально совершалось под влиянием как биологических, так и социальных факторов, позднее же преимущественно, хотя и не исключительно, под влиянием социальных», так как «личность не является все же результатом общественности». На последнем соображении Бехтерев особенно настаивал. Он при этом обнаружил некоторое знакомство с социологической литературой, но совсем неверно представлял себе, будто теория Де-Роберти «принята большинством видных социологов». Совершенно правильно, однако, он протестовал против слияния коллективной психологии с социологией, которой надлежит заниматься фактами общественного строения и как сотрудничества, так и классовой борьбы. Как он думал разграничить обе сферы, можно видеть из следующего места его книги: «Выяснение самого процесса борьбы, ее поводов и развития ее в том или другом направлении есть материал коллективной рефлексологии, результаты же этой борьбы, как они проявляются в жизни общества, являются предметом ведения социологии». Бехтерев считал неправильным исчерпывать общественную жизнь одними психологическими, или, что для него одно и то же, рефлексологическими взаимоотношениями общественных групп: «рефлексо-

логия говорит нам только о рефлексологическом механизме общественных явлений», тогда как в обществе действует масса различных факторов. Автору «Коллективной рефлексологии» казалось, что эта новая наука, им разрабатываемая, уже в состоянии формулировать свои законы, которые он и формулировал в количестве целых двадцати трех¹¹.

Считаю невозможным заключить эту главу, пропустив в своем обзоре книгу Н. Н. Алексеева «Науки общественные и естественные в историческом взаимодействии их методов», представляющую собой «Очерки по истории и методологии общественных наук» [М.: Тип. Моск. ун-та, 1912. — Ч. 1]. Для нашей темы интерес представляет постановка автором вопроса: «Возможна ли и как возможна социология как естественная наука». Алексеев решал этот вопрос, стоя на кантианской точке зрения, но не столько отражая идеи Виндельбанда и Риккерта, сколько идеи Новгородцева, бывшего университетским учителем автора, и Струве, с которым он, автор, переживал «переход от марксизма к идеализму». Книга Алексеева явилась, таким образом, одним из симптомов той реакции против того, как он выражается, «социально-философского натурализма», в духе которого работали «англо-французские историки, социологи и экономисты»: весь замысел книги был направлен против возможности «социального механизма и чистой социальной физики», так что и общий характер книги «критически-деструктивный» по отношению к основной идее позитивистской социологии. Алексеев в данном вопросе выделял из общей категории социологов Маркса как мыслителя, «совершенно ясно понимавшего невозможность выразить историческое в понятиях механического естествознания», но, по мнению Алексеева, Маркс все-таки сочетал «историзм», которым «глубоко проникнута его социальная философия, с гипотезой, взятой из меха-

нического естествознания». Не одобряя материализма Маркса, автор ставил ему в заслугу именно его историзм, отрицание им «вечных и неизменных истин, в создании которых старая социальная теория полагала свою главную цель». «С величайшей ясностью, — по мнению Алексеева, — формулирует Маркс особый познавательный характер социальной проблемы, определяя ее как проблему индивидуализирующего знания», и в этом смысле в глазах данного критика он является даже «духовным сыном „Критики чистого разума“ или всех философских теорий, бывших реакцией против механического познавательного процесса». Одним словом, книга Алексеева в своей кантианской оппозиции против позитивистской социологии заключала в себе даже частичное признание марксизма, но только... без его материализма.

¹ См. о Львове у Геккера.

² Мачинский является писателем, довольно начитанным в социологии, но в обзоре литературы предмета остановился только на примыкающих к дарвинизму Гумпловиче, Кидде и Вольмане, а кроме них — еще на Лориа.

³ См.: Воронов Н. Г. [Старые и новые молодые народы и их наследственность. — М.: Тип. А. А. Карцева, 1888; Он же. Основной закон истории. — М.: Тип. А. А. Карцева, 1888; Он же. Элементы истории. — М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1901]. Более крупным по объему трудом Воронова был «Опыт сравнительной истории Европы» [М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900].

⁴ В книжке Н. Воронова названы только «Социология» Ковалевского, лекции Шершеневича под тем же заглавием, «написанные объективно и ясным языком», переводной «Очерк социологии» Паланта и работа Мачинского «О человеческой культуре», взгляд которого на развитие общественных явлений автор признал оригинальным.

⁵ Ср.: Боричевский И. Ортодоксальный марксизм и российско-американская резиновая социология [// Кн. и революция. — 1922. — № 4 (16)].

- ⁶ См. мою статью [Социология г. Тахтарева // Рус. богатство. — 1917. — № 4—5].
- ⁷ Об этой книге Тахтарева мною была написана большая, оставшаяся в рукописи статья, вся критика которой была содержанием возражений, делавшихся мною на упомянутом диспуте.
- ⁸ Тогда же мною был написан и критический обзор книги, оставшийся ненапечатанным. Краткая рецензия моя о книге была в «Вестнике психологии» [1920. — № 7].
- ⁹ Сорокин написал еще «Элементарный учебник к общей теории права [в связи с теорией государства]» (Ярославль, 1919).
- ¹⁰ О нем см. *Омельченко А. Г.* Экспериментальная социология [// Зап. науч. об-ва марксистов. — 1923. — № 5].
- ¹¹ Бехтереву принадлежат еще «Психология, рефлексология и марксизм» [Пг.: Госиздат, 1925] и совместно с Дубровским «Диалектический материализм и рефлексология» [Под знаменем марксизма. — 1925. — № 7—8].

Глава седьмая. Марксистская социология

I. Экономический материализм после полемики конца XIX в.

Влияние октябрьской революции на судьбы социологии в России

II. Диалектизм марксистской социологии: Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. П. Маслов, [С. И. Солнцев], Н. А. Гредескул

III. Историки-марксисты: М. Н. Покровский, Н. А. Рожков

IV. Главные систематизаторы теории экономического материализма: Н. И. Бухарин, И. П. Разумовский, С. А. Оранский и др. Главные пункты систематизации

I. ПОСЛЕ БУРНОГО ПЕРИОДА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ полемики между марксистами и народниками во второй половине последнего десятилетия прошлого века наступило некоторое затишье. Теоретический антагонизм отступил на задний план перед политическим антагонизмом двух партий — социал-демократов и социалистов-революционеров, да и теоретические аргументы научно-философского спора с обеих сторон были исчерпаны. Если и поднимались новые теоретичес-

кие вопросы у марксистов, то не ввиду внешней оппозиции, а по поводу, так сказать, искривлений правильной линии среди самих последователей Маркса. С другой стороны, произошло обращение легальных марксистов в идеализм, которое не могло не ослабить позицию экономического материализма в нашей социологической литературе. Некоторые даже думали и уверяли других, что песенка экономического материализма была спета, что у него в России нет будущего, что его видимые успехи были явлением временным, преходящим.

На самом деле это было не так. Наоборот, марксизм широко распространялся, и сравнительное затишье, наступившее в социологической полемике, далеко не означало собой, чтобы то же происходило в глубинах общественной жизни. Мы видели, что этико-социологическое направление образовалось как раз в период героической революционной борьбы семидесятых годов, но что между этим направлением и этой борьбой не было такой тесной связи, [как] между отвлеченной теорией и жизненной практикой, какая так характерна для марксизма. Разочарование в способах революционной борьбы семидесятых годов отразилось на умалении того кредита, каким пользовались у передовой интеллигенции и у учащейся молодежи теоретические воззрения Лаврова, Михайловского, Чернова и др., хотя последние здесь были ни при чем по отношению ни к хождению в народ, ни к террору. Конечно, лишь немногих могли заражать чисто теоретические, чисто научные результаты социологических работ кабинетного и кафедрального происхождения. Неудача революционного движения семидесятых годов вовсе не была логической проверкой на опыте теории, но дело было понято большинством особенно молодежи именно так, и естественно было искать новой теории.

Эту теорию и давал марксизм, в котором вопросы отвлеченной теории и жизненной практики были тесно

соединены в одно нераздельное целое. В нем достижение социального идеала явилось не результатом усилий критически мыслящих и героически настроенных личностей, как в «Исторических письмах» Лаврова, наименее социологическом его трактате, а как последняя стадия закономерно совершающегося объективного исторического процесса. Другими словами, социализм тут был понят не как цель, ставившаяся сознанием и достигаемая усилиями личностей, а как заложенный в самом бытии конечный результат исторического процесса, естественный предел социального развития. Так учение Маркса и было истолковано многими социал-демократами на Западе, а у нас легальными марксистами, вооружившимися как раз против того, что было революционным и не вполне доказанным в «субъективной социологии».

Факт был тот, что марксизм не только не умер, как пророчили близорукие люди, но одержал победу по всей линии. Октябрьская революция 1917 г. совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков, что, разумеется, не могло не содействовать успеху и экономического материализма¹. Фактическая победа теории на политическом поприще для многих получила значение подтверждения ее верности. Переход власти в руки марксистских вождей не мог не отразиться и на внешних условиях, в какие были поставлены как научные занятия вообще, так в особенности социологическая работа, издание книг и статей по социологии, ее преподавание в высшей и даже в средней школе. Марксизм получил значение государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой. Когда окончилась гражданская война, для развития марксистской философии и социологии было открыто особое отделение в Институте красной профессуры (1921) и создан был философский журнал «Под знаменем марксизма» (1922), после чего

были организованы другие научные издания, каковы «Вестник Коммунистической академии», «Записки Научного общества марксистов»², «Летописи марксизма», «Историк-марксист». Наконец, в старую Академию наук вошло несколько ученых-марксистов, специалистов по философии, по истории, по политической экономике и по литературоведению.

Вместе с этим во все высшие школы была введена как для всех студентов обязательный предмет теории экономического материализма, в духе которого стало преподаваться и в средней школе обществоведение, заменившее собой прежнюю историю. Социологическое преподавание не могло не породить целого ряда общих курсов по теории экономического материализма, в которых она стала получать систематическую обработку, и еще большего количества более кратких учебников и пособий хрестоматийного характера³.

Делались даже попытки изложения курса социологии для потребностей второй ступени трудовой школы, такой попыткой является книга С. Фарфоровского и [М.] Кочергина «Социология. [Курс-справочник для второй ступени трудовой школы рабочих университетов и самообразования]. (Казань: Госиздат, 1920)», представляющая собой, по словам составителей, «синтез истории, тесно связанный как вывод и обобщение материала, с историей и политической экономией», ибо сама эта наука, по их определению, есть «синтез общественно-историко-экономических и естественно-исторических данных». Потом этот предмет стал называться «обществоведением». Благодаря этому образовалась такая обширная литература, какой не имело у нас ни одно из прежних направлений социологии и какой не имеет марксизм нигде вне России. То, чего долго недоставало экономическому материализму, теоретическое его обоснование, его систематизация, разработка его деталей, все это давалось теперь

этой обильной литературой, стремившейся в то же время создать единое правильное понимание теории. Прежняя социология дробилась на разные направления, и вместе с тем представители каждого направления, в отдельности взятые, еще не сходились между собой по многим важным вопросам. Теперь стало выработываться, так сказать, общее учение, отклонения от которого рассматривались как отступления от чистой, основной, главной руководящей линии, как разные уклоны в сторону старых социологических теорий. Этим создавалась единая социологическая ортодоксия, и отнесение к буржуазности сделалось обычным полемическим приемом в критике всего, что стало квалифицироваться как буржуазное и эклектическое⁴.

При таком положении дел немарксистская социология пришла в полный упадок. Еще в первые годы после революции выходили некоторые такие книги⁵, но потом такие работы перестали выходить. Из прежних социологов кто умер, кто эмигрировал, кто перестал писать или не мог ничего издать, а новых немарксистских авторов не появилось ни одного.

В этой литературе прежнее название экономического (потом исторического) материализма все чаще стало заменяться названием диалектического материализма, т. е. более тесное понятие — понятием более широким, специально-социологическое — общесоциологическим, по отношению к которому еще более широким понятием является понятие «марксизм», охватывающее не только все научно-философское мировоззрение, но и всю политическую практику в ее программе и практике. Экономический материализм только часть диалектического материализма как теории марксизма, у которого есть и своя еще практика. Здесь не место вдаваться в подробности чисто философской (гносеологической и онтологической) части

марксизма⁶ и остается только упомянуть о его представителях и о его основной идее.

Главным философом марксизма явился Абрам Моисеевич Деборин [1881—1961], автор, между прочим, «Введения в философию диалектического материализма» (1907), с 1929 г. действительный член Академии наук. Его специальностью сделалась работа материалистической диалектики, которую он защищал и обосновывал как на естественно-научном, так и на общественно-научном материале, понимая философию прежде всего как науку в науках, как ее метод или общую научную методологию. Однако в детальной разработке философского материализма он выдвинул вперед диалектику в естествознании и взял на себя методологическое руководство в научной работе молодых ученых в областях математики, физики, химии и биологии. Социология была Дебориным оставлена на втором плане, хотя и не игнорировалась вполне («Ленин как мыслитель», «Диктатура пролетариата и теория марксизма», «Марксизм, Ленин и современная культура», «Фрейдизм и социология», «Марксизм и культура») не столько, впрочем, в отвлеченно-теоретической, сколько в злободневной, практической постановке. Другими представителями материалистической философии сделали Л. И. Аксельрод-Ортодокс⁷, Н. Карев, И. Луппол.

Если родоначальники позитивизма (Конт, Милье, Спенсер) стояли на кантианской точке зрения познаваемости только мира явлений и недоступности его существования для познания и социологам как исследователям одной из частей мира явлений не было никакого дела до метафизического спора спиритуалистов (или идеалистов) с материалистами, то марксизм занял в философии резко выраженную позицию. Сама социологическая теория Маркса вытекала из его философского материализма. Он сам находил нужным «согласовать науку об обществе с материалистическим

основанием философии», или, как выразился Ленин, экономический материализм был «последовательным продолжением, распространением материализма на область общественных явлений» или «достраиванием материализма доверху». По этой причине систематические изложения экономического материализма не ограничивались рассмотрением проблем познания и бытия общественных явлений, но занялись решением общих гносеологических и онтологических вопросов в материалистическом смысле, выходя, следовательно, за пределы компетенции социологии как положительной науки, изучающей определенную категорию явлений в окружающей нас действительности без какой бы то ни было метафизики. Соответственно материальной основе всякого бытия и основа бытия общественного должна была мыслиться как материальная, чему в социальной жизни соответствует экономика. Основной тезис этой социологической теории — постулат общего философского мирозерцания. Будучи материалистическим, оно, однако, отмежеввалось от вульгарного материализма второй половины XVII в. и от механического материализма середины XIX столетия, объявив себя диалектическим, вследствие чего главные усилия философского мышления марксистов и направились на разработку диалектики, которая притом была ими понята не только как метод мышления, но и как основной закон объективного развития⁸.

Эта сторона марксизма обратила на себя внимание его критиков сначала в гораздо меньшей степени, нежели экономическое объяснение истории, и только несколько позднее⁹ в наших журналах стали появляться статьи специально на эту тему в роде статей Н. Г. «Материализм и диалектическая логика» [Рус. богатство. — 1898. — № 6] и Н. Х. «Опровергнута ли диалектика?» [Науч. обозрение. — 1898. — № 12], принадлежавшие Х. Житловскому и Н. Херсонскому. Пер-

вая из них была перепечатана отдельной брошюрой в 1907 г. В глазах критиков экономического материализма, как мы видели в своем месте, употребление его представителями диалектического метода было даже одним из аргументов против самой теории, будучи принято за метафизический пережиток, за «гегельянщину». И на самом деле марксизм, вышедший в философской своей стороне из левого гегельянства, располагал своих последователей вернуться к Гегелю, что у нас и стало признаком ортодоксального марксизма в отличие от неортодоксального искания философского обоснования в других философских направлениях (в неокантианстве, в эмпириокритицизме и т. п.).

Здесь можно, не входя в подробности, ограничиться указанием на то, что этой стороне марксизма, заставлявшей многих называть экономический материализм диалектическим, стало отдаваться все больше и больше места в марксистской литературе, как это можно видеть из ряда отдельных работ, посвященных вопросу. Для общей характеристики достаточно здесь указать на статью профессора Гредескула в журнале «Под знаменем марксизма» [1927. — № 7—8], где понятие диалектической эволюции противопоставляется понятиям двух видов эволюции, которыми пользуются немарксистские социологические теории. Одна такая эволюция, называемая автором механической, но могущая быть названной и органической, есть та самая, которую Конт называл спонтанной, эволюция в спенсеровском смысле. Иначе это — саморазвитие, я сказал бы «самотек». От нее отлична другая эволюция, противопоставляемая той Лестером Уордом как антропотелеологическая генетическая, у автора обозначается как эволюция творческая по примеру Бегсона. Эти две эволюции различались постоянно, как известно, и в старой русской социологии как естественный ход вещей и как вмешательство в него со стороны чело-

века, как процессы бессознательный и сознательный, или преднамеренный. Марксизм выдвинул третье понятие эволюции, заимствованное им из философии Гегеля, понятие развития диалектического, или движения путем противоречий. Только Гегель говорил о диалектическом движении в сфере духа, тогда как Маркс перенес его в сферу природы: диалектика может быть не только в уме, в человеческой голове, но и во внешнем мире, в природе и в истории. Это не только метод мышления, но и метод действия в реальном мире. Острые рассуждений своих Гредескул направил не против первой, механической эволюции, которую он называет столь же монистичной и научной, как и диалектическую, а против творческой, признанной им за понятие дуалистичное и ненаучное, даже религиозное. Конечно, вопрос о том, как совершается всякая эволюция, есть вопрос не специально социологический, а общенаучный, но Гредескул дал ему такое решение, по которому понятие механической эволюции признается верным и лишь недостаточным, а только и могущее применяться в социологии и в истории понятие эволюции творческой безусловно отвергается¹⁰.

● Переходя к рассмотрению социологических воззрений отдельных, наиболее видных марксистских социологов, начнем с Г. В. Плеханова, выступление которого под псевдонимом Бельтова в 1895 г. с книгой «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» положило начало в России экономическому материализму. Под этим псевдонимом и другими он продолжал защиту своей социологической позиции. Такое значение имели следующие статьи Плеханова: 1) «Несколько слов в защиту экономического материализма» с подзаголовком «Ответ г. Гольцеву» [Рус. мысль. — 1896. — № 9], содержащая возражение на

критику последнего, о которой уже было сказано выше; 2) «Об экономическом понимании истории» [Новое слово. — 1897. — № 9]; разбор книги Лабриола «Essais sur la conception materialiste de l'histoire»^{*} 3) «Нечто об истории» [Самарский вестн. — 1897. — № 8, 10]; по поводу русского перевода «Социологических основ истории» Лакомба 4) «К вопросу о роли личности в истории» [Науч. обозрение. — 1898. — № 3—4], где давался разбор разных ответов на этот вопрос; 5) книга «Критика наших критиков» (1901); 6) «Ответ на открытое письмо Богданову».

После той полемики, которую Плеханов вел против прежней русской социологии, теперь он нападал и на легальных марксистов, и на эмпириомонизм Богданова в России, а в Германии на ревизионизм Бернштейна, на эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, поправлявших и дополнявших Маркса. Резкий полемический тон — наиболее характерная черта произведений Плеханова, которые интересны для социологии, но в них он не сказал, в сущности, ничего нового сравнительно с «Монистическим взглядом», и заслуживает быть отмеченным только его взгляд на роль личности в истории. Сочувствие нашей молодежи к признанию за этой ролью большого значения Плеханов приписывал ее «стремлению к благородному труду на общую пользу», но он неверно толковал воззрение «субъективной социологии», которая будто бы «противополагала деятельность критически мыслящих личностей влиянию законов общественного движения». Это была очень неточная формулировка: законам исторического развития никто никогда из наших социологов не противопоставлял подобное, а противопоставались друг другу сознательная и целеустанавливающая деятельность стихийному ходу вещей. В сущности, взгляд Плеханова

^{*} «Очерки материалистического понимания истории» — фр. Русский перевод — М., 1960.

не отличался от взгляда прежних социологов, он даже нашел нужным защитить экономический материализм от обвинения в том, что он отрицает значение сознательного и целенаправленного человеческого действия. «В России, — писал он под псевдонимом С. Ушаков в своем ответе Гольцеву, — до сих пор (1896) распространен тот странный предрассудок, что теория экономического материализма осуждает личность на бездействие, что если правы экономические материалисты, то все произойдет само собою». По смыслу теории «общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, т. е. масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом открывается широкий простор для деятельности отдельных личностей» и т. д. Опровергая неправильное суждение об экономическом материализме с этой стороны, Плеханов мог бы назвать Струве как одного из виновников данного недоразумения. В статье «К вопросу о роли личности в истории» он, не называя Струве, привел его взгляд на личность как на *quantité négligeable*^{*}, назвав это непозволительной крайностью. «Правильная точка зрения будет найдена, — заключал Плеханов, — только тогда, когда мы сумеем объединить в синтезе заключающиеся в них (в тезисе и антитезисе) истины». Вообще не прибавив ничего существенного к прежним заявлениям в названных статьях, Плеханов продолжал сохранять усвоенный им полемический характер, причем в многочисленных своих статьях он выступал больше против иностранных авторов, критикуя, например, ревизионизм Бернштейна, эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, отношение Масарика к марксизму и т. п., а у

^{*} Ничтожно малую величину — фр.

нас Струве и Богданова. В полемических статьях своих Плеханов, конечно, не мог не давать своих положительных формулировок основных тезисов экономического материализма и некоторых его деталей, а в 1908 г. довольно кратко и суммарно изложил общие итоги своего социалистического мышления в «Основных вопросах марксизма».

В брошюре «Основные вопросы марксизма» Плеханов рассматривал учение Маркса как «целое мирозерцание» и поэтому прежде всего высказался о попытках дополнения марксизма другими философиями, причем нашел это совершенно лишним. Эта часть брошюры с той точки зрения, на которой экономический материализм является только одним из социологических учений, для нас здесь не представляет специального интереса. Материалистическому объединению посвящена была только вторая половина брошюры, и нужно признать, что для своего времени попытка Плеханова систематизировать экономический материализм достаточно достигала своей цели и была превзойдена в смысле подробностей только через два десятилетия. Резюмировать эту систематизацию можно словами самого автора следующим образом: «Свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом... между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека», под которой у Плеханова разумелись и мышление, и идеология. Раз «хозяйст-

венная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил», то «изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика». В этом процессе изменений «есть место как для скачков — эпохи социальных революций, так и для постепенных изменений... Постепенные количественные изменения в свойствах данного порядка вещей ведут наконец к изменению качества, т. е. к падению старого способа производства и к замене его новым. Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производственных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему». Еще короче эти утверждения, взятые в разных страницах, могут быть выражены в следующей последовательности: «1) состояние производительных сил; 2) обусловленные ими экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе; 4) определяемая частью непосредственно, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики».

Эту последнюю формулировку Плеханов защищал, между прочим, как «достаточно широкую, чтобы дать место всем формам исторического движения» и как «чуждую того эклектизма, который не умеет идти дальше взаимодействия между различными общественными силами и даже не подозревает, что факт взаимодействия между этими силами еще не решает вопроса общих происхождений», хотя сам Плеханов об этом-то последнем довольствовался немногими утверждениями, не входя в детальный анализ. Одной из своих задач он ставил защищать Маркса от обвинений его критиками в односторонности и в его «будто бы пренебрежении ко всем другим факторам обществен-

ного развития, кроме экономического». По мнению Плеханова, это обвинение было результатом «непонимания (критиками) той роли, какая отводится у Маркса—Энгельса взаимодействию между основанием и надстройкой». Дело для него тут было не в односторонности, а «только в стремлении к монизму, в отворачивании к эклектизму», в котором Плеханов упрекал всех критиков экономического материализма.

Во всех своих теоретических работах Плеханов выступал самым правоверным марксистом. Правда, он признавал, что «развитие научного социализма еще не закончено и не может остановиться на трудах Энгельса и Маркса» и что за «установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, дополняющая и разрешающая (?) переворот, совершенный в науке» обоими учителями, но он протестовал против разных попыток (между прочим, Луначарского и Фриче, будущих авторитетов теории) отделить экономическую и историческую (значит, и социологическую) сторону этого учения от его философского (т. е. материалистического) обоснования и, так сказать, дать ему какое-либо новое обоснование в какой-либо иной философии вроде неокантианства и эмпириокритицизма.

Все только что изложенное сделало Плеханова настоящим родоначальником марксистской социологии в России. Уже одно то обстоятельство, что Ленин советовал тщательно изучать его философские произведения как наилучшие во всей, не одной только русской, литературе по марксизму, указывает на это значение Плеханова как теоретика экономического материализма. Особенно для развития этой теории было важно то, что, благодаря разностороннему образованию, он применял свою теорию к таким «идеологическим надстройкам» над «экономическим базисом», какими, по данной теории, являются религия, искусство, литера-

тура. Как бы ни критиковали очень многие марксисты частности философского и социологического мирозерцания Плеханова, не говоря уже о политическом его поведении в 1905, 1914 и 1917 гг., все представители теории экономического материализма все-таки были его учениками, хотя бы и находили потом его сочинения не соответствующими эпохе, устарелыми по форме и трудными для понимания позднейших читателей (отзыв Бухарина), слишком полемическими, мало систематическими, далекими от удовлетворения педагогическим требованиям, от принятых приемов академического изложения (отзыв Разумовского) и т. п. Плеханова в марксизме называл своим учителем и Владимир Ильич Ульянов (1870—1924), тоже сделавший свой вклад в русскую социологическую литературу и выступавший в печати под разными псевдонимами, из которых один — Ленин — перешел в историю¹¹. Как раз то обстоятельство, что он прославился как партийный и классовый вождь революционного пролетариата и политический деятель, достигший величайшего практического успеха, отодвинуло его писательскую деятельность на второй план, да и как писатель он был не столько отвлеченным теоретиком, сколько вплотную стоявшим к жизни публицистом. Сами социологические вопросы в его произведениях ставились и решались Лениным в постоянной связи с текущими злобами дня, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии и тактики, с условиями ее технической стороны.

Одним из первых произведений пера Ленина была вышедшая несколькими месяцами раньше наделавших столько шума в 1894—1895 гг. книг Струве и Плеханова. Это была очень большая книга, изданная гектографически в ограниченном количестве экземпляров, т. е. конспиративно и анонимно, и озаглавленная так:

«Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов. Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов». В свое время она распространялась нелегально в очень ограниченном кругу читателей, впоследствии как бы совсем исчезнувщи со сцены, и была впервые издана настоящим образом только через три десятка лет после своего написания.

Этот ответ на статьи «Русского богатства», появившийся раньше книг Струве и Плеханова, был вызван статьями Михайловского, Кривенко, Южакова и др. за 1893 и первые месяцы 1894 г. Это была сплошная и очень резкая полемика, причем собственно по экономическому материализму автор нападал на Михайловского, начав с наиболее слабого пункта его субъективизма, а именно с таких его заявлений, как «социология должна начать с некоторой утопии» и «признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного и устранения этого нежелательного», как будто социология не должна быть наукой прежде всего о сущем, а не о желательном или возможном. Начинать с вопроса, что такое прогресс, указывал здесь Ленин, значит начинать с конца. Теории Михайловского он противопоставлял учение Маркса, который, прибавлял он, «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких отношений есть естественно-исторический процесс», не допускающий никаких изменений по воле общества и правительства. Изобличая Михайловского в незнании и непонимании Маркса и даже в «подтасовках и передержках», он попутно излагал и комментировал положения Маркса, что лишало изложение систематичности, так как его порядок зависел от возражений Михайловского. Притом оспаривание теоре-

тических взглядов последнего занимало меньшую часть работы, большая же часть ее была посвящена более конкретному вопросу о положении русских дел. Интересно, что, полемизируя против сотрудников «Русского богатства», Ленин брал под свою защиту против них Струве, на которого они тогда нападали по поводу одной немецкой его статьи.

В конце того же 1894 г., когда вышли, говоря сокращенно, «Друзья народа», Ленин за подписью К. Тулина поместил в тотчас же уничтоженном марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895) большую статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Не увидевшая тогда света, эта статья была перепечатана только в 1907 г. в сборнике статей Ленина «За двенадцать лет», и тогда он прибавил к ней подзаголовок «Отражение марксизма в буржуазной литературе». В это время написанной на тогдашнюю злобу дня была особая глава, посвященная «критике народнической социологии», занявшая только около одной шестой части статьи. В этой статье Струве был еще союзником Ленина, примыкавшим, по собственному признанию, только к некоторым (а не ко всем) положениям марксизма, и тем же идейным противником, классовую сущность которого он определял как мелкобуржуазную. Субъективизму русской социологии Струве противопоставлял объективизм марксизма, но Ленин находил, что у него настоящая точка зрения была проведена неполно и объективизму он противопоставил в этом отношении материализм. «Объективизм, — писал он, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда факторов, всегда рис-

кует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материализм вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы». Мы видели в своем месте, что Струве выступал апологетом в прошлом рабства, и «материализм» Ленина был в этом отношении гораздо ближе к субъективизму, чем к объективизму Струве. Так как последний видел сущность «субъективной социологии» в принятии в нее «роли личности», то и Ленин стал на ту точку зрения, что «особая социологическая теория о роли личности или субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования». Вместе со Струве исходным пунктом социологии он брал не единичную личность, а группу, с точки зрения которой (а не личности) и рекомендовал производить оценку. «Для народника, — пояснял он свою мысль, — достаточно констатировать факт, порождающий идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения современной науки и современных нравственных идей и взывать далее к обществу и государству» насчет проведения идеалов в жизнь. Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с современной наукой и современными нравственными идеями, а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. «Если, — заключал Ленин, — не свести, таким образом,

идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их существование». Если отменить еще несогласие с взглядом Струве на отсутствие у марксизма «чисто философского обоснования», то в приведенных воззрениях и заключается вся социологическая сторона данной статьи Ленина.

Работы Ленина середины девяностых годов были продиктованы не столько потребностью изложить и развить основные идеи марксизма, сколько отразить сделанное на них нападение и, в свою очередь, разгромить их противников. Следующим этапом в полемике Ленина за марксизм была защита им уже не социологической, а философской стороны этого учения. Как Плеханов, так и он твердо стояли на материалистической позиции, которую занимали Маркс и Энгельс, но в начале текущего столетия «целый ряд писателей, желавших, — как их определял Ленин, — быть марксистами, предприняли настоящий поход против философии марксизма». Именно в 1908 г. вышли в свет четыре книги, общей чертой которых было искание философских основ для марксизма вне того материализма, который исповедовали Маркс и Энгельс, Плеханов и Ленин. Одной из этих книг были «Очерки по философии марксизма», сборник статей семи авторов (Базарова, Богданова, Луначарского и др.), среди которых были и авторы двух других книг: Юшкевич, написавший труд под заглавием «Материализм и критический реализм», и Берман, написавший «Диалектику в свете современной теории познания», четвертой же книгой были «Философские построения марксизма». Все эти писатели так или иначе примыкали к русской социал-демократии, между ними некоторые были большевиками, и вот их единовременное выступление со своего рода революционизмом было встречено в 1909 г. сильным отпором со стороны Ле-

нина (под псевдонимом Вл. Ильина) целой книгой «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Нужно прибавить, что это его выступление не было единичным: высказались против философских ревизионистов и другие теоретики марксизма (А. Аксельрод, А. Деборин, Плеханов). Это была целая «товарищеская война», как назвал ее Ленин. Ему возражали, в свою очередь, и Богданов большой статьей «Вера и наука», и Юшкевич в книге «Столпы философской ортодоксии», и Базаров в сборнике своих статей «На два фронта» (все это появилось в печати в 1910 г.), и вообще этот труд Ленина обратил на себя внимание в печати, вызвав несколько рецензий.

Здесь не место входить в подробности этого философского спора, в котором были подняты гносеологические и онтологические вопросы, далекие от специальных вопросов социологии. С точки зрения последней здесь у нас должна быть отмечена одна глава, занимающая около одной десятой части книги «Материализм и эмпириокритицизм»¹². И здесь, как и во всей книге, Ленин выступал полемистом против критиков материализма (и не одних только русских). Положительных высказываний у него здесь было мало, и они имели более общий характер. Например, «материализм вообще, — писал он, — признает объективно-реальное бытие (материю), независимо от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там, и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной обоснованной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной исти-

ны», и т. д. Гениальность Маркса и Энгельса Ленин видел тут в том, что они почти полу столетие двигали вперед свое основное направление, «не топчась на повторении решения уже гносеологических вопросов», показывая, наоборот, «как надо проводить тот же материализм в области общественных наук». Оба они «от начала до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от марксизма к идеализму и фидеизму во всех и всяческих новейших направлениях». «Новейшая философия, — говорил Ленин в заключение, — так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Борющимися партиями являются материализм и идеализм, эта утонченная форма фидеизма. В прислужничестве фидеистам, т. е. религии, в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности Ленин и видел всю объективную роль того направления, с которым боролся. Вообще, существенно нового к прежним своим соображениям насчет исторического материализма он в этой своей книге ничего не прибавил.

Что, однако, особенно заслуживает внимания в защите Лениным экономического, или исторического, материализма, это признание старого партийного характера этого учения и вообще всей его материалистической философии. Раз всякая идеология является только надобщественным основанием, а это основание имеет классовый характер, то и философия, и наука не могут не быть классовыми, партийными. Беспартийность, для которой Ленин не стеснялся самыми резкими определениями, казалась ему только лицемерием и скудоумием. Весьма естественно, что, с этой точки зрения, он и в своей критике выступал партийным полемистом. Эта черта проходит через все работы Ленина, касающиеся социологии, кстати сказать, в начале своей деятельности он употреблял этот термин, от которого потом отказался. И после «Ма-

териализма и эмпириокритицизма» он продолжал заниматься философией, даже в эпоху мировой войны. Но революция направила деятельность Ленина не по линии теории, а по линии практики, так сказать, заставляя другим написать ту философскую книгу, о которой думал сам (см. письмо «О значении воинствующего материализма» в редакцию журнала «Под знаменем марксизма», 1922). Продуктами революционного периода были две работы Ленина «Государство и революция» (1917) и «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1919).

Оба эти произведения, написанные уже в период революции, имеют характер полемический, будучи, в частности, направлены против одного из вождей германской социал-демократии Карла Каутского, содержание же их относится к вопросу, который не стоял на очереди во времена полемики с «народниками» и с «эмпириомонистами». Это был вопрос о государстве с марксистской точки зрения, которая, как выразился Ленин, сделалась предметом искажений, получивших «неслыханную распространенность». Для «восстановления истинного учения Маркса о государстве» он привел целый ряд длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса о государстве как «продукте и проявлении непримиримости классовых интересов», как «органе классового господства, органе угнетения одного класса другим», как «органе эксплуатации угнетенного класса», имеющего, однако, «отмереть» с исчезновением классов (именно отмереть, а не быть отмененным, что можно сказать только о буржуазном государстве во время пролетарской революции). Благодаря такой постановке вопроса, Ленин собрал здесь большой материал, касающийся не только чисто теоретических рассуждений Маркса и Энгельса, но и их отношения к европейским революциям, начиная с 1848 г., причем выдвигается вперед не только

теория, но и практика революций, особенно интересовавшая автора. Книжка писалась летом 1917 г., и, издавая ее уже после октября, Ленин в послесловии к ней написал, что «приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать». В «Государстве и революции», как и в «Пролетарской революции», он вел борьбу с теми, которые, называя себя марксистами, «из марксизма явными софизмами выхолащивали его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы», — направление, которое он назвал, между прочим, «струвизмом». Во второй книжке Ленин выступал уже защитником не только марксистской теории, но и практики, которую считал по-настоящему марксистской.

Эта практическая сторона настоящего, как его понимал Ленин, а не искаженного «ренегатскими» толкованиями марксизма вообще доминировала во всех его произведениях, писавшихся в защиту надлежащим образом понимаемого марксизма. Ленин был больше его апологет, чем его исследователь, а потому и оставил гораздо меньше материала для дальнейшей разработки теории, чем Плеханов, который, наоборот, как политический деятель, с точки зрения Ленина, вошел в группу «социал-фашистов» вместе с Каутским в Германии, с Гедом во Франции, Вандервельде в Бельгии и другими видными социалистами всех стран. Весьма естественно, что при такой исключительной ортодоксальности Ленина представленное им направление марксизма получило название «ленинизма».

Ленин не разрабатывал отдельных вопросов марксистской социологии, но никто так интегрально, во всей совокупности, и так ортодоксально не воспринимал марксизма с его материализмом и диалектикой, с его экономическим объяснением истории и сведением последней к борьбе классов, с его теорией ценности,

с его учением о социальной революции и о диктатуре пролетариата, с его коммунизмом и интернационализмом. Социология экономического материализма не выделялась им как особая доктрина из общего комплекса. «Если, — писал Ленин в своей статье о Марксе в «Энциклопедическом словаре» Граната (т. 28), — материализм вообще объясняет сознание из бытия, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия», т. е. для него социология вытекала из философии, экономизм первой из материализма второй. Исходя из такого взгляда, Ленин отвергал всякую иную социологию. «Домарксовская социология и историография, — писал он в той же словарной статье, — в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса». Отсюда происходил и его глубокий индифферентизм ко всем немарксистским направлениям современной социологии. Ею он не занялся в такой же мере, как философией в период борьбы с теми марксистами, которые обосновывали марксизм не на материализме. Высоко ставя Плеханова, Ленин, однако, не находил в нем надлежащего понимания диалектики как марксистской теории познания, а политику его отверг как «социал-фашистскую». Вот этими своими интегрализмом и ортодоксализмом он и оказал наибольшее влияние на дальнейшее социологическое мышление. Один из авторов общих руководств по экономическому материализму (И. Ф. Куразов: «Исторический материализм», 1929), насчитав двадцать два пункта, по которым Лениным было внесено что-либо новое по теории и практике марксизма, называет пять, относящихся к экономическому материализму, но между ними нет ни одного по основному тезису о базисе и надстройке. Вот почему у позднейших излагателей теории сравни-

тельно редки были ссылки на мнения Ленина, хотя они и являлись проникнутыми его общим духом.

Среди экономистов, усвоивших марксистскую точку зрения, хотя не в одинаковой мере, особенно выдвинулись еще до революции Маслов и Солнцев, оба ставившие себе социологические задачи и оба одновременно сделавшиеся действительными членами Академии наук.

Более решительным марксистом заявил себя в области политической экономии Петр Павлович Маслов [1867—1946], познакомившийся еще в ранней молодости с трехлетним тюремным заключением, бывший в середине последнего десятилетия прошлого века редактором первого легального, но недолговечного марксистского органа в России («Самарский вестник»), в котором, кроме Струве и Туган-Барановского, сотрудничал и Ленин, и в конце концов эмигрировавший за границу, откуда вернулся только в 1913 г. Главной своей теоретической темой он сделал учение о развитии производительных сил и о его влиянии на разные формы и типы хозяйств и на перераспределение последних между разными отраслями производства. Самым важным общим трудом Маслова является его «Теория развития народного хозяйства» [СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1910], где, между прочим, им была дана оригинальная социологическая схема строения экономического развития. Автор прямо дал этой своей книге, бывшей переведенной на немецкий и на французский, подзаголовок «Введение в социологию и в политическую экономию». Более популярное изложение своей эволюционной схемы он дал в «Курсе истории развития народного хозяйства от первобытных времен до XX столетия» [СПб.: «Жизнь и знание», 1914], выдержавшем несколько изданий, причем к иллюстрации теоретических положений на конкретных примерах был привлечен большой исто-

рический материал. Основные социологические воззрения Маслова были им изложены также в двухтомном учебном пособии «Наука о народном хозяйстве» (1920—1923).

В начале 1929 г. Маслов сделался действительным членом Академии наук СССР¹³.

Не столь близкую к ортодоксальному марксизму позицию занял Сергей Иванович Солнцев [1872—1936], книга которого об общественных классах, бывшая его докторской диссертацией, была уж рассмотрена в главе о социологах начала XX в. Солнцев начал свою научную деятельность еще в студенческие годы, когда произвел одну статистическую работу на тему, предложенную юридическим факультетом Петербургского университета, получив за нее медаль и возможность видеть ее напечатанной в одном сборнике (1903). Уже в этой студенческой работе компетентные люди усматривают «марксистскую методологическую установку»¹⁴, на которой [он] удержался и впоследствии, занявшись преимущественно вопросами распределения как в магистерской своей диссертации о заработной плате (1911), так и в докторской об общественных классах (1917), целиком относящейся к области социологии. О социальном же распределении и о социальных классах он поместил статьи в «Энциклопедическом словаре» Граната. Докторская диссертация Солнцева была издана в Томске, где он занимал кафедру политической экономии, но в [1920 г.] он перешел в Петербург. Здесь он издал в 1923 г. переиздававшуюся не раз книгу «Введение в политическую экономию», посвященную «предмету и методу» этой науки, где при разрешении вопроса о них «весьма близко подошел к марксизму», по отзыву одного из компетентных в данном случае лиц¹⁵. В 1929 г. Солнцев был избран в действительные члены Академии наук СССР.

Последнему из названных трудов Солнцев придавал не только вообще методологический характер, но и сильно социологическую окраску, рассмотрев в нем ряд чисто социологических воззрений, между прочим, и новейших русских социологов, каковы Сорокин и Тахтарев¹⁶. Его особенно заинтересовал в первом отделе труда вопрос о том, что такое «социальное явление» вообще и в частности экономическое явление с точки зрения разных направлений социологии. Между прочим, он подверг критике психологическое направление, пришедши к тому выводу, что «психическое взаимодействие между индивидами составляет необходимую предпосылку для возникновения социального явления», но что «далеко не всякие акты такого взаимодействия приводят к социальному явлению». Психологистам он противопоставил писателей, искавших основу общественности во внешних условиях и отношениях, из которых, однако, ни у кого из них эта точка зрения не была выражена так «выдержанно и полно», как у Маркса. Однако у психологистов Солнцев сам взял в качестве «необходимых предпосылок» «сталкивающиеся психики, сталкивающиеся желания, цели, интересы», т. е. психическое взаимодействие, но, подчеркивал он, общение между людьми заключается не в одном только последнем, и кроме психологической обусловленности, есть еще другая обусловленность, чисто социальная, заключающаяся в особой связанности общественных отношений, в объективированности связи между индивидами вне их самих и их сознания. Таким образом, необходимыми предпосылками для наступления социального являются обусловленности «естественно-техническая», как Солнцев обозначил эту вторую, и психологическая. Для данной темы в его книге особенно важна небольшая глава под названием «Экономика и психология». Из факта обусловленности социальных явлений психическим

взаимодействием отнюдь не вытекает сведение изучения этих явлений к изучению психического, так как объектом социального познания являются социальные явления как таковые. «Психология может служить политической экономии в роли лишь вспомогательной науки», но такой же характер могут в данном случае иметь и науки естественные и технические. Нужно прибавить, что Солнцев не игнорировал методологических заслуг Конта в деле изучения общественных явлений. Наконец, он не обошел молчанием и вопроса об «этическом субъективизме», высказавшись против него, находя, что в объективизме «устранение личности из социального анализа является лишь средством более полного, более точного и более надежного познания».

В рассматриваемый период на сторону экономического материализма из прежних юристов-социологов стал Н. А. Гредескул, о котором уже шла речь выше, в главе о юристах-социологах, равно как и в настоящей. В его лице марксизм сделал тем более важное приобретение, что в начале своей деятельности он выступал решительным противником учения, к которому теперь примкнул. В 1905 г. Гредескул прочитал в Харькове публичную лекцию и издал ее отдельной брошюрой под заглавием «Марксизм и идеализм», в которой присоединился к оппонентам экономического материализма, усмотрев в нем только «идейное поветрие», «заразительную болезнь», «эпидемию среди русского общества и русской молодежи». Это направление, однако, казалось ему тогда начавшим «быстро сбывать», прямо «уступившим место совершенно иным, прямо противоположным учениям», т. е. идеализму. В своей брошюре Гредескул воздерживался от полемического тона и даже находил в основной идее экономического материализма «много справедливого», видел во внесении в историческую науку экономического

взгляда «несомненную и крупную заслугу Маркса». Он соглашался «с важностью и даже с первостепенной важностью экономического фактора в истории человечества», но отвергал «полную зависимость идейных факторов от экономического» и материалистическое понимание мира Марксом. В своем изложении наибольшее развитие автор дал первому из этих двух пунктов, стараясь доказать, что «экономический фактор есть такой же идейный фактор, как и государство, право, наука, религия, искусство и пр.», хотя на деле более говорил о психологичности, а не об идейности этого фактора. По отношению к праву и государству он приходил, однако, «к выводам, очень близким к схеме Маркса», видя, впрочем, в них не «надстройку», а вместе с экономикой «постройку» для удовлетворения человеческих потребностей. Но даже соглашаясь с надстроечностью религии, науки, искусства, этики, Гредескул обосновал ее только на «живой человеческой психике, самоцельной и самоактивной». Таким образом, марксизм им частично принимался, между прочим, даже в его «схеме и терминологии», но исходная его посылка была отвергнута, и материализму решительно был противопоставлен идеализм, «устанавливающий суверенитет, верховенство духа» и принцип самоцельности личности с оговоркой, впрочем, в пользу общественности¹⁷.

Позиция, занятая Гредескулом по отношению к марксизму, была уже тогда, таким образом, двойственная: одно им принималось, другое отвергалось, как это, впрочем, было и с другими, склонными к принятию отдельных элементов экономического материализма в свой социологический синтез. После революции он начал работать в марксистских изданиях. Об одной из его статей о трех видах эволюции было уже сказано выше.

В журнале «Под знаменем марксизма» за 1927 г. [№ 2—3] появилась статья Гредескула «От обезьяны

к человеку», рассматривавшая «положение вопроса в естествознании и марксизме» с особым указанием на важность этого вопроса для социологии. В ней автор выдвинул вперед написанную еще во второй половине семидесятых годов, но только через полвека сделавшуюся известной в печати работу Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны», входящую в состав его «Диалектики природы». Автор критикует психологическую школу в социологии, которая, по его словам, «уводит человека из животного царства», «трактует человека как духовное существо, все действия этого существа выводит из психики», игнорируя человеческую плоть с ее «материальными соотношениями». Нельзя не признать такую характеристику психологического направления преувеличением и, следовательно, искажением. И это направление стояло на той точке зрения, что и марксизм, хотя и не сливающий социологию с биологией, «не топящий первую в последней», но и «не открывающий социологию без биологии», не строящий первую «без биологических корней». Но мысль Энгельса о, так сказать, трудовом происхождении очеловечения обезьяны действительно является важным приобретением социологии.

В 1929 г. Гредескул издал первый том своей книги «Происхождение и развитие общественной жизни», целиком посвященный «биологическим основам социологии», где он вернулся к тем вопросам о взаимоотношениях между биологией и социологией, об органическом развитии и о дарвинизме в социологии и о животной общественности, которые занимали первых русских социологов. Многие в его соображениях повторяют их основные идеи касательно развития, с одной стороны, индивидуальности, с другой — солидарности, которая у автора называется «общностью», «товариществом», на высшей ступени развития — коммунизмом. Подобно своим предшественникам Гредескул

признавал человеческую общественность прямым продолжением стадной общественности, особенно развитую мысль, что «общественность и общественная жизнь есть исконный и важный фактор животной эволюции», и притом эволюции прогрессивной. В числе приобретений, сделанных от своей общественности стадными животными, автор достаточно выдвинул вперед область чувств, эмоций, что ввело в круг поднятых им вопросов чисто психологические соображения. Уже у стадных животных имеется особое общественное чувство, основа человеческого чувства, «только выдвинутого в более сложную и более развитую умственную атмосферу». По своей теме эта книга близко подходит к большой статье Лаврова «До человека». Но Гредескул высказался в своей книге решительным противником старой социологии, что характеризует, можно сказать, общее отношение представителей экономического материализма ко всей немарксистской социологии. «Социологические теории до исторического материализма, — говорит Гредескул, — вели, если так можно выразиться, призрачное существование. Они очень плохо, недостаточно, искаженно, в лучшем случае лишь частично верно схватывали действительность... Они оставались в чистой идеологии или фальшивыми голосами подпевали действительности, вместо того чтобы ее преобразовывать... Теории и оставались теориями и не влияли на действительность, как это подобает истинной теории; они не воплощались в жизнь, они оставались над жизнью, присутствовали в надстройке, но не переходили в постройку жизни».



• Переходим к историкам-марксистам.

В главе об отношении наших историков к проблеме социологии мы видели, до какой степени последние игнорировали социологию. Можно даже сказать, что

в громадном большинстве случаев они и не стремились к какой-либо общей теории исторической эволюции, довольствуясь некоторыми общими положениями, разделявшимися большинством специалистов данного времени. До самого последнего времени, приблизительно до последних десяти—пятнадцати лет перед революцией 1917 г., на историко-филологических факультетах даже не было систематического преподавания общей теории истории, а когда ее более или менее ввели, то в виде исторической методологии, в более тесном смысле теории исторического знания, взятой с технически формальной стороны, в смысле учения об источниках, критик их подлинности и достоверности, о вспомогательных дисциплинах, служащих истории и т. п., а не со стороны философско-социологической, самостоятельно интересовавшей очень немногих историков. Мы видели также, как мало участвовали у нас историки в социологической литературе, хотя бы по сравнению с юристами. Одним словом, историки и социологи были у нас донельзя разобщены, а в иных случаях социологические устремления историкам их сотоварищи ставились в минус. Такое разединение социологии и истории прекратилось с появлением у нас историков-марксистов, т. е. с началом усвоения частью русских историков идеи экономического материализма. В данном случае мы имеем дело с прямым влиянием определенной социологической доктрины на историографию. Было бы, однако, ошибочно думать, что те из наших историков, которые еще до начала проповеди у нас экономического материализма уже более или менее определенно подводили экономический базис под общественный строй, испытывали на себе влияние именно теории Маркса. На таких историков действовало, прежде всего, общее сознание важности экономической теории. Во второй половине XIX в. уже нельзя было думать, как это наивно думал

Грановский, что политическая экономия важна только для историков, занимающихся Новым временем. Сама общественная жизнь обнажала хозяйственную подпочву исторического бытия и развития, но, являясь в некоторой мере предшественниками у нас экономических материалистов, эти историки не обобщали своего тяготения к изучению данной стороны жизни и не формулировали никакой социологической истории. Говоря это, я имею в виду Ключевского, Виноградова, Виппера, Петрушевского и Е. В. Тарле, историков с особенно заметным экономическим уклоном, одних более далеких от экономического материализма, других более к нему близких. В своем месте мы даже видели, как относились некоторые из названных историков к экономическому материализму.

Историки, усвоившие марксистскую доктрину, появились в России еще до революции 1917 г., а после революции число их умножилось в связи с общим направлением, какое приняли как общественная жизнь, так и гуманитарное образование. Как для философии был создан специальный орган «Под знаменем марксизма», так для истории стал выходить в свет «Историк-марксист». Возникли и марксистские институты для изучения истории и приготовления будущих специалистов-историков, т. е. исследователей и преподавателей.

Среди русских историков-марксистов особенно выдвинулся Михаил Николаевич Покровский [1868—1932], могущий быть названным главой марксистской исторической школы¹⁸.

Покровскому как специалисту по русской истории принадлежит громадный ряд общих трудов и частных исследований, в числе которых особое место занимают его историко-теоретические работы и критические разборы немарксистских исторических и философских воззрений как в русской, так и в иностранной литературе.

Среди его методологических и исторических работ с методологическим характером выделяются вышедшие еще в 1906 г. «Идеализм и законы истории»¹⁹, «Идеализм и мещанство» и «Экономический материализм».

Последняя из этих работ имела несколько изданий и была переведена на иностранные языки. Далее к той же категории принадлежит «Строго научный метод» в книге «О влиянии времени» — 1908, «Маркс как историк» — 1918, «Борьба классов и русская историческая литература» — 1923, «Марксизм и особенности исторического развития России» — 1925, «Задачи Общества историков-марксистов» — 1926.

Влияние исторических идей Покровского распространилось и на постановку всего исторического преподавания как в высших учебных заведениях, так и в школах обеих ступеней, будучи положено в основу всех его программ, учебных руководств и пособий, причем им издана была для этого «Русская история в самом сжатом очерке», явившаяся популяризацией его крупных трудов — четырехтомной «Русской истории с древнейших времен» (1909) и двухтомного «Очерка истории русской культуры». К этой стороне деятельности Покровского относятся его публикации: «Марксизм в школе» — 1923, «Марксизм в программах трудовой школы I и II ступени» — 1924, «Историзм и современность в программах школы II ступени» — 1927, кроме еще редактирования сборника «Обществоведение в трудовой школе».

Историческую концепцию Маркса Покровский изложил в популярной брошюре «Экономический материализм», написанной еще в начале его литературной деятельности [СПб., 1906] и неоднократно издававшейся после революции. Под экономическим материализмом он понимал только «объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека», отличив от него

марксизм, кроме того, и учение о классовой борьбе как «движущей силе истории». В этой брошюре Покровский не столько философски (гносеологически) обосновал данную доктрину, сколько подтверждал ее историческими иллюстрациями, полемизируя с историческим идеализмом, хотя и не без такой оговорки: «Экономическая обусловленность всех исторических фактов нисколько не мешает тому, что непосредственно та или другая перемена может быть результатом сознательного действия людей, т. е., вульгарно выражаясь, результатом влияния идей», только сами-то идеи все-таки суть «не что иное, как отражение экономики в человеческом мозгу». То же рассуждение применено было Покровским к вопросу о роли личности в истории, раз индивидуальные особенности исторических деятелей бывают им «безошибочно продиктованы экономикой их времени». Покровский не забыл упомянуть и о диалектизме марксизма, но не дал большого развития этой стороне учения Маркса.

Другим видным представителем экономического материализма в русской историографии был Николай Александрович Рожков [1868—1927]²⁰. Его имя уже приходилось упоминать выше, во-первых, как историка, примкнувшего к социологическому движению, во-вторых, по поводу его раннего взгляда на экономический материализм. Мы видели в своем месте, что Рожков в конце прошлого века (1898) далеко не был марксистом. Он тогда не усматривал в нем законченной системы, подчеркивал разногласия его сторонников, находил даже, что некоторые из них начинают высказываться против его основных положений, указывая даже на то, что исторические работы его не оправдывают, хотя и предсказывал возможность развития этой теории в будущем, возлагая особую надежду на коллективную психологию. Все эти сообра-

жения, однако, с течением времени потеряли для Рожкова силу, и он впоследствии определился как историк-марксист. Однако среди правоверных марксистов он не получил признания. С авторитетной стороны его направление было определено как марксизм вульгарный, как отход от настоящего диалектического материализма и даже названо было Покровским «рожковщиной».

Самым крупным трудом Рожкова была двенадцатитомная «Русская история в сравнительно-историческом освещении», первый том которой вышел в свет в 1919 г. На одной из первых же страниц первого тома этого произведения Рожков заявлял следующее: «Нет изречения, которое было бы более ошибочным, чем то, которое гласит, что история не повторяется. Напротив, история постоянно повторяется не в меньшей степени, чем явления жизни в природе». Кладя в основу своего труда мысль о существовании некоторой, обязательной для всех народов, схемы развития, он, так сказать, отражал бывшее у нас очень распространенное мнение, будто бы обоснованное Марксом, что все народы идут по совершенно одинаковым путям и что потому исторически отсталые народы могут как бы видеть собственное свое будущее, знакомясь с историей более вперед ушедших народов. Такой взгляд был, между прочим, выражен Михайловским, что, как известно, в 1877 г. вызвало письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок», где он протестовал против подобного понимания его учения как «теории, которой должны фатально подчиняться все народы», так что в данном случае Рожков совершенно отступал от настоящего марксизма²¹. Став на такую точку зрения, Рожков устанавливал девять стадий развития, которые, по его представлению, должна проходить история каждого народа: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодалное, 4) феодальная революция,

5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция и 9) капитализм. Его труд должен был доказать верность этой схемы параллельным изложением исторической эволюции России и других стран. В таком представлении дела историческая наука утрачивала самостоятельное значение и делалась только материалом для построения социологии. Произвольность как самой схемы Рожкова, так и подведения под нее отдельных фактов прямо бросалась в глаза историков и была отмечена, между прочим, товарищами Рожкова по марксизму²².

Если экономический материализм сделался социологическим канонem для историков-марксистов, то это еще не значит, что все эти историки и верно его стали понимать или, даже верно понимая, правильно его применять на деле. Сам марксист, профессор экономического материализма Н. Н. Андреев в статье своей «Методические проблемы истории» (в «Записках научного общества марксистов») на целом ряде примеров показал существование среди историков-марксистов множества противоречий как по частным, так и по общим вопросам исторической науки. Между прочим, он отметил как одну из причин этого «неразработанность марксистской исторической методологии», «отсутствие у большинства историков-марксистов методологической подготовки». Взять хотя бы вопрос о взаимных отношениях истории и социологии: в то время как одни проводят резкую грань между обеими науками (например, Бухарин), другие их отождествляют (Рожков). Этому разногласию Андреев посвятил значительную часть статьи, сопоставив взгляды таких авторитетов, как Плеханов и Бухарин, которые, различая между историей и социологией, только верно передавали мысль Маркса и Энгельса, тогда как авторы, смешивающие социологию с историей, ничем

марксистски не могли бы защитить свою точку зрения. Та же проблема составила содержание книжки Андреева «К вопросу о понимании закономерности в истории» с подзаголовком «Социологический этюд» (1925). Правильно сам различая социологию и историю, он определенно признал ошибочным мнение, будто «к социологии можно прийти только через историю», потому что «историк подходит к изучаемому им материалу уже с готовыми социологическими идеями». «Беда, — верно еще замечает Андреев, — только в том, что выработка этих взглядов приобретает не научным путем, а представляет собой осадок от разрозненных наблюдений над жизнью людей и от собственного житейского опыта». Отсюда он сделал тот вывод, что «выработка основных социологических положений должна быть делом особой, специальной научной работы», притом, по его мнению, не только на основании одного только обращения к прошлому, т. е. к истории, но и на основании изучения современности как совокупности социальных явлений, доступных непосредственному наблюдению.

Между тем мнение, несогласное с основной идеей Андреева, мы находим даже у Покровского, который писал в «Очерках истории русской литературы»: «Мы не видим никакой разницы между культурной историей и социологией», ибо «и та и другая отыскивают законы развития человечества как создателя культуры». В данном случае автор этой фразы расходился с Лениным, различавшим обе науки и проводившим аналогию между философией, имеющей дело со всей действительностью, и социологией, занимающейся только действительностью общественной²¹. Вообще лишь немногие высказывались за изгнание самого термина «социология» из марксистского словаря, утверждая, что экономический материализм вовсе не какая-то социология, а методология, и притом изучения

не одной истории, но и всех вообще социальных наук, получающих отсюда свои руководящие принципы.

Особое развитие в марксистской литературе получила систематическая разработка теории экономического материализма, на недостаточность которой постоянно указывали ее критики и которая вместе с тем вызывалась потребностями академического ее преподавания. С начала двадцатых годов стали выходить в свет большие, подробные руководства по экономическому материализму, которые все примыкали к систематизации, начатой в «Основных вопросах марксизма», на которые в этой новой литературе делались постоянные ссылки и откуда часто приводились цитаты, хотя как целое произведение эти книги подвергались критике со стороны и изложения и содержания, слишком полемического и недостаточно систематического. Впрочем, и первый из трудов, подлежащих теперь нашему рассмотрению, тоже отличался резким полемическим тоном. В данном отношении составители общих курсов по экономическому материализму исполняли совет Ленина тщательно изучать философские работы Плеханова как наилучшие во всей международной марксистской литературе.

IV. Наиболее обширные общие труды по экономическому материализму были написаны Бухариным, Разумовским и Оранским, из которых первый играл одну из очень видных ролей и в политике.

Николай Иванович Бухарин²⁴ [1888—1938], являющийся не только ученым теоретиком, но практическим политическим деятелем, получил высшее образование, главным образом, находясь в эмиграции, где, кроме слушания лекций в Венском университете по политической экономии, работал еще в различных библиотеках не только Западной Европы, но и Америки (Нью-

Йорк), начав там же, за границей, свою литературную деятельность на немецком языке (в социал-демократическом органе «Neue Zeit»). Кроме политической экономии Бухарин занимался уже тогда философией и социологией. После октябрьской революции он возвратился в Россию и деятельно работал теоретически и практически над вопросом текущего политического момента, в то же время занявшись преподаванием в Свердловском коммунистическом университете (в Москве) и в старом Московском. В начале 1929 г. был избран в Академию наук СССР.

Книга Бухарина «Теория исторического материализма» [популярный учебник марксистской социологии. — М.; Пг.: Госиздат, 1922], по его собственным словам, родилась «из дискуссий в семинарии», ведшемся им в Свердловском университете, предпринял же он составление ее потому, что «эта основа основ марксистской теории не имела систематического изложения», если не считать бывшей единственной попыткой такого изложения книжки Г. Гортера²⁵. Все другие работы, даже лучшие, Бухарин называет здесь только «соприкасающимися с теорией исторического материализма».

Вторым у нас систематизатором этого учения выступил И. П. Разумовский²⁶, в своем «Курсе теории исторического материализма» [1924] тоже отмечающий, что такой «несравненный теоретик», как Плеханов, «имел слишком мало времени для чисто академического изложения основ материалистической философии и социологии», придавая своим писаниям характер резкой полемики с противниками марксизма. И эта книга образовалась из записи лекций, читанных автором в Саратовском университете еще в [1920] г. Первое ее издание вызвало не особенно одобрительные отзывы в печати, что заставило Разумовского переработать ее и в этой переработке ее значительно рас-

ширить. Автор назвал уже свой труд «курсом», прямо указав в предисловии, что «ориентировался» на старших студентов, желая удовлетворить их потребности в «учебном пособии» философско-методологического характера. Курс Разумовского, как и книга Бухарина, не ограничивается одной социологией, но поднимает ряд вопросов философского и методологического характера, решая их в духе диалектического материализма.

Наоборот, третий систематизатор экономического материализма, профессор Политехнического института имени М. И. Калинина Оранский ограничил содержание своего труда одним обществоведением, в соответствии с чем назвал его «Основными вопросами марксистской социологии» (1929 [Т. 1]), равным образом отнесясь к экономическому материализму как к «предмету преподавания в высших учебных заведениях».

Все трое они не ставили себе задачей изложение одних общепринятых взглядов, — тем более, что по многим пунктам таковых и не было, — а желали вносить в теорию экономического материализма свои поправки и дополнения. Бухарин прямо заявил в предисловии, что «всюду и везде продолжая традиции ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса», он «в некоторых довольно существенных пунктах отступает от обычной трактовки предмета», а в других «не ограничивается уже известными положениями», а развивает их дальше. Было бы странно, вполне резонно прибавляет он, если бы «марксистская теория вечно топталась на одном месте». Разумовский тоже желал удержаться на «правильной и единственно ортодоксальной точке зрения», подчеркивая необходимость для каждого автора занять свою позицию в целом ряде вопросов теории ввиду возникших в марксистской среде разногласий. Не иным можно назвать отношение к своей задаче и Оранского как автора

тоже собственного построения марксистской социологии. Таким образом, все три автора засвидетельствовали свою марксистскую ортодоксальность, оставив за собой свободу личного толкования. Общая черта всех трех трактатов заключается еще в том, что в них приводится более или менее богатая литература по отдельным вопросам философии и социологии, но обыкновенно игнорируется вся прежняя русская социологическая мысль, хотя в ней авторы могли бы найти много для себя важного по отдельным поднятым ими вопросам. Даже в своем обзоре главнейших направлений современной социологии, включенном в «Основные вопросы марксистской социологии», Оранский не упомянул ни об одном русском представителе или критике ни одного из этих направлений, как будто их вовсе и не существовало, как будто у них совершенно нечего было бы искать. Из русских критиков экономического материализма едва названы один-два. Бухарин в своей книге ни единым словом не обмолвился о каких бы то ни было взглядах русской социологии. Разумовский в «субъективизме» последней увидел только «повторение задов философской теории, ведущей свое происхождение еще от Конта», — нечто аналогичное в прошлом взглядам братьев Бауер, а в дальнейшем идеям Виндельбанда и Риккерта. Самый «субъективизм» этот истолкован был им в том смысле, как будто «субъективисты» ограничивались лишь такими общественными отношениями, которые, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей, и игнорировали такие, которые складываются, не проходя через сознание. Оранский в разборе психологического направления социологии останавливается только на взглядах иностранных писателей, говоря же о направлениях органическом и дарвинистическом, обходит молчанием русских критиков обоих направлений.

В вопросе о социологии Бухарин, Разумовский и Оранский заняли одну и ту же позицию, взяв даже на себя защиту права социологии на существование против марксистских же отрицателей этой науки. Определяя социологию как общее учение об обществе и законах его развития, Бухарин справедливо заметил, что значение теории исторического материализма как метода для истории отнюдь не уничтожает ее значения как социологической теории, поскольку более абстрактные науки очень часто дают точки зрения наукам менее абстрактным. Аналогичную мысль высказал и Разумовский, рассматривающий данную теорию не только со стороны метода, и не со стороны того материала, к которому прилагается метод, т. е. в применении вообще к обществу и к совершающемуся в нем историческому процессу.

Оранский равным образом подчеркнул, что экономический материализм в смысле метода не есть, конечно, методология, указывающая на технические приемы научного исследования, а является теорией, которая дает некоторые руководящие познавательные принципы путем установления общих законов, необходимых для изучения частных явлений. Как было уже обращено внимание читателя, он прямо озаглавил свой трактат «Основные вопросы марксистской социологии».

Это признание за историческим материализмом значения социологической теории выдвигалось последователями своими в общий ряд социологических теорий как одна из них, хотя бы, с их точки зрения, и являющаяся единственно верной. Если Разумовский в очерке развития теории, составляющем последнюю главу его книги, начинает с Маркса и Энгельса, лишь слегка коснувшись их социалистических «предтеч», то Оранский уже посвятил две первые главы своего труда обзору возникновения социологии и главнейших со-

временных ее направлений. Родоначальником разных течений позитивистской социологии здесь назван был Огюст Конт, и все дальнейшее ее развитие обозначено было послеконтовским, поскольку все ее направления были представлены только разветвлениями движения, вышедшего из одного корня. Указывая, разумеется, на полную независимость Маркса от родоначальника старой социологии, Оранский не считал, однако, возможным отрицать известное родство между марксизмом и «контизмом» как учениями, возникшими на общей основе.

В общем, представители марксистской социологии, так же как и Аксельрод, квалифицировали немарксистскую социологию как буржуазную, а Бухарин включил в свою книгу целый параграф, где проводится та мысль, что «пролетарская общественная наука выше буржуазной», что она и глубже, и шире, и дальновиднее. Особенно они высказались против психологизма в социологии, видя в нем как бы повторение старинной ошибки механицистов, смотревших на общество как на простую сумму составляющих его индивидов, т. е. понимавших общество атомистически. В частности, они вооружились и против теории факторов, приурочивающей к каждой из человеческих потребностей определенный круг общественных явлений, как результат влияния той или другой потребности на поведение людей. Попутно они напали на критиков исторического материализма, увидевших в последнем не что иное, как только одну из разновидностей теории факторов, в которой только выдвигался на первый план фактор экономический. В глазах рассматриваемых авторов, коллективная психология, занимающаяся психическим взаимодействием между людьми, не спасает положения, причем критики отметили, что исключительно такой подход к социологии сводил бы ее целиком к этой коллективной психологии. Социология

имеет дело не с индивидами, хотя бы и взаимодействующими между собой, но с группами, основы существования которых нужно искать вне психики.

С гораздо большим сочувствием эта критика немарксистских теорий отнеслась к органической школе, которой ею вменялось в заслугу «рассмотрение общества как некоторого органического целого» (Разумовский), хотя данная школа и делала ошибку, поняв социальный организм по аналогии с индивидуальным, а не в качестве целого особого порядка. Результатом этой ошибки была полная бесплодность органической теории для понимания конкретных общественных явлений, повлекшая за собой и провал теории, во всяком случае обусловившая меньший ее кредит, чем кредит психологической теории. Дарвинистическое направление социологии, переносившее без всяких оговорок на человеческое общество все законы борьбы за существование, сформулированные Дарвиным, также было отвергнуто марксистскими критиками. Экономический материализм кладет во главу угла социологии также борьбу, но не между разными животными видами и не между отдельными особями одного и того же вида (т. е. в применении к человеку не между отдельными индивидами, входящими в состав общества), а между их группами, существующими в обществе. Как ни противоположны одно другому психологическое и биологическое обоснования социологии, авторы трактатов нашли, что оба направления сходятся на положении, что свойства социального целого определяются свойствами индивидов, входящих в его состав. Для такой атомистической по своему существу социологии изменения в общественной структуре зависят от изменений человеческой природы, которые, в свою очередь, происходят под влиянием внешней среды, хотя никто из социологов не мог указать в среде, окружающей человека, таких сторон, изменение которых без всякого

человеческого воздействия отразилось бы на общественном развитии. Социологам, пожалуй, оставалось бы только сослаться в природе лишь на одно общее явление, могущее повлечь за собой общественные изменения, именно на рост населения, но ведь и сам-то рост этот зависит от социальных же условий. Подвергая такой критике домарксистскую социологию, некоторые экономические материалисты, — из тех, собственно говоря, которые не замыкаются строго в тесном кругу марксистских идей, — обратили, однако, внимание на то, что за более близкое к нам время все больше и больше социологов иных направлений стали интересоваться изучением всяких общественных группировок, указывая на таких социологов, как Дюркгейм, Зиммель, Фирканд, Готгейн, Визе в Западной Европе и Росс, Смолл, Эллууд в Северной Америке, и совершенно так же они могли указать в русской социологии. Хотя в большинстве случаев в работах указанных писателей преобладает эмпиризм без искажения цельной обобщающей теории, тем не менее в данном движении с марксистской точки зрения нельзя было не усмотреть известного приближения к правильному пониманию строения общества и законов его развития.

Определяя общество как «самую широкую систему взаимодействия, обнимающую все длительные процессы между людьми» (Бухарин), систематизаторы марксизма должны были согласиться с тем, что без понятия «психического взаимодействия» нельзя мыслить общество. Конечно, отвечая на вопрос, что является условием длительности этих взаимодействий и что должно быть признано основным типом общественной связи, без которой были бы невозможны все остальные, систематизаторы должны были указать на трудовую связь между людьми, на общественный труд или на работу людей друг на друга, и тем самым

определили эту трудовую связь как основную общественную связь. Но, спрашивал, например, Бухарин, «разве трудовая связь не есть психическая, духовная сторона, сопровождающая материальные отношения», от которых зависит место людей в обществе? Гораздо глубже вошел в рассмотрение вопроса Оранский, вообще более знакомый с немарксистской социологией и потому более подвергшийся ее влиянию. Считая невозможным отрицать ни самый факт психического взаимодействия, ни наличность множества его форм в обществе и только оговариваясь, что такое взаимодействие само предполагает существование некоторой группы совместно живущих людей, Оранский признал тем не менее, что «общество не исчерпывается одними производственными отношениями», поскольку «существует ряд действий и отношений, не сводящихся непосредственно к производству, но безусловно необходимых для самого этого производства, и что «всякое отношение между людьми, как существами, наделенными сознанием, может устанавливаться при посредстве человеческого сознания», или, что то же, психического взаимодействия. Оно не просто «сопровождает» материальные отношения, как полагает Бухарин, а только одно и делает их возможными, и если не в нем, по Оранскому, нужно искать причину объективной трудовой связи, то роль его не может быть сведена только к «промежуточному, посредствующему моменту».

Как-никак, однако, понятие психического взаимодействия оказалось допущенным в марксистскую социологию, и тем ей была поставлена новая проблема исследования взаимоотношения между физическим, или материальным, и психическим в общественном производстве, поскольку психическое в обществе содержится не только в идеологической надстройке над материальным базисом, но и в самом базисе. Безус-

ловно марксистская социология права в том, что на одной психике, на одном сознании, а тем менее еще на идеологии нельзя построить научную теорию общества. Не подлежит сомнению, что в понятиях производительных сил общества и производственных в нем отношений социология получила совершенно новый и верный исходный пункт, поскольку ими определяется структура общества и его эволюция. В данной части теории ее излагателям более всего приходилось говорить словами самих Маркса и Энгельса, менее всего предстояло что-нибудь разъяснять или чем-нибудь существенно дополнять. Самое большее, что здесь оказалось нужным сделать от себя, это опровергнуть случаи неверного понимания некоторыми критиками марксизма основных положений учения о производительных силах и производственных отношениях. Если, впрочем, Бухариным существенных дополнений к основным идеям Маркса и Энгельса сделано не было²⁷, с другой стороны, было отмечено, что понятие производственных отношений в марксистской литературе было разработано крайне недостаточно, как это случилось, впрочем, и с другими основными понятиями экономического материализма (Оранский).

Гораздо большей разработке у систематизаторов марксистской социологии подверглось учение об экономической структуре общества как его материальном базисе и о надстройках над ним, какими в теории экономического материализма являются другие стороны общественной жизни. Эта часть теории, т. е. выведение всей социальной (в более тесном смысле слова) и духовной культуры из указанного экономического базиса, в котором преобладающее значение принадлежит культуре материальной, или технике, была, с одной стороны, наименее разработана самими основоположниками экономического материализма, а с другой — наиболее вызвала против себя возражений

у его критиков. Последние даже самую сущность экономического материализма видели не в учении о производительных силах и производственных отношениях и о борьбе классов как движущей силе истории, а именно в данном объяснении всей культуры из одной, коротко говоря, экономики. Весьма естественно поэтому, что составителям курса экономического материализма предстояла задача более самостоятельного отношения к вопросу. Бухарин отвел ему очень много места в своем курсе, различив в обществе двоякого рода надстройки: социально-политический строй и духовную культуру. Первый из них является у него непосредственным следствием экономического строения общества с подразделением его элементов на зависящие или от одной техники, или от техники и экономики. С духовной культурой дело оказалось много сложнее, и здесь оно не обошлось без натяжек, главное же, без оговорок о зависимости всяких идеологий от экономики только «в конечном счете», «в последнем счете», «не прямо и непосредственно» и т. п., равно как без частой подмены понятия экономической основы понятиями «всей совокупности общественной жизни», «общественной среды». Бухарин признает возможность того, что элементы духовной культуры «перестают непосредственно соприкасаться с материально-производственной жизнью». Что касается до натяжек, то примером может служить включение языка в число идеологических надстроек с исключительным выведением его «из тех трудовых криков, которые вырывались при работе». Согласно с Бухариным и Разумовский установил различие между «идеологическими формами, которые стоят ближе всего к экономической основе», и такими, которые отстоят от нее далеко, «через целый ряд промежуточных звеньев», когда отражение в мысли существующих производственных отношений и классовых антагонизмов проис-

ходит «не прямо, а косвенно». Рядом с «отдаленностью» религии от непосредственного процесса общественного производства» Разумовский отметил еще частичную «унаследованность ее мыслительного материализма еще до доисторической эпохи» и этим как бы приписал ей, так сказать, внеэкономическое происхождение, к чему, собственно говоря, приводит и ссылка на слова Энгельса: «Религия возникает из самых темных представлений людей о своей собственной и о внешней природе». Считая особенно важным показать, какую роль в развитии религиозной идеологии, зародившейся вовне, играет экономическая основа (техника труда, его организация и классовые интересы), Разумовский не упустил отметить воздействие ее не только на такие надстройки, как политика, право и нравственность, но и на хозяйственный строй, на классовое деление общества. Этот взгляд он распространил и на философию, связь которой с экономикой, по его выражению, «осуществляется обычно через ряд промежуточных звеньев», посредством которых «отражает на себе воздействие экономических отношений и воздействует сама на общественную жизнь». Было бы, нашел он нужным прибавить, явной вульгаризацией марксизма «объяснять происхождение данной философии непосредственно из материальных условий производства», тем более что в философии «зачастую находится и кое-какой доисторический мыслительный аппарат». Разумовский высказался и против утробования классовой борьбы в философии. Однако, говоря о науках, он сам преувеличил их зависимость от материальных условий и потребностей и от классовых интересов. Наконец, у Разумовского и искусство представлено как надстройка, находящаяся под влиянием экономики не непосредственно, а только косвенным образом. Направляя свою аргументацию в сторону тезиса о зависимости искусства все-таки от экономики,

он не сделал никакого вывода из указания на то, что «чувство красоты и ритма, не чуждое и животным, возникло у человека уже под влиянием развития его как биологического вида и связано с инстинктом размножения и полового отбора». В общем итоге рассуждения автора «Курса теории исторического материализма» на тему об идеологических надстройках над экономическим базисом на первый план выдвинуто было влияние последнего на первый, меньше уделено внимания случаям обратного воздействия надстроек на базис и совсем затушено внеэкономическое, внепроизводственное возникновение духовной культуры из таких психических факторов, как «представления людей о своей собственной и о внешней природе» и «чувство красоты и ритма», какую бы печать потом ни налагал социально-экономический строй на религию, философию, науку и искусство, давая им ту или другую окраску. Но особенно важно отметить, что Разумовский включил в состав экономического базиса и «сознание, интеллектуальную затрату».

Оранский в первом томе своего труда не подверг рассмотрению вопрос о базисе и надстройках, но особенно выдвинул вперед ту идею, что в основе общественного бытия лежит производство, которым у марксистов исчерпывается отношение человека к природе, как будто нет между ними обоими и иного отношения, породившего также идеологические явления, как мифология, поэзия, религия, искусство, философия, наука, поскольку последняя заключает в себе не один только...*

Общий вывод, делаемый систематизаторами марксистской социологии о базисе и надстройке, таков: сравнительно со своей первоначальной постановкой вопрос не подвинулся по существу своему вперед, и

* Здесь в тексте рукописи пропуск.

данная теорема продолжает ждать более убедительных доказательств или подлежит дальнейшему развитию уже высказанных раньше ограничений.

До некоторой степени социологическая точка зрения в изучении литературы была положена в основу теоретической части моей книги «Литературная эволюция на Западе» (1886), где, между прочим, на первый план был выдвинут вопрос о «социальном классе, или сословии, наиболее заявляющем о себе в литературном творчестве, и об идеях, интересах и традициях этого класса» и было обращено особое внимание на «переходы литературной деятельности из одного класса общества в другой» в зависимости от политических, юридических и экономических условий, в какие была поставлена писательская профессия. Книга эта появилась в такое время, когда теоретизирование в области литературы было у нас не в моде (господствовал историзм) и чисто литературным традициям придавалось гораздо большее значение, чем социальным условиям творчества (школа Александра Н. Веселовского).

Здесь уместно упомянуть, что в марксистской литературе образовалось и получило значительное развитие целое особое направление социологического искусства и литературоведения в духе экономического материализма, хотя первая мысль о применении социологической точки зрения возникла еще в конце XIX в. в книге Гюйо «L'art au point de vue sociologique» (1891)*. Некоторые общие данные об этой отрасли марксистского изучения духовной культуры даются в конце главы.

* Книга Ж. Гюйо «Искусство с точки зрения социологии» переведена на русский язык (1-е изд. — СПб.: Изд-во Пантелева, 1891; 2-е изд. — СПб., 1900). См. отклик на нее Е. Тарле (Мир Божий. — 1901. — № 2).

Неизмеримо более основательную разработку в общих курсах экономического материализма получило учение об общественных классах, притом взятых не только с экономической, социальной и политической точек зрения, но и со стороны психологии и идеологии классов, т. е. той идеологии, которая имеет своим предметом социально-политические отношения, а не отвлеченные вопросы мироздания и человеческого самопознания. Следуя за Лениным, Разумовский, вообще сильно пользовавшийся здесь его идеями, в теории классовой борьбы увидел саму сущность марксистской социологии, особенно развивая мысль о надстроечном характере государства и права, а в более отдаленном, более абстрактном выражении — и нравственности. Серьезнее других отнесся к учению о классовом составе общества Оранский, между прочим, отметивший, до какой степени оказались различными в марксистской литературе суждения о классах, самые определения этого учения. Основным признаком классов является у него различное отношение к средствам производства, распределением которых обусловлено и распределение между классами как продукта, так и общественных функций. С этой точки зрения Оранский подверг критике постановку проблемы классов у социологов-немарксистов и с исчерпывающей полнотой развил тезис Маркса о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса. От себя он дополнил это учение установкой понятий как внутриклассовых, так и междуклассовых групп, чем сильно, опираясь на существующую литературу, подвинул вперед анализ общественной структуры. Наиболее важными его оговорками явились тезисы о том, что «воля отдельного человека не абсолютно детерминирована его классовым положением» и что «одним фактом общения или материальной зависимостью от какого-либо

класса нельзя объяснить позицию целой группы», такова профессиональная группа интеллигенции. Нельзя не видеть в обоих этих положениях некоторого шага вперед в развитии марксистской социологии по вопросам о взаимных отношениях между обществом и личностью и зависимости идеологии от классовых интересов.

С самого же начала теория экономического материализма отнеслась отрицательно к роли личности в истории. Среди систем агитаторов марксистской социологии по этому вопросу Бухарин высказался в более положительном смысле: раз общество состоит из личностей, то ее действия входят как составная часть в общественное явление и отдельный человек вовсе не нуль, а некоторая сила, но, с другой стороны, мотивы деятельности людей и пределы осуществимости их целей определяются общественными условиями. «Сама отдельная личность — это точно сгусток сжатых общественных влияний, завязанных в маленький узел». Роль личности может быть и довольно велика в силу особого места, ею занимаемого, и особой выполняемой ею работы, т. е. силу и значение отдельных людей создает та особая связь, та организация, среди которой они работают. Не отрицая значения выдающихся личных способностей, Бухарин все-таки поставил на первое место положение индивида в общественной организации как члена составной части группы, класса, общества, как бы игнорируя значение личной инициативы, т. е. внутреннего психического акта. Общий вывод получился такой: развитие личности можно вывести из условий общественного характера, но отнюдь нельзя из развития личности выводить развитие общества. Личность — орган общественности, личность — нечто пассивное. Разумовский по этому вопросу больше пользовался формулировками Маркса и Энгельса,

Плеханова и Ленина, чем высказывал собственные соображения, приводя такие изречения, «что люди сами делают свою историю», что если «люди представляют собой продукт обстоятельств, то и обстоятельства изменяются именно людьми», что «в отличие от развития природы, где действуют одна на другую лишь слепые бессознательные силы, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенную цель», что «индивидуальные воли не нули, но каждая вносит свою долю в общий результат» и т. п. — все, одним словом, такие мысли, которые высказывались и субъективной социологией. Гораздо подробнее, однако, весь вопрос о роли выдающихся личностей великих людей, героев, вождей, инициаторов разрабатывался в специально посвященных вопросу статьях.

Брошюра Ф. В. Сулковского «Личность в историческом процессе» (1924) исходила из идей Маркса и Энгельса, благоприятных для признания роли личности в истории. У первого автор взял то соображение, что если «люди представляют собой продукт обстоятельств и воспитания», то все-таки не следует забывать, что «обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан». С другой стороны, он ссылался на Энгельса, признавшего, что в «истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели», и что «здесь ничто не делается без сознательного намерения и желанной цели». Но не более этого утверждали русские социологи, которых первые марксистские критики упрекали за преувеличенное представление о роли личности в истории, в частности, в приведенном автором соображении Маркса содержится на то мысль, которую при-

водил Лавров, говоря о взаимодействии личности и культуры, и которая была положена пишущим эти строки в основу книги «Сущность исторического процесса». Совершенно в том же смысле, в каком в только что названной книге говорится о роли личности в истории, Сулковский написал следующие слова: «Исторический процесс складывается из суммы множества человеческих волей, причем каждая из этих волей целиком сохраняет и проявляет свою индивидуальность. Таланты и гении в соответствующих условиях, при благоприятной обстановке, играют несравненно более крупную роль, чем участники рядовой человеческой массы. Но и последние ни в коем случае не могут быть отнесены к числу бессловесных созданий, являющихся только объектами исторического процесса». Поэтому, заключал автор, «марксизм не только не умаляет роли крупной личности, но и признает за каждым рядовым человеком долю влияния на исторический процесс». Наилучшим способом разобрать вопрос о роли личности в истории Сулковский признал обращение к конкретным историческим примерам, остановившись сам на Ленине и его «определяющей роли» в истории нашей революции, на его «чрезвычайном, большом, подчас решающем влиянии на ход ее событий» и коснувшись также Наполеона. «Великий человек — не пассивная, а активная сила в историческом процессе». Это уже иное истолкование марксизма, нежели то, с которым за тридцать лет до брошюры Сулковского выступал Струве.

После этого несколько затянувшегося отступления от рассмотрения книг Бухарина, Разумовского и Оранского возвращаемся к ним, чтобы остановиться еще на том, как отнеслись эти писатели к вопросу о диалектике в смысле не научно-философского метода, а закона всякого объективного бытия, всякого развития

в природе и в обществе. В их трактатах мы не находим рассуждений логического и методологического характера в направлении идей Милля, Бэна, Зигварта о познавательном значении опыта, наблюдения и рассуждения, индукции и дедукции сравнительного метода²⁸, но о диалектическом методе ими было сказано достаточно, причем этот способ мышления признан был важным в том отношении, что им ухватывается и диалектика самой действительности. Как в природе, так и в истории общества все движется противоречиями между обществом и природой, противоречиями внутри самого общества, т. е. между классами и группами, между производством и распределением, между идеалами и т. п. Это движение совершается скачками, т. е. в обществе революциями, хотя бы эти скачки и подготовлялись постепенным развитием. Бухарин с другими марксистами высказал мысль, что представление о постепенном развитии (эволюции) было порождено консерватизмом буржуазных ученых, что отрицание ими противоречивого характера развития покоится на их боязни революции, на затушевывании ими, из страха перед революцией, всех общественных противоречий, хотя на той же точке зрения стояли и некоторые социологи из революционеров. Разумовский поставил в основную заслугу Марксу то, что он решил не раздельно, а одновременно онтологический и гносеологический вопросы, не отмахнувшись от первого вопроса, как то будто бы «делают буржуазные гносеологи». Отводя вопросу о диалектике очень много места, Разумовский, однако, не остановился на применении этого понятия к изучению исторического движения, которое и было бы, собственно говоря, социологическим приложением общего учения к обществу. Значительно ближе к делу немногие страницы о диалектике у Оранского, у которого, кстати сказать, уже

имеются ссылки на «Диалектику природы» Энгельса, вышедшую в свет в 1925 г. Обращает здесь внимание противопоставление Маркса Конту. Основатель позитивизма учил, что «каждая последующая в его классификации наук область имеет свои особые, специфические законы, не выводимые из законов предыдущих наук, тогда как в диалектическом материализме частные законы отдельных областей природы не представляют собой каких-то особых знаков, а суть лишь особые проявления общих законов, обнаруживающихся в каждом соединении материи в особой, специфической форме». При этом Оранский привел еще мнение Энгельса о том, что при последовательном своем применении сама эта теория превращается «в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы появления одного и того же универсального движения». Конт полагал, что на общественные явления влияют законы физики, химии, биологии и т. д. и, кроме того, к ним прибавляются особые законы социологии, но сторонники марксизма стали на ту точку зрения, что у социологии есть свои автономные законы, имеющие характер своеобразного применения в общественной жизни общих законов бытия. Социология не может быть сведена к естествознанию, ее законы не могут быть выведены из законов других наук. Нельзя не взглянуть на это как на важную поправку к социологии Конта. Нельзя, однако, не признать, что право перенесения понятия «диалектика» и диалектического понимания из сферы мышления в сферу бытия остается по-прежнему недоказанным.

Если диалектика есть только синоним постоянного движения вперед, вечного изменения, то правы экономические материалисты, ставя Марксу в заслугу историчность его теории, хотя эта историчность, конеч-

но, отнюдь не является специальной особенностью. Другим научным качеством теории выставляется ее объективизм, отсутствие в ней какого бы то ни было теологизма, хотя последнему противоречит положение, например, Разумовского о том, что в диалектическом материализме «методология содержит не только предпосылки нашего познания, но и предпосылки нашего действия» или что «задача познания общественного целого выдвигается перед нами лишь вместе с задачей его преобразования». Не будем забывать, что экономический материализм объявляется классовой теорией²⁹. Главное же, что у марксизма есть свой общественный идеал, а что же было исходным пунктом этико-социологического субъективизма, как тоже некоторый общественный идеал?

Вчитываясь в эту литературу, критик не может не отмечать по временам некоторые отступления от учения о чисто материально-экономической основе общества. «Всякий общественный строй, — говорит Бухарин, — покоится не только на экономическом основании, ибо и любая идеология, господствующая при данном порядке вещей, является скрепой, держащей этот порядок», откуда понятными делаются и такие его заявления, как то, что «предпосылкой революции является революционизирование сознания, идеологическая революция», или то, что нужна «целая психологическая или идеологическая революция, чтобы класс действительно стал против класса». Эти слова не могут не обратить внимание критики, раз их автор изгонял всякую психичность из «трудовой координации людей» (рассматриваемых как «живые машины») «в пространстве и во времени», приводя это как аргумент против возражения, что самое понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие. В смысле отклонения от основного

тезиса экономического материализма критика не может не рассматривать и положение Разумовского: «Сознание общественного человека входит в экономический базис и вовсе не является надстройкой».

Бухарин неоднократно пользуется понятием психического взаимодействия, происходящего между отдельными членами общества, только подчиняя это взаимодействие трудовым между ними связям, составляющим «тело» общества, без которого не может существовать и «дух». Тем не менее и он в одном месте говорит о языке, науке, искусстве, религии, философии и о таких более мелких явлениях, вроде моды, обычаев, правил приличия, как «результате взаимодействия между людьми, их непрестанного общения друг с другом», а не исключительно одной трудовой связи, и к этим же всем элементам культуры прибавляет также «политическое устройство». Бухарин вводит в свою теорию понятие «общественной психологии» в смысле «области несистематизированных или мало систематизированных чувств, мыслей и настроений, имеющихся в данном обществе, классе, группе, профессии и т. д.», и лишь степенью большей систематизированности отличает от общественной психологии «общественную идеологию», под понятием которой подводит содержание науки, искусства, морали и пр. — словом, всю духовную культуру. У этой общественной психологии он различает «общие психологические черты, которые могут быть у всех классов обществ», и «психологию господствующего класса», дающую тон всей общественной жизни и подчиняющей своему влиянию другие классы, вследствие чего, оговаривается совершенно правильно Бухарин, в классовом обществе и не может быть «сплошной, единой, целостной общественной психологии». Но и психологию класса он, с другой стороны, не сводит, как это делается другими,

к его интересу, так как последним далеко не исчерпывается классовая психология, вообще отличающаяся сложностью. Самое свое различие между психологией и идеологией он объявил только как нечто условное: «общественная психология есть некий резервуар для идеологии», «идеологии — это сгустки общественной психологии». Всякая идеология есть, по его определению, продукт умственного труда, который, не будучи материальным производством, не является даже его частью. Мало того, Бухарин допускает среди идеологов существование людей, «любящих свое дело, как самих себя, и не думающих ни о какой практической стороне дела», т. е. не служащих какому-либо классовому интересу. Наконец, Бухарин признает и обратное действие идеологической надстройки на экономический базис, ибо в обществе происходит постоянный процесс взаимодействия.

В этом ряде мыслей нельзя не видеть того своего, что внес Бухарин в теорию экономического материализма. В данном вопросе Разумовский менее отступал от сделавшейся обычной трактовки предмета. Оранский тоже ограничился в данном вопросе очень немногим. Он высказался, например, против поползновения «критических», как он их назвал, марксистов дополнить экономический фактор идеологическим, т. е., в конце концов, психическим, и против сведения социологии к коллективной психологии, устраняющей самобытность экономического фактора, правильно отметив, что «в социологию все более начинает проникать убеждение о невозможности вывести социальные явления из законов индивидуальной психологии и даже из общих законов психического взаимодействия». Однако к коллективной психологии, изучающей это взаимодействие, он отнесся как к положительному научному явлению и только нашел нужным отмежевать

от нее социологию. По его мнению, социология должна «ограничиваться лишь констатированием наличности» известных переживаний вроде классового инстинкта да выявлением их социальных корней, «вопрос же о тех психических элементах, из которых слагаются эти переживания, лежит за пределами социологии и может составить предмет одного из разветвлений психологии». Оранский, как и Разумовский, не пошел за Бухариным в вопросе о существовании некоторой общей всем классам психологии и о людях умственного труда, мысли которых не диктуются их классовыми интересами, хотя им и были приведены слова Маркса и Энгельса о людях, «высвиставшихся до теоретического понимания всего хода исторического движения», и Каутского о «профессиональных интеллигентах, по самой своей специальности могущих скорее, чем другие люди, переходить на сторону определенных партий под влиянием чисто теоретических соображений».

Особую категорию имеющих отношение к социологии работ в этом периоде стали составлять произведения по так называемой социологии искусства, начало которой положил Гюйо своей книгой «L'art au point de vue sociologique», немедленно переведенной на русский язык (1891). Не отнестись к искусству, включая в его область и литературу как искусство слова, с социологической точки зрения менее всего могли теоретики, ставшие на марксистскую точку зрения, с которой искусство и литература входят в состав идеологической надстройки над экономическим базисом и отражают на себе идеи, чувства, вкусы, стремления, равно как и быт, различных классов общества, — вполне законная точка, не исчерпывающая, однако, всех сторон художественного творчества во всех его видах. Последнее обстоятельство и вызвало — в

литературоведении преимущественно — оппозицию так называемых формалистов, интересующихся не только содержанием, но и формой.

¹ Ср. Кафев Н. Октябрьская революция и экономический материализм [//Под знаменем марксизма. — 1927. — № 10—11].

² См. Покровский М. Задачи Общества марксистов [// Историк-марксист. — 1926. — № 1].

³ [Адофатский В. В. Исторический материализм : Хрестоматия по Ленину. — М.; Пг.: Госиздат, 1925; Горев Б. И. Очерки исторического материализма. — Харьков: «Пролетарий», 1925; Бухарин Н. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. — М.; Пг.: Госиздат, 1922; Кафев Н. Исторический материализм как наука // Под знаменем марксизма. — 1929. — № 12; Разумовский И. Курс теории исторического материализма. — М.: Госиздат, 1924; Куразов И. Ф. Исторический материализм: Краткий конспект лекций. — М.; Л.: «Раб. просвещение», 1929; Баммель Г. К. Теория и практика марксизма: Книга для чтения по Ленину. — М.: Изд-во Ком. академии, 1925; Сабьянов В. Исторический материализм. — М.: «Московский рабочий», 1923; Тюменев А. И. Теория исторического материализма. — Пг.: Госиздат, 1922; Оранский С. А. Основные вопросы марксистской социологии. — Л.: «Прибой», 1929. — Т. I; Энгельс Е. Очерки материалистической социологии. — М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923.] Автор последней книги в 1919 г. издал очень слабую в научном отношении «Социологию».

⁴ Л. И. Аксельрод-Ортодокс свое изложение экономического материализма соединила с «Критикой основ буржуазного обществоведения», какое заглавие и дала своей книжке, где она, между прочим, говорит о Конте, Спенсере, Виндельбанде и Риккерт, а из русских упоминает М. Ковалевского, Михайловского (по поводу Спенсера), В. Соловьева (по поводу Конта), М. Н. Покровского (по поводу Риккерта), Лаврова (о его исторических письмах) и Кареева (по поводу Спенсера).

«Социологии как действительной науки об обществе и о законах ее развития, говорит Разумовский, буржуазия не создаст и создать не может», ибо ее «субъективизм, ее метафизичность (?)... стремятся затушить материальные противоречия общества, оправдать капиталистическое разделение труда» и т. д. Под это определение, во всяком случае, не подходит русская домарксистская социология, отмежевывавшаяся от всякой метафизики и как раз вдохновлявшаяся

идеалами социализма. [Ср.: Аксельрод Л. И. Критика основ буржуазного обществоведения. — Иваново-Вознесенск: «Основа», 1924. — Вып. 1.]

⁵ Это были: Карев Н. [Общие основы социологии. — Пг.: «Наука и школа», 1919; Мокиевский П. Общественная жизнь людей (Социология). — Пг.: И. Р. Белокольский, 1918; Дионео В. О двойной форме борьбы за существование в истории. — Пг.: «Колос», 1919; Тахтарев К. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их отношениях и закономерностях. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. — Пг.: «Кооперация», 1919; Хвостов В. М. Основы социологии. — М.: 5-я гос. тип., 1920; Солнцев С. И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. — Томск: Тип. лит. Т-ва печ. уезда, 1917; 2-е изд. — Пг., 1923; Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. — Пг.: «Колос», 1921. — Т. 1—2].

⁶ Баммель Г. К. О нашем философском развитии за 10 лет революции [// Под знаменем марксизма. — 1927. — № 10—11].

⁷ Ее книга «Философские очерки», составившаяся из отдельных статей в различных периодических изданиях и имеющая подзаголовок «Ответ философским критикам исторического материализма», вышла в свет в 1906 г. и дважды переиздавалась в двадцатых годах. Ближайшего отношения к социологии она не имеет. В последнем отношении нужно иметь в виду преимущественно ее книгу «Критика основ буржуазного обществоведения», о которой см. выше. Ее взгляды, однако, подвергаются критике. (См. Н. Карев. «Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму».)

⁸ Еще Чернышевский горячо стоял у нас за диалектический метод, принимая его и за закон развития сущего (см. особенно его «Критику философских предубеждений против общинного землевладения», появившуюся в 1858 г. и по ее поводу статью Славинского «Развитие явлений общественного быта» в «Отечественных записках» за 1859 г.) Ср. Киртисин В. Чернышевский и диалектика [// Под знаменем марксизма. — 1928. — № 9]. Аяров склонялся к той мысли, что диалектический закон оправдывается, по-видимому, в очень многих сферах человеческого сознания, т. е., значит, не во всех, и только сознания, а не бытия. Дань увлечения диалектизмом отдал в свое время и автор настоящей книги в «Основных вопросах философии истории» (в самом конце [Кн. 4, гл. 3], «Общий закон прогресса», № 3 «Закон Гегеля» и № 4 «Общая проверка закона прогресса на элементах культуры»), не исключая и социального бытия: «прогресс есть движение вперед через развитие противоположностей», ибо для того, «чтобы что-либо прогрессировало, необходимо отрицание прежнего».

⁹ Статья Зиберга «Диалектика в ее приложении к науке» [Слово. — 1879. — № 1], бывшая передачей содержания известной книги Энгельса «Анти-Дюринг», была явлением довольно одиозным и мало обратила на себя внимание в свое время.

¹⁰ По этому пункту ср. ст. Кривцова С. Проблема стихийности и сознательности в ленинизме [// Под знаменем марксизма. — 1929. — № 1], где, однако, вопрос решается не так.

¹¹ [Деборин А. Ленин как мыслитель. — М.: «Красная новь», 1924; Варьяш А. Диалектика у Ленина. — М.; Л.: Госиздат, 1928; Луппол И. Ленин и философия. — М.; Л.: «Прибой», 1925; Разумовский И. К воззрениям Ленина на государство и право // Под знаменем марксизма. — 1927. — № 1—2; Розанов Я. Исторический материализм: Библиография с 1865 по 1924 гг. — Киев: Госиздат Украины, 1928. — Ч. 1, отд. 5.] В последней книге дана литература, посвященная характеристике философско-социологического мировоззрения Ленина.

¹² Об этой работе Ленина есть статьи Деборина, Луппола и Максимова [Под знаменем марксизма. — 1924. — № 1, 10, 11].

¹³ «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отд. гуманитар. наук» (1930), с. 78—84.

¹⁴ Там же, с. 120—123.

¹⁵ См. там же. В издательском предисловии к книге Солнцев назван был «экономистом-эклектиком», соединяющим в своих построениях различные, несоединимые, по существу, теоретические воззрения. Кроме того, Солнцев издал хрестоматию по тем же вопросам (1925).

¹⁶ Более раннюю русскую социологию Солнцев игнорирует, кроме моего «Введения [в изучение социологии]».

¹⁷ Аналогичные мысли Гредескул высказал в брошюре [«К учению об осуществлении права» (Харьков: Тип. А. Дарре, 1900)].

¹⁸ О М. Н. Покровском см. статьи А. Шестакова, П. Горина, Н. Рубинштейна и др. в «Историке-марксизме» [1928. — Кн. 9], Рубинштейна еще в кн. 10—11 за 1924 г. и Фриндленда Ц. [Под знаменем марксизма. — 1928. — № 5]. «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отд. гуманитар. наук» (1930), с. 97—100.

¹⁹ Эта статья в двух книжках «Правды» за 1904 г. представляет собой разбор идей Риккертса.

²⁰ См. о Рожковсе М. Н. Покровский в «Историке-марксизме» [1927. — Кн. 4]; Сидоров [Там же. — Кн. 14].

- ²¹ Автор рецензии на этот труд в «Под знаменем марксизма» [1925. — № 5—6] Н. А. Рубинштейн совершенно верно отмечает изменчивость взглядов Рожкова. С точки зрения марксизма он называет отход Рожкова от экономического материализма «катастрофическим», ставя ему в упрек и то, что он «попытался обойтись без диалектики».
- ²² [Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма. — Казань: Госиздат, 1922; Андреев Н. Н. К вопросу о понимании закономерностей в истории: Социологический этюд. — Пг.: «Книга», 1925.]
- ²³ Плеханов различал между «арифметикой общественного развития, указывающей на причины отдельных явлений», и алгеброй «этого развития», указывающей на то, как следует открывать эти причины. Между авторами, стоящими на точке зрения социологии, отметим Г. А. Энгеля, который в своей книге «Очерки материалистической социологии» [М.; Пг.: Изд. А. Д. Френкель, 1923] ставит знак равенства между понятиями «марксизма и материалистической социологии».
- ²⁴ «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отд. гуманитар. наук» (1930), с. 11—15.
- ²⁵ Готтер Г. Исторический материализм [— М.; Пг.: «Коммунист», 1919].
- ²⁶ Разумовскому принадлежит ряд статей в «Под знаменем марксизма»: «Понятие права у Маркса и Энгельса» [1924. — № 2—3], «К воззрению Ленина на государство и право» [1927. — № 1—2], «Философия и юридическая теория» [1927. — № 12], «Плеханов и исторический материализм» [1928. — № 5] и др.
- ²⁷ Кроме разве «забытого всеми положения Маркса о способе представления и «материализации» духовной культуры в книгах, библиотеках и т. п.
- ²⁸ Кое-что, впрочем, есть у Разумовского.
- ²⁹ «Социологии как действительной науки об общественной жизни и законах ее развития буржуазия создать не может» (Разумовский).

Заключение

Признавая, что инициатором социологии как общей науки о естественных законах человеческой общественной жизни был Огюст Конт, нельзя, конечно, говорить о существовании где бы то ни было этой науки до усвоения там основной идеи новой науки, провозглашенной в «Курсе положительной философии», в смысле ее предмета, задачи, метода вплоть до ее наименования социологией. Имя Конта сделалось в России известным, а потом и популярным только во второй половине шестидесятых годов прошлого века. Валериан Майков был исключением. Если раньше кто-либо у нас более других общим своим мирозерцанием был подготовлен к усвоению идеи социологии, то, без сомнения, это был Чернышевский, но он, как известно, не знал Конта, как, прибавим, не знал и Маркса, оказавшего позднее большое влияние на социологию. Мало того, и знакомство с «Курсом положительной философии» не всегда приводило к пониманию того, что оказалось в нем наиболее существенным и благотворным, как показывает пример Плеханова. Первым, кто пустил у нас в оборот контовскую мысль о социологии, был Лавров, на которого и следует смотреть как на первого русского социолога и родоначальника целого направления в этой бывшей еще в конце шестидесятых годов совершенно новой науке.

В эти моменты и на Западе почти не существовало социологической литературы, да и вообще только что пробуждался интерес к этой идее Конта, а в некоторых странах социологическая литература возникла

даже позже, чем у нас. Таким образом, русская социология не моложе, в общем, социологии в других странах. Наши писатели, далее примкнувшие к социологическому движению, с самого же начала отнеслись к теоретическим воззрениям Конта критически, в то время как в отечестве Конта его последователи готовы были превратиться в догматическую секту, одним из принципов которой было полное разъединение социологии с этикой. Правильно или неправильно, русские социологи противопоставили «объективизму» французских позитивистов свой «субъективизм», сделавшийся в глазах иностранцев, сколько-нибудь знакомых с произведениями русских социологов, отличительным признаком русской школы. Сущность этого субъективизма заключалась не в чем ином, как в стремлении к справедливым общественным формам, которые обеспечивали свободное развитие человеческой личности и ее материальное благосостояние. Главные представители этого этико-социологического направления были социалистами, высоко ставившими и индивидуальную свободу, и их сочинения охотно читались революционной молодежью эпохи хождения в народ и народовольчества.

В самом начале русской социологии на Западе обнаруживалось сильное стремление к построению социологии непосредственно на биологической основе, что происходило в двух направлениях. С одной стороны, это было время, когда к теоретическому пониманию общества целиком применяли биологическую теорию Дарвина, видя в борьбе за существование самый могучий двигатель эволюции и в общественной жизни человека, с другой — увлекались уподоблением человеческого общества организму, законами развития которого хотели объяснить и социальную эволюцию. Нигде дарвинизм и органицизм в социологии не подвергались такой основательной критике, как у нас, что могут констатировать и знающие иностранцы. Против

одного направления русские критики выдвинули явления взаимопомощи, общественной солидарности, альтруистического инстинкта, этического настроения, а против второго — идею цельной и развитой человеческой личности, которая не может быть поглощена без остатка своим социальным целым. Притом в обоих направлениях, объявлявших себя по преимуществу объективными, они вскрывали несимпатичную классовую идеологию. Все это заставляло русских социологов резко восставать против непосредственного обоснования социологии на биологии и искать это обоснование в технологии, хотя [они] и устанавливали генетическую связь человеческого общества с общежитиями животных, в частности обезьян, и реалистически не разлучали психологию с физиологией. Сама психология в данном случае мыслилась ими как наука об особом рода явлениях, происходящих не только внутри отдельных индивидов, но и при их взаимодействиях, т. е. в смысле психологии коллективной, социальной. Признавая существование в исторической жизни человечества чисто стихийных, механических, органических, эволюционных процессов, они, однако, противопоставляли им наклонность в человеческих обществах и роль личного действия, личной инициативы и личного усилия в достижении сознательно поставленных целей. Учение о роли личности в истории было очень популярно в рядах революционной молодежи. Таковы были, значит, особенности этой социологии: субъективизм в смысле социально-этическом, психологизм и индивидуализм. Какой-нибудь общей доктрины, которая объединяла бы отдельных авторов в единую сплоченную школу, не выработалось, и даже образовались несходные между собой течения социологической мысли.

Главные произведения этой литературы выходили в России, т. е. при известных цензурных условиях, очень ограничивавших «субъективизм» этих произведений. Главным органом пропаганды была передовая

журналистика. На университетскую науку позитивизм и социологическая мысль стали оказывать влияние позднее, и первыми учеными в области гуманитарных наук были представители поколения, родившегося около 1850 г. Более всего адептов новая наука нашла среди юристов, причем много позже книгу по социологии написал один завзятый и уже старый юрист-метафизик. Гораздо менее коснулось влияние социологии представителей экономических наук. Что касается историков, то среди них особенно было распространено недоверие к социологии и даже прямо отрицательное к ней отношение, хотя некоторые из них, относясь более или менее с сомнением к социологии как к отдельной науке, принимали социологическую точку зрения в смысле обобщающего изучения исторических фактов преимущественно из области общественной структуры. Между этой академической социологией, особенно большой роли в преподавании не игравшей, и социологией журнальной, хотя тоже более научной, чем публицистической, тесной связи не образовалось, и в первой из них вообще было больше объективизма, академизма, отвлеченности. В этой же ученой среде были сделаны и первые попытки систематизации социологии как в направлении историко-критического обзора социологических учений, так и в смысле наложения самой теории в понимании автора. С журнальной социологией эта социология академическая разделяла одну ее черту: этой общей чертой сделался ее психологизм.

Во всяком случае, лишь меньшинство, притом сравнительно небольшое, представителей общественных наук положительно и сочувственно отнеслось к социологии. Дело не обходилось и без оппозиции ей, и не только в более консервативных кругах, что вполне понятно, но и в кругах прогрессивных. На рубеже двух веков против позитивной социологии среди профессоров-юристов возникла идеалистическая реакция

под знаменем неокантианства, выразившаяся главным образом в учении о необходимости возрождения «естественного права», в котором последнее, впрочем, [понималось] не в старом метафизическом смысле, а в смысле подлежащего осуществлению идеала. Сторонники этого учения понимали происхождение и развитие права совершенно так же, как юристы-социологи, но находили их объективизм недостаточным, требуя дополнения такой точки зрения представлением и о том, каким должно быть право. В сущности, у этой группы юристов проявились те же побуждения, которые породили субъективизм этико-социологической школы. Данное направление русской философской юриспруденции подобно другим направлениям нашей социологической мысли также насквозь прониклось психологизмом, и один из представителей этой группы начал понимать право как явление чисто психологическое, не подлежащее ведению социологии.

Почти везде, а не в одной только России, современная социология получила психологическую ориентацию, по каким бы не вполне сходным между собой путям не шло детальное развитие индивидуальных теорий. К концу прошлого века на Западе и у нас все более стала заявлять о себе другая социология, так, правда, себя не называвшая, но тем не менее бывшая социологией, теорией строения и развития общества, инициатором которой был Карл Маркс, и нужно сказать, что до конца XIX в. Маркса знали у нас как первоклассного экономиста, автора «Капитала» и как крупного политического деятеля, создателя Международного общества рабочих, но не знали как философа и социолога, творца теории экономического материализма. Как теоретик-экономист он пользовался большим почетом у русских социологов-социалистов, и его трудовая теория оказала большое влияние на нескольких наших профессоров политической экономии, но его экономический материализм долго не выдвигался

вперед в общем сознании как особая самостоятельная социологическая доктрина. Проповедь ее у нас началась только в середине последнего десятилетия прошлого века, через четверть века после того, как у нас сделалось популярным имя Конта. В указанные годы в России образовалось сразу два марксизма: легальный, представителями которого были некоторые публицисты и ученые, и революционный, вожди которого находились в эмиграции. Легальные марксисты не долго держались экономического материализма, довольно рано испытав на себе влияние идеалистической реакции, вторые дождались революции, чтобы вернуться в Россию для проведения на практике своей теории.

И те и другие выступили одинаково резкими антагонистами этико-социологического направления русской социологии еще при жизни главных ее представителей и, в свою очередь, были встречены с их стороны полемикой. Известно, что чисто теоретический спор имел и политическую подкладку. Крестьянскому социализму семидесятых годов приходил теперь [на смену] социализм пролетарский. Интегральную часть этого последнего составлял экономический материализм, который и был теперь противопоставлен этико-социологическому направлению, хотя между ним и крестьянским социализмом так называемых народников и не было такой неразрывной связи, какая существовала с самого начала между пролетарским социализмом и учением экономического материализма. Полемика с обеих сторон приняла страстный характер, и голос немногих, указывавших на возможность и необходимость диалектического примирения психологизма и экономизма как тезиса и антитезиса в высшем синтезе, остался гласом вопиющего в пустыне.

Полемика представителей двух разных социологий сводилась к следующему. Марксисты, во-первых, нападали на субъективизм своих противников, противопоставляя ему свой научный объективизм, знающий

только то, что дает действительность; во-вторых, объявляли идеализмом их психологизм, указывая на то, что в основе общества лежит реальнейшая роль личности в истории в их понимании, выдвигая вперед идею закономерности общественной эволюции. С своей стороны оппоненты экономических материалистов указывали на недостаточную, по их мнению, обоснованность и разработанность нового учения и, в частности, указывали на такие вещи, как то, что в основе самих экономических отношений лежит психологическое взаимодействие, что некоторые надстройки над экономическим базисом имеют иное фактическое происхождение и что, наконец, существующие в обществе антагонизмы возникают не из одной борьбы классов. В этом споре с обеих сторон более стремились к углублению пунктов разногласия, нежели к тому, чтобы разрешить диалектически эти идейные противоречия.

Как у прежней социологии были свои журнальные органы, так возникли свои и для социологии марксистской, параллельно с чем и социалисты разделились на социалистов-революционеров с маленьким ответвлением народных социалистов и социал-демократов. Так произошел раскол русской интеллигенции, и параллельно печатались книги и статьи двух разных социологий, из которых одна не выработала какой-либо общей доктрины, а другая, наоборот, стремилась все к большему и большему объединению на верности определенным основным положениям. Октябрьская революция, совершившаяся под знаменем марксизма, создала в высшей степени благоприятные условия для разработки и для распространения, путем печати и путем школьного преподавания, марксистской социологии. Когда почти за четверть века перед этим оппоненты указывали на недостаточную обоснованность главных положений доктрины и на неразработанность ее как системы, они имели в виду тогдашнее положение

ние предмета в марксистской литературе. Это положение изменилось и количественно, и качественно.

Литература экономического материализма выросла до громадных размеров, и в ней было обращено большее, чем прежде, внимание на научно-философское обоснование исходных тезисов доктрины, на большую ее систематизацию, на заполнение ее пробелов, рядом с чем, вместо преобладания полемического тона, стало замечаться стремление к более спокойному обсуждению отдельных проблем, что содействовало ослаблению привычки как можно больше заострять разномыслие с прежней социологией, с другой стороны, больше принимать в расчет замечания критиков. Правда, во всех этих отношениях сделаны только первые шаги, но, если дело пойдет так и дальше, можно ожидать наступления времени, когда взаимное сближение обоих направлений приведет к синтезу психологизма, т. е. тезиса, с экономизмом, т. е. антитезисом.

Именной указатель

- Авенариус Р. — 83, 294, 295
 Адоратский В. В. — 347
 Аксельрод Л. И. (Ортодокс) — 240, 290, 304, 328, 347, 348
 Алексеев Н. Н. — 282, 283
 Андреев Н. Н. — 321, 322, 350
 Антонов М. А. — 41
 Антонович А. Я. — 209
 Ардашев П. Н. — 151, 175
 Арэнс Э. — 125
 Аристотель — 268
 Базаров В. (Руднев В. А.) — 303, 304
 Бакунин М. А. — 101
 Баммель Г. К. — 347, 348
 Беджлот В. — 159
 Безобразов П. В. — 87, 185
 Белинский В. Г. — 29, 30
 Белокольский И. Р. — 348
 Бенгли А. — 269
 Берви В. В. (Флеровский) — 90
 Бегсон А. — 292
 Бердяев Н. А. — 85, 187, 216, 226, 227, 240
 Берман Я. А. — 303
 Бернштейн Э. — 195, 221, 294, 295
 Бестужев-Рюмин К. Н. — 154, 155
 Бехтерев В. М. — 241, 242, 264, 279—281, 284, 348
 Бибилов П. А. — 89, 90
 Блок А. А. — 149
 Богданов А. А. (Малиновский А. А.) — 187, 258, 294, 296, 303, 304
 Бокль Г. Т. — 28, 75, 91, 154—156, 160, 161, 175
 Болдуин Д. М. — 133, 260
 Боричевский И. — 283
 Бронштейн Э. — 132
 Брюлова-Шаскальская Н. В. (Brüllow-Schaskalsky N.) — 86, 87
 Бузескул В. П. — 148
 Бугаев Н. В. — 111
 Бугае С. — 232
 Будаков С. Н. — 187, 226, 227, 239
 Бухарин Н. И. — 285, 299, 321—328, 330—333, 338, 340, 341, 343—346, 347
 Быков Н. — 149
 Бэн А. — 341
 В. К. (Кинг В. П.) — 41
 Вагнер В. А. — 85
 Вандервельде Э. — 307
 Варьяш А. — 349
 Ватсон Э. К. — 41
 Вебер М. (Weber M.) — 152, 182, 184
 Вейгель Э. — 134
 Вессловский Александр Н. — 336
 Вессловский Алексей — 111
 Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.) — 238
 Вешняков М. И. — 159

- Визе фон А. — 330
 Винавер Н. — 149
 Виндельбанда В. — 58, 131, 140, 141, 168, 169, 182, 282, 326, 347
 Виноградов П. Г. — 151, 164, 165, 170, 176, 317
 Виппер Р. Ю. — 151, 169—172, 185, 317
 Витязев П. (Седенко Ф. И.) — 85
 Владимирский-Буданов А. — 260—261
 Воагин В. П. — 186
 Вольтман А. — 283
 Вормс Р. — 133
 Воронов Н. Г. — 241, 261, 283
 Воронцов В. П. (В. В.) — 187, 193, 199, 200, 209, 211, 212, 237, 238
 Вульфберт А. К. — 139
 Вундт В. — 51, 131
 Вырубов Г. Н. — 28, 38, 93, 95
 Гальперин С. И. — 85, 103, 135, 136, 187, 231—233, 244
 Гамбаров Ю. С. — 115, 150
 Гвирицман А. М. — 187, 231
 Гвоздев Г. — 216
 Гегель Г. — 42, 127—129, 141, 165, 292, 293, 348
 Геа Ж. — 307
 Геккер Ю. (Hecker J.) — 32, 87, 88, 102, 218, 238, 283
 Герье В. И. — 34, 149, 151, 155—157, 161, 170
 Гессен В. М. — 142
 Гизетти А. А. — 84, 85, 271
 Гизо Ф. — 162
 Глинка Д. Г. — 89, 90
 Глинский Б. Б. — 240
 Гнейст Р. — 232
 Голосенко И. А. — 41, 102
 Голубцов С. А. — 185
 Головин К. Ф. — 240
 Гольдсмит Я. — 35
 Гольмштейн А. Х. — 116
 Гольцев В. А. — 77, 147, 148, 212, 213, 237—239, 293, 295
 Гонигманн С. — 240
 Горев Б. — 238, 347
 Горин П. — 349
 Гортнер Г. — 324, 350
 Готгейн А. — 330
 Гофштеттер И. А. — 240
 Грановский Т. Н. — 160, 317
 Грацианский Н. П. — 148
 Грабер Н. И. — 107
 Гредескул Н. А. — 103, 137, 138, 240, 185, 192, 285, 292, 293, 312—315, 349
 Гумлович А. — 123, 126, 283
 Гуйо Ж. М. — 336, 346
 Давыдов И. А. — 241, 244, 246, 247
 Даниельсон Н. Ф. — 210, 238
 Данилевский Н. Я. — 155
 Дарвин Ч. Р. — 36, 37, 49, 60, 63, 66, 72—74, 86, 87, 90, 250, 266, 329, 352
 Деборин А. М. — 290, 304, 348, 349
 Де-Грееф Г. — 265
 Делевский Ю. (Юдаевский Я. А.) — 132, 241, 251—255, 257, 259
 Де-Роберти Е. В. — 67, 88, 89, 93—99, 102, 120, 132, 242—244, 260, 262, 263, 265, 271—274, 276, 277, 280, 281
 Дионис В. (Шкловский И. В.) — 259, 348
 Добролюбов Н. А. — 209
 Драгическо Д. — 98
 Дриль Д. А. — 139
 Дубровский С. М. — 284
 Дюринг Е. — 252
 Дюркгейм Э. — 69, 133, 232, 276, 330
 Елисеев Г. З. — 35, 209
 Ешевский С. В. — 160

- Жорес Ж. — 219
 Житловский Х. — 291
 Жуковский Ю. Г. — 189, 207, 209
 Зак А. И. — 210, 211
 Зверев Н. А. — 77
 Звоницкая А. С. — 241, 259—261
 Зеленый Г. П. — 280
 Зибер Н. И. — 115, 187, 192, 237, 349
 Зигварт Х. — 341
 Зиммель Г. — 83, 133, 232, 330
 Иберверг-Гейнц Ф. — 87
 Ибн-Халдун — 131
 Иванов Г. И. — 146, 150
 Иванов П. В. — 146
 Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) — 85
 Ивановский И. А. — 148
 Иеринг Р. — 112, 115, 122, 138
 Изуле-Дубатьер Ж. — 98
 Ильинский В. — 41
 Исаев А. А. — 105, 106, 147, 187
 Каблиц И. И. — 237
 Камков Б. А. — 84
 Кант И. — 110, 141, 216
 Карев Н. А. — 290, 347, 348
 Кареев Н. И. — 43, 84, 85, 101, 102, 119, 132, 147—149, 184, 185, 187, 200, 241, 347
 Карпинский М. И. — 42
 Катаев Н. — 241, 244, 247, 248
 Каутский К. — 227, 306, 307, 346
 Келлес-Крауз К. — 233
 Кеслер К. Ф. — 101
 Кетле А. А. — 131
 Кидд Б. — 69, 133, 283
 Кирпотин В. Я. — 41, 348
 Кистаковский Б. А. — 103, 132, 143—145, 150, 227, 261
 Клейнборг А. М. — 237
 Ключевский В. О. — 111, 151, 161—165, 170, 176, 184, 185, 317
 Ковалевский М. М. — 35, 75, 85, 96, 103, 111, 112, 115—121, 126, 132, 139, 140, 143, 145, 147—149, 187, 217, 231, 232, 242—244, 257, 260, 262, 263, 265, 271, 273, 275, 277, 283, 347
 Козлов А. А. — 42, 84
 Козловский В. В. — 41
 Колле А. — 98
 Колосов Е. Е. — 85, 86
 Колюцов И. — 237
 Кондратьев Н. Д. — 148, 271
 Конт О. — 27—30, 32—34, 36—39, 41, 42, 46, 49, 66, 73, 74, 91, 95, 99, 104, 107—111, 113, 117, 119, 120, 122, 123, 131, 134, 148, 151, 155—159, 165, 166, 168—171, 184, 185, 195, 221, 232, 250, 290, 293, 312, 326, 328, 342, 347, 351, 352, 356
 Коркунов Н. М. — 103, 122—126, 149
 Корочевский Д. А. — 35
 Котляревский Н. А. — 41
 Кочергин М. В. — 288
 Красносельский А. И. — 85
 Кривенко С. Н. — 196, 209, 238, 300
 Кривцов С. — 349
 Кролик А. — 147
 Кропоткин П. А. — 83, 89, 100—102
 Куразов И. Ф. — 308, 347
 Лабриола А. — 294
 Лавров П. А. — 34, 35, 37—39, 41, 43—60, 63—76, 78, 83—85, 87, 92, 93, 95, 96, 101, 107, 119, 120, 123, 132, 133, 136, 143, 167, 187, 189, 192—194, 205, 218, 239, 241, 243, 251, 255, 259, 271, 274,

- 277, 286, 287, 315, 340, 347,
348, 351
Ладоха Г. — 84
Лазарус — 131
Лаконб П. — 220, 294
Лапко-Данилевский А. С. — 34,
131, 149, 151, 153, 167—169
Леббок Дж. — 113
Леви-Брюль А. — 98
Ленин В. И. (Ульянов) — 215,
228, 238—240, 285, 290, 291,
298—309, 322, 323, 227, 337,
339, 340, 349, 350
Лесевич В. В. — 34
Лианенфельд П. Ф. — 89, 92,
119, 123, 133
Литтле Э. — 28, 33, 38, 91, 93,
95, 101
Личков Б. А. — 86
Лориа А. — 220, 232, 283
Луначарский А. В. — 238, 298,
303
Луппол И. К. — 290, 349
Лучицкий И. В. — 151, 157, 158,
161, 184
Львов Б. — 241, 244—246, 283
Льюис Дж. — 28, 38, 40, 110
Любавский М. К. — 184
Любович Н. Н. — 87
Майков В. Н. — 29, 30, 40, 351
Максимов — 349
Мак-Леннан Дж. — 119
Малинин А. А. — 149
Маркс К. — 36, 39, 40, 44, 107,
117, 119, 125, 133, 188—192,
195—197, 199—203, 205, 207,
210, 211, 214, 217, 219,
223—225, 227, 229—232, 238,
247, 248, 250, 253, 254, 256,
258, 266, 270, 282, 283, 286,
287, 290, 291, 293, 294, 296,
298, 300, 301, 303, 305—308,
311, 313, 316, 318—321, 325,
327, 328, 332, 337, 338—343,
346, 350, 351, 355
Мартов — 95
Масарик Т. — 295
Маслов П. П. — 285, 309, 310
Мачинский В. Д. — 249, 250,
251, 283
Мах Э. — 83, 294, 295
Мейер Э. — 152
Менгер К. — 138
Миллер В. Ф. — 35, 111
Милль Д. С. — 28, 33, 38, 40,
53, 110, 113, 159, 290, 341
Милуков П. Н. — 132, 151,
165—167, 185, 234, 246, 247
Миртов — 45, 84
Михайловский Н. К. — 35, 38,
39, 41, 43, 49, 50, 59—76, 78,
81, 83—87, 90, 92, 93, 96,
101, 119, 123, 132, 133, 136,
144, 149, 167, 187, 189, 190,
193, 194, 196, 199, 200,
206—208, 211, 219, 223, 226,
237—239, 241, 251, 271, 277,
286, 300, 301, 320, 347
Мокиевский П. В. — 86, 87, 348
Моль Р. — 125
Муромцев С. А. — 35, 75, 77,
103, 111—116, 121—123, 126,
136—140, 144, 145, 147, 148,
150, 243, 260
Мэн Г. С. — 115, 117, 119
Мякотин В. А. — 184
Нежданов П. — 219, 239
Некрасов Н. А. — 35
Нечаев В. М. — 147
Нечкина М. В. — 350
Николаев П. Ф. — 167, 187,
199, 219, 229—231
Никанор еп. — 42, 108
Новгородцев П. И. — 103, 141,
142, 150, 227, 282
Новиков Я. А. — 101
Нотович О. К. — 154
Оболенский А. Е. — 43, 79, 81,
82, 87, 93, 187, 212
Овсяннико-Куликовский Д. Н. —
148
Омельченко А. Г. — 284

- Оранский С. А. — 285, 323,
325—328, 331, 332, 335, 337,
340—342, 345—347
Орженецкий Р. М. —
Палант Ж. — 283
Пахман С. В. — 116
Переверзев В. Ф. — 41
Петражицкий А. И. — 103, 142,
145—147, 150, 271
Петрушевский Д. М. — 151,
176—182, 187, 231, 235—237,
317
Писарев Д. И. — 32, 33, 41, 75
Писковский В. К. — 151, 174,
175
Платонов С. Ф. — 160
Плеханов Г. В. — 41, 86, 187,
195, 197, 199—203, 206,
208—213, 217—220, 228, 238,
239, 245, 252, 285, 293—300,
303, 304, 307, 308, 321—324,
339, 350, 351
Покровский И. А. — 142
Покровский М. Н. — 42, 185,
285, 317—320, 322, 347, 349
Полетика И. П. — 42
Пресняков А. Е. — 185
Протопопов М. А. — 40, 237
Пругавин А. С. — 199
Разумовский И. П. — 285, 299,
323—329, 333, 334, 335, 337,
338, 339—341, 343—347, 350
Ранский С. П. — 86
Раппопорт Х. А. — 84
Ратцель Ф. — 131
Редкин П. Г. — 96, 109
Рейснер М. А. — 150
Реклю Ж. — 131
Рикардо Д. — 192
Риккерт Г. — 131, 140, 141,
153, 168, 169, 178, 182, 282,
326, 347, 349
Риль А. — 83
Родбертус (Ягелков) К. И. — 256
Роджерс А. К. — 220
Рожков Н. А. — 151, 173, 174,
185, 187, 231, 234, 285,
319—322, 349, 350
Розанов Я. С. — 349
Росс Э. — 330
Рубинштейн Н. — 349, 350
Русанов Н. С. (Кудрин) — 84,
85, 87, 210
Салтыков-Щедрин М. Е. — 35
Сарабянов В. — 347
Сен-Симон К. — 108, 171
Сергиевич В. И. — 103, 110,
111, 113
Сидоров А. — 349
Скобичевский А. М. — 40
Славинский — 348
Слонимский А. Э. — 86, 237
Смит А. — 29, 104, 192
Смоликовский С. — 34
Смолл А. — 330
Солицев С. И. — 132, 241, 255—
259, 285, 309—312, 348, 349
Соловьев Вл. С. — 87, 226, 227,
347
Соловьев Е. А. — 86
Соловьев С. М. — 160, 161
Сорокин П. А. — 84, 139, 148,
241, 259, 261—264, 271—277,
279, 284, 311
Спасович В. Д. — 101
Спекторский Е. В. — 103, 133—
135, 149, 244
Спенсер Г. — 28, 36, 37, 39, 49,
60, 63, 66, 67, 69, 73, 74, 91,
113, 115, 117, 119—121, 123,
124, 127, 133, 158, 159, 165,
168, 171, 206, 250, 290, 347
Стасюлевич М. М. — 155
Стороженико — 111
Стронин А. И. — 89, 91, 92,
101, 119
Струве П. Б. — 88, 187, 196—
200, 202, 203, 206, 208—212,
215, 219, 220, 222—224, 227,
238—240, 282, 295, 296, 299,
300—303, 309, 340

- Сулковский Ф. В. — 339, 340
 Сурский В. — 86
 Таганцев В. — 261
 Тард Г. — 65, 69, 84, 120, 130, 133, 148, 260, 317
 Тарле Е. В. — 86, 184, 317, 336
 Тахтарев К. М. — 241, 259, 261—271, 284, 311, 348
 Теплов Н. В. — 89, 99, 100
 Тимирязев К. А. — 111
 Тихомиров А. А. (псевд. — И. Колюцов) — 238
 Ткачев П. Н. (псевд. — Никитин) — 84, 93, 191, 192
 Трачевский А. С. — 151, 158—161, 184
 Трубецкой Е. Н. — 150, 227
 Туган-Барановский М. И. — 187, 196, 220, 222—227, 257, 309
 Тэйлор Э. — 113, 119
 Тэн И. — 157
 Тюменев А. И. — 347
 Уорд А. — 28, 64, 83, 119—121, 133, 167, 216, 219, 229—231, 269, 292
 Фарфоровский С. В. — 288
 Фатеев А. Н. — 123, 148
 Филиппов М. М. — 86
 Фирканд А. — 330
 Флеровский В. В. — 89, 90
 Фриндленд Ц. — 349
 Фриче — 298
 Фулье А. — 148, 239
 Фюстель-де-Куланж Н. Д. — 213
 Херсонский Н. — 291
 Хвостов В. М. — 103, 129—133, 149, 187, 231, 233, 244, 276, 348
 Чернов В. М. — 43, 82—84, 86, 102, 187, 213—219, 230, 231, 257, 286
 Чернышевский Н. Г. — 31, 32, 36, 37, 40, 41, 44, 46, 75, 190, 191, 209, 348, 351
 Чичерин Б. Н. — 41, 103, 108, 109, 126—129, 139, 147, 149, 150
 Чупров А. А. — 131
 Чупров А. И. — 111
 Шахов А. А. — 147, 185
 Шаховской Д. И. — 147
 Шершеневич Г. Ф. — 103, 136, 137, 147, 148, 150, 244, 260, 283
 Шестаков А. — 349
 Шеффле А. — 123, 127, 133
 Шпет Г. Г. — 84
 Штаммлер Р. — 227
 Штейн А. — 125, 232
 Штейнберг А. Э. — 84
 Штейнталь Г. — 131
 Эллауд Ч. — 330
 Энгель Г. (Е.) А. — 347, 350
 Энгельс Ф. — 119, 133, 188, 195, 219, 227, 230, 232, 248, 252—254, 256, 298, 303, 305, 306, 314, 321, 327, 332, 334, 338, 339, 342, 349, 350
 Эспинас А. — 51
 Южаков С. Н. — 38, 39, 41, 43, 50, 58, 67, 69—76, 78, 84, 86, 87, 93, 101, 119, 187, 196, 209, 210, 212, 241, 251, 255, 300
 Юшкевич П. С. — 248, 249, 303, 304
 Яблочков Т. М. — 147
 Янжул И. И. — 111
 Яроцкий В. Г. — 107, 239

Оглавление

Предисловие. Историко-социологические взгляды Н. И. Кареева (И. А. Голосенко) . . .	5
Введение. Перед возникновением социологии в России	27
I. Первое знакомство с Огюстом Контом в России	27
II. Начало его изучения	29
III. Русская позитивистская журналистика и новые социологические проблемы	30
IV. Начало этико-социологического направления	37
V. Периоды истории русской социологии .	38
Глава первая. Этико-социологическое направление в русской социологии . . .	43
I. П. А. Лавров	43
II. Н. К. Михайловский	59
III. С. Н. Южаков	69
IV. Н. И. Кареев	74
V. А. Е. Оболенский	81
VI. В. М. Чернов	82
Глава вторая. Представители других направлений русской социологии	89
I. Книжки Д. Г. Глянки, В. В. Флеровского, А. И. Стронина, П. Ф. Лилиенфельда	89
II. Е. В. Де-Роберти	93
III. Н. В. Теплов	99
IV. П. А. Кропоткин	100
Глава третья. Русские юристы-социологи.	103
I. Общий характер общественных наук в России в момент возникновения социологии	103

II. Социолого-экономисты	105
III. В. И. Сергиевич	110
IV. С. А. Муромцев	111
V. М. М. Ковалевский	116
VI. Н. М. Коркунов	122
VII. Б. Н. Чичерин	126
VIII. В. М. Хвостов	129
IX. Е. В. Спекторский	133
X. С. И. Гальперин	135
XI. Г. Ф. Шершеневич	136
XII. Н. А. Гредескул	137
XIII. Юристы — противники позитивизма в юриспруденции (П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, А. И. Петражицкий) . .	139

Глава четвертая. Отношение историков к социологии

I. Нерасположение большинства историков к социологии	151
II. Взгляд В. И. Герье	155
III. Влияние Конта на И. В. Лучицкого . .	157
IV. Социология в представлении А. С. Трачевского	158
V. Социология в понимании В. О. Ключевского	161
VI. Лекция о прогрессе П. Г. Виноградова .	164
VII. «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова	165
VIII. А. С. Лаппо-Данилевский и его «Методология истории»	167
IX. Отношение к социологии Р. Ю. Виппера	169
X. Социологические труды Н. А. Рожкова .	172
XI. Вступительные лекции В. К. Пискорского и П. Н. Ардашева	174
XII. Взгляды Д. М. Петрушевского на социологию	176

Глава пятая. Появление экономического материализма

I. Слабость экономизма в первом периоде русской социологии	187
---	-----

II. Время полемики между народниками и марксистами	193
III. Марксистское выступление П. Б. Струве	197
IV. Г. В. Плеханов и его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»	199
V. Возражения оппонентов экономического материализма	202
VI. Отношение к нему П. А. Лаврова, Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, В. П. Воронцова, А. Е. Оболенского, В. М. Чернова, Н. И. Кареева и др.	205
VII. «От марксизма к идеализму» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Богданов)	222
VIII. Мысли П. Ф. Николаева, В. М. Чернова и А. М. Гвицмана о синтезе экономизма с психологизмом	229
IX. Отношение к экономическому материализму М. М. Ковалевского, С. И. Гальперина, В. М. Хвостова, Н. А. Рожкова и Д. М. Петрушевского	231

Глава шестая. Социологическая литература начала XX века

I. Начало нового периода	241
II. Работы Б. Львова, И. А. Давыдова и И. Катаева. Ю. Делевский, С. И. Солнцев .	244
III. Два новых социолога: А. С. Звоницкая, Н. Г. Воронов	259
IV. К. М. Тахтарев	261
V. П. А. Сорокин	271
VI. Н. И. Кареев	278
VII. «Коллективная рефлексология» В. М. Бехтерева	279

Глава седьмая. Марксистская социология

I. Экономический материализм после полемики конца XIX в. Влияние октябрьской революции на судьбы социологии в России	285
--	-----

II. Диалектизм марксистской социологии: Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. П. Маслов, [С. И. Солнцев], Н. А. Гредескул	293
III. Историки-марксисты: М. Н. Покровский, Н. А. Рожков	315
IV. Главные систематизаторы теории экономического материализма: Н. И. Бухарин, И. П. Разумовский, С. А. Оранский и др. Главные пункты систематизации	323
Заключение	351
Именной указатель	359

Николай Иванович Кареев

Основы русской социологии

Подготовка текста, вступительная статья,
комментарии *И. А. Голосенко*
Художники *Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин*
Редактор *Н. Р. Бочкарева*
Художественный редактор *В. Г. Лошкарева*
Корректоры *Е. Д. Светозарова, О. К. Королева*
Компьютерная верстка *А. Н. Киселевой*
Обработка компьютерных шрифтов *Ю. Г. Огурцова*

Лицензия АР № 064183 от 2.08.95 г.
Подписано к печати 16.09.96. Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура Музй'. Печать
офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,32. Изд. № 4. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 418.
«Издательство Ивана Лимбаха». 191014, Санкт-Петербург, Саперный пер., 14.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПК «Лениздат». 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 57.